

**ИВАН
АКСАКОВ**

ЕВРЕЙСКИЙ
ВОПРОС

Иван Сергеевич Аксаков

Еврейский вопрос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2610625

Аннотация

«Выражения „идея века“, „либеральная идея“, „гуманная мысль“ – сделались в нашем прогрессивном обществе, каким-то пугалом, отпугивающим самую смелую критику. Это своего рода вывеска, за которой охотно прячется всякая ложь, часто не только не либеральная и не гуманная, но насильственно нарушающая и оскорбляющая права жизни и быта безгласных масс в пользу мнимо угнетенного, крикливого, голосящего меньшинства...»

Содержание

Из газеты «День»	5
Следует ли дать евреям в России законодательные и административные права?	5
Отчего евреям в России иметь ту равноправность, которой не дается нашим раскольникам?	16
Что такое «еврей» относительно христианской цивилизации?	22
Из газеты «Москва»	36
Не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев	36
Из газеты «Русь»	45
«Либералы» по поводу разгрома евреев	45
Иудаизм как всемирное явление	61
Желательно ли расселение евреев по всей России?	76
По поводу статей Брафмана о кагале	93
Еврейская агитация в Англии	108
Нормально ли положение евреев на нашем западе и юге, и их отношение к местному населению?	114
О том, как бы обезвредить евреев для христианского народонаселения	130

Обезвредятся ли евреи, преобразовавшись в культурный слой?	152
О Талмуде	175
Воззвание Кремль, обращенное к евреям от лица «Всемирного Израильского Союза»	199
Разбор циркулярного воззвания «Еврейского Всемирного Союза»	211
Еще о воззвании «Всемирного Израильского Союза»	235

Иван Сергеевич Аксаков

Еврейский вопрос

Из газеты «День»

Следует ли дать евреям в России законодательные и административные права?

Москва, 16 февраля 1862 г.

Выражения «идея века», «либеральная идея», «гуманная мысль» – сделались в нашем прогрессивном обществе, каким-то пугалом, отпугивающим самую смелую критику. Это своего рода вывеска, за которой охотно прячется всякая ложь, часто не только не либеральная и не гуманная, но насильственно нарушающая и оскорбляющая права жизни и быта безгласных масс в пользу мнимо угнетенного, крикливого, голосащего меньшинства. Этот деспотизм некоторых идей, это слепое раболепство некоторым кумирам объясняется историей нашего общественного развития и, бесспорно, имеет свою полезную сторону, если сами идеи нравственны. Оно способно иногда воздержать склонность – действовать

в духе, уже совершенно не гуманном и не либеральном: многие добрые дела делаются если не по убеждению, то из страха, из некоторой душевной подлости пред грозными идеями века. Такое основание, конечно, не нравственно, не прочно, не всегда плодотворно, но тем не менее может быть допущено в области практической как внешняя узда для тех, которые не вразумляются внутренним достоинством господствующей мысли.

Все это так; но критика общественная должна безбоязненно входить в исследование самого содержания всякой новой идеи, не обращая никакого внимания на ее чин и породу, не смущаясь тем, что она состоит в звании идеи века и аристократического, т. е. европейского происхождения, а относясь прямо к ее абсолютной, внутренней ценности. Так и по вопросу об евреях мы большею частью только расшаркиваемся учтиво, и – надобно признаться – не совсем искренне, пред всякою новою для них льготою, не отдавая себе отчета в смысле, значении и пределах таковых льгот. Мы сказали: «Не совсем искренно», и в доказательство можем привести спор нашего малороссийского или южнорусского сборника, «Основы» с еврейским журналом, «Сионом», спор, в котором личное раздражение «Основы» заставило ее приподнять уголок завесы, прикрывающей ее настоящее, сокровенное, если не воззрение, то по крайней мере чувство в отношении к «Иудеям» (как она их называет), и употребить выражения, несколько противоречащие обычному строю речей на-

шей литературы, когда дело касалось или касается еврейского племени.

Недавно вышел новый закон о евреях, дарующий им новые и весьма важные льготы, именно: евреи, имеющие дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата, «допускаются на службу по всем ведомствам» и по всей России. Этот закон, которого нельзя не признать вполне милостивым и либеральным, был приветствован во многих наших литературных органах пышными и громкими фразами о нашей «современности и веротерпимости». Но мы смеем думать, что наши защитники и ревнители иудейских интересов не так поняли закон, как бы следовало, и, во всяком случае, не уяснили себе сами тех пределов, до которых может идти его практическое применение. Конечно, выражение «по всем ведомствам» не вполне передает мысль законодательную, и, конечно, его нельзя понимать без ограничения. Так, например, нельзя же предположить, чтобы обер-прокурором Святейшего Синода мог сделаться еврей, еврей не по происхождению, а по вере! Мы думаем даже, что наши литературные прогрессисты не решаются, при всей дерзости своего прогресса, признать подобное явление возможным... Почему же нет? С их стороны это будет только недостаток, или, лучше сказать, робость последовательности. Ведь звание обер-прокурора не есть духовное, а чисто гражданское звание, и область управления, ему подчиненная, называется «ведомством». Однако же, наверное, сами наши прогресси-

сты согласятся, что еврея во главе этого ведомства даже и предположить невозможно. Они сами найдут, конечно, что здесь противоречие слишком резко. Пойдем дальше. Предположим, что кто-нибудь сказал бы нашим прогрессистам: желаете ли вы и считаете ли сбыточным, чтобы правительствующий Сенат, Государственный совет и вообще законодательные учреждения России наполнились евреями, и не в канцелярских, а в самых высших должностях и званиях? Подадут ли наши прогрессисты свой голос в пользу и даже за возможность такого явления? Сомнительно, и даже есть основание думать, что ими овладеет некоторое, может быть, даже несправедливое опасение, чтобы законодатель – еврей, Моисеева закона, не вздумал в России законодательствовать в духе моисеевом!.. Стало быть, является новое ограничение к допущению евреев служить по «всем ведомствам»? В этом-то смысл и полагаем мы, что новый закон о евреях нельзя разуметь без ограничений.

Постараемся подойти к этому вопросу поближе, и притом даже с точки зрения не христианской, а просто языческой, но предположим язычника частного, правдивого, относящегося к делу со стороны, вполне беспристрастно, и предъявляющего касательно нас только одно требование; логики и последовательности.

Вот земля, именуемая себе христианскою. Христианство – такое учение, которое, по мнению христиан, указало особые начала для всего нравственного и духовного мира чело-

века, а следовательно – и общества, и на основании этих начал пересоздало и пересоздает быт частный, общественный, гражданский, государственный, просвещение, науку, законодательство, отношения людей между собой, одним словом, всю область человеческой деятельности. Истинно или не истинно оно в своем существе – этот вопрос в сторону, но таков факт, которого отрицать нельзя. Народы, исповедующие христианство, уклоняются от правил своего учения, но постоянно признают его за свой идеал, за цель своего существования, за свое знамя. Сказать – христианин, и всякому известно, что от этого звания требуется и какому нравственному кодексу – предполагается – он должен следовать. Нет возможности, да и надобности производить испытание над совестью каждого и исследовать его личное отношение к христианству, но достаточно видеть знамя, под которым он стоит, чтобы требовать от него общественных действий, согласных с общественным знаменем. Это знамя в России – христианское.

В христианскую землю приходит горсть людей, совершенно отрицающих христианское учение, христианский идеал и кодекс нравственности (следовательно, все основы общественного быта страны) и исповедующих учение враждебное и противоположное. Естественно спросить – зачем они приходят в страну, под христианское знамя которой стать они не могут? Но им некуда деться, они голодны, сиры, везде и всюду гонимы. Христианская земля, руководствуясь духом

своего учителя, дает им приют и средства существования, свободу внутренней и гражданской жизни. Больше этого она дать не может. Больше этого дать – было бы возможно только в таком случае, если предположить ложь с той или другой стороны, то есть – что или христиане лгут, именуя себя христианами, или евреи лгут, официально исповедуя закон Моисеев. На этой-то взаимной неискренности и основывается новейшее современное отношение христиан и евреев! Евреи пришли к христианам – хозяевам земли, в гости. Хозяева могут принять и даже уважить гостей, хотя и непрощенных, но не могут посадить их за свое хозяйское место и дать власть хозяйскую тем, которые проповедуют ниспровержение всякого хозяйского порядка; не могут предоставить им волю распоряжаться и управлять домом. «Но они не станут опровергать порядок, – возразят некоторые. – Они этого не проповедуют». Тут не место таким уверениям, ответит вам всякий честный язычник: лазить в чужую душу и экзаменовать частную совесть не приходится, а следует обратить внимание на штемпель, которым заклеимен человек, на вывеску, которую он носит, на знамя, под которым он стоит, на учение, которое он официально исповедует. Вам нет дела – искренне ли он его исповедует или лжет, но он от него не отрекся, следовательно, он продолжает его держаться, продолжает держаться начал, враждебных началам вашего народа, вашему знамени. Вопрос не о том, кто прав, кто не прав, а о том, в каком взаимном отношении должны находиться оба

учения и исповедники этих учений, если они искренни.

Что сказал бы честный Брут, если бы, внезапно воскреснув, он был свидетелем взаимных учтивостей и нежностей поляков-католиков и евреев в Варшаве в прошлом году? Евреи, в припадке восторга, подносят католикам крест – эмблему распятия, распятия, совершенного евреями над тем, кого католики признают Богом. «Стало быть – евреи соглашаются со смыслом христианской эмблемы и уже отреклись от своего учения?» – спросил бы Брут. – Нисколько. Католики, со своей стороны, проливая слезы умиления, строят или дают деньги на постройку храма, синагоги, где должно раздаваться учение, противное Христову и христианству... «Стало быть – католики уже не исповедуют своего Христа?» – спросил бы Брут. – Нет, исповедуют, т. е. говорят, что исповедуют. Ксендз шествует с раввином, под ручку, в процессии... «Ведь они оба служители храмов, – спросит опять наивный Брут, – проповедники учений несовместимых, противоположных? Значит, один уступил другому, или оба убедились в лживости своих учений, или каждый признал истину учения, своему противоположного? Но ведь одно исключает другое? Как же это согласить?» – Нет, оба числятся, каждый при своей вере. – «Так это не честно! – воскликнет Брут. – Было бы в тысячу раз честнее и нравственнее, если бы католики и евреи пришли друг к другу и сказали: мы отказываемся от Христа и его заповедей, а мы от Талмуда и ожиданий мессии, мы соединяемся друг с другом во имя нашего чело-

веческого звания!.. Но так как они этого не говорят и продолжают официально принадлежать к учениям христианскому и еврейскому, то они являют безобразный пример гнусной лжи, лицемерия, неуважения к своему званию и презрения к народу, исповедующему свою веру искренне!..»

Согласитесь, читатель, что это правда, что так должен посудить всякий беспристрастный, даже чуждый иудаизма и христианства честный, правдивый человек! Но у наших прогрессистов есть в запасе словцо, которое, по их мнению, все разъясняет и разрешает. Это дух современной цивилизации, цивилизации XIX века. Что ж это такое? Новая религия, что ли? Где кодекс этой цивилизации? Где отыскивать ее, наконец? Даже еврейский журнал «Сион», и тот в одном из своих номеров опирается в требовании новых прав для евреев на просвещение XIX века. Невольно хочется спросить «Сион» (очень умный и замечательный журнал, между прочим): «До какой эры этот XIX век? Это XIX век эры христианской, христианской проповеди и христианской цивилизации, вами отвергаемой, а потому вам и ссылаться на него неприлично. Что такое значит дух современной цивилизации? Выражается ли она в том, что англичане теснят славян и поддерживают гнет над ними турок, отвергающих цивилизацию? В учении материалистов, отвергающих понятие о добре и зле и низводящих человека на степень безответственного животного, лишенного внутренней свободы воли? В разврате ли женщин, проповедуемом некоторыми коммунистами?» Оче-

видно, что повторяющие это слово – сами не дают себе ясного в нем отчета и должны будут при допросе свести свои открытия в области цивилизации к тем нравственным истинам, которые все давно уже проповеданы миру именно Евангелием, которые действительно, в наше время, шире воплощаются в жизни, но которым еще далеко до полного на земле осуществления, согласно христианскому идеалу.

Итак, только во имя христианских же начал, а не какой-то цивилизации можно желать расширения льгот и прав для евреев, но нельзя же, опираясь на начала, внесенные в мир христианством, требовать отрицания и отвержения этих начал! Это бессмысленно. Веротерпимость, повелеваемая христианским учением, не значит вероугодность, не значит равнодушие к вере, а еще менее – отречение от своей веры и своего знамени. Евреям должна быть предоставлена полная свобода вероисповедания, но там, где бы стали хлопотать, например, о преуспевании еврейского учения, о поддержке еврейской ортодоксии или о том, чтобы Закону Божию учили настоящие, твердые в Талмуде, а не шаткие раввины, – там, чрез это, засвидетельствовалось бы только совершенное равнодушие к истине христианской. Можно допустить евреев в разные должности, но не в те должности, где власти их подчиняется быт христиан, где они могут иметь влияние на администрацию и законодательство христианской страны. К чему же вы будете отрекаться от своего знамени, когда евреи упорно держатся своего? Нам скажут: «В наше время вера

ничего не значит, просвещенный еврей все равно, что христианин». Если ничего не значит, так зачем же еврей не отречется от своего закона публично, не объявит всенародно, что признает его ложным и принимает... Что? Ну, положим, хоть кодекс цивилизации XIX века, по-вашему, – но согласитесь, что такое отречение необходимо. Если же еврей не решается на это отречение, то, стало быть, это противно его совести, стало быть, он дорожит и признает истинным учение своего Талмуда. А признавая истинным учение Талмуда, он должен действовать, он не может иначе действовать, как в духе своего учения, противоположного всем началам, которые легли в основу частного и общественного, и государственного быта в христианской земле.

Мы никогда не враждовали с евреями. Мы признаем великие дарования этого народа и искренне сожалеем об его заблуждении. Мы готовы желать, чтобы обеспечена была ему полная свобода быта, самоуправления, развития, просвещения, торговли (разумеется, поскольку евреи способны уважать общие для всех граждан законы); мы готовы даже желать допущения их на жительство по всей России, но мы не можем желать для них административных и законодательных прав в России, в стране, которая предносит пред собою знамя христианства, создалась и развивается на началах христианской истины и, повторяем, не в ином смысле признаем возможным будущее применение нового закона о евреях. Допустить евреев к участию в законодательстве или в народ-

ном правительстве, как в Англии (кроме дел, их непосредственно касающихся), мы считаем возможным только тогда, когда бы мы объявили, что отрекаемся и отказываемся от христианского путеводящего света. Совмещение же, с одной стороны, признания за евреями таких прав, с другой – официальной верности христианскому знамени, – есть ложь и лицемерие, вредные для народной нравственности и потому неспособные дать даже и на практике никаких прочно-полезных результатов.

Мы знаем, что против нашего мнения поднимется целый хор недобросовестных или непонятливых публицистов, что нас обвинят в отсталости, в варварстве, в невежестве и даже в фанатизме! Эти клеветы нам не страшны. Но неужели не найдется людей, способных рассмотреть вопрос хладнокровно и на основании простой логики? Или требование логики в сочинениях большей части наших публицистов – есть требование неумеренное?..

Отчего евреям в России иметь ту равноправность, которой не дается нашим раскольникам?

Москва, 26 мая 1862 г.

Статья об евреях, помещенная в N 19 «Дня», произвела, как и следовало ожидать, истинный взрыв негодования во многих, преимущественно петербургских журналах, служащих по прогрессивной и либеральной части. Впрочем, кроме одной статьи, принадлежащей московской газете и на которую мы не замедлим отвечать, остальные, именно петербургские журналы, не представили никакого серьезного возражения: большая часть из них, имея во главе или в хвосте «Северную почту», только провозгласила хором отсталость и «косность» редакции «Дня» и дала публике новое свидетельство своего благородства, своего либерализма, своего великодушия, своего сочувствия к меньшей братии вообще, и к угнетенным в особенности.

Сочувствие к угнетенным! Какие чудесные слова! Сколько в них нравственной красоты и великой, утешительной для общества прогрессивной силы! Как же не ценить такое направление в нашей литературе, как же не отдать справедливости петербургским журналам и газетам, друг перед другом отличающимся широтою и возвышенностью чувств, от «Гуд-

ка» до фельетонов официального органа Министерства вн. дел с г. Василием Заочным включительно?

И действительно, наблюдать это литературное явление со стороны – в высшей степени интересно. Не раз задавали мы себе вопрос: то сострадание к человечеству – есть ли оно искреннее движение общественной совести, одним словом – явление, порождаемое положительными нравственными требованиями общества, – или же только выражение протеста, вполне законного, против гнетущей силы, – сочувствие неразборчивое, отвлеченное, не справляющееся с действительностью, основанное не на любви к добру, а на отрицании зла? Разумеется, первое, т. е. любовь, несравненно труднее, потому что требует от человека положительных дел и жертв, и вообще – проявлений реальных, второе же – гораздо легче и может дешевым способом поставить человека в красивое общественное положение, но тем не менее и оно – явление вполне законное, почтенное и утешительное. Мы готовы были бы охотно признать, что сострадательность нашей литературы проистекает из того или другого источника, если бы она не переходила так часто в приторную и пошлую сентиментальность, если б в ней было более знания дела (мы, конечно, разумеем здесь не «Мертвый дом» г. Достоевского, не «Основу», да и вообще имеем в виду не отдельные статьи в том или другом периодическом издании, а главный, общий, господствующий характер их направления), – если б, наконец, нас не смущало следующее постоянное противоречие.

Те петербургские органы литературы, которые по преимуществу щеголяют «демократическим» направлением, а следовательно, и состраданием к народу, к угнетенной меньшей братии вообще, – не только оказывают полнейшее презрение к народу, но постоянно оскорбляют и, так сказать, нравственно угнетают самые заветные стороны его духа, его святую, его убеждения, его веру, его народность – одним словом, то, что для него дороже всего на свете! Должно быть, любить человечество вообще – еще не значит любить человечество русское, которое обувается в лапти, сапоги, смазываемые дегтем, и одевается в нагольные тулупы; наконец, даже и любить русское человечество с его демократической одеждою – еще вовсе не значит уважать его, его духовные и гражданские требования... Наши чувствительные демократы обыкновенно создают из народа какой-то идеал по образу и по подобию своему, и только в этом виде ему и сочувствуют, не признавая за ним никакого права быть самим собою и нисколько не чинясь с истинным образом народным, как скоро замечают в нем несходство со своим идеалом. Они даже не прочь в таком случае прибегнуть и к диктаторскому жезлу или просто к палке Петра Великого, чтобы сим сострадательным способом вогнуть народ в рамки своего демократического подобия!

Итак, мы нисколько не верим тому широкому и великодушному состраданию к угнетенным, тому сочувствию к народу, которое знать не хочет коренных основ русской, до сих

пор нравственно угнетенной народности, как и вообще не верим петербургскому демократизму: мы решительно считаем его одного поля ягодой с петербургским аристократизмом, бюрократизмом и со всем тем, против чего он ратует: все они выросли на одной и той же почве, лежащей гнетом поверх русской земли, наследовали тот же дух петровского презрения к русскому народу, хотя бы причесывались а la pouçick, щеголяли в поддевках и толковали о земстве!..

Наконец есть еще третье объяснение – и едва ли не самое истинное – того «благородного негодования», которым преисполнились петербургские журналы по поводу евреев и вообще преисполняются при каждом удобном случае. Оказывается, что мы, русские (т. е. русское образованное общество), не только в области мысли, но и в области чувства, любви, сострадания не умеем быть самостоятельными и платим дань подражательности Западной Европе. Действительно, разве мы не хлопотали об уничтожении постыдного торга африканскими невольниками еще лет за 25 до освобождения наших крепостных? Разве критик петербургского журнала (одного из толстых) недавно при разборе сочинений И. В. Киреевского не поставил ему упреком того, что он в 1831 году занимался за границей германской философией, а не болел сердцем о том, «что есть французский блузник» или «как французский буржуа давит индивидуальное развитие своих сыновей и дочерей»: мы бы еще поверили сострадательности критика, если б он указал на наши русские об-

щественные вопросы, на бедствие наших крестьян и рабочих, но он о них и не упомянул: это забвение многозначительно. Разве «Русский инвалид», горячо сочувствующий делу итальянского единства, не глумится в то же время над сочувствием к единоплеменникам-славянам, выражаясь даже таким образом, что «смешно и нелепо сожалеть об угнетенных славянах, чем о неграх!» И в самом деле: единоплеменники! Какая узость взгляда! Нет, мы космополиты, а почему мы не называем узким стремление пьемонтцев освободить всех единоплеменников своих итальянцев от чуждого ига. Это... это потому, что ведь они, итальянцы, и даже все, до последнего мужика (каково просвещение!) умеют по-итальянски, а славян Европа ненавидит или презирает!..

Так и относительно евреев. Этот вопрос имеет известность европейскую: французы, немцы, англичане дали ему самое либеральное разрешение; чего же тут сомневаться? Кто посмеет идти против такого авторитета? Напротив – тут можно либеральничать безопасно, потому что за нас стоит авторитет европейский, можно легким способом удостоиться внимания иностранной журналистики и самому, в собственном сердце, почувствовать себя передовым человеком!..

А подумал ли, вспомнил ли хоть кто-нибудь из благородных защитников принципа допущения евреев к высшим должностям в государстве о той громадной массе русских, лишенных даже и тех прав, которыми евреи пользовались

постоянно, прежде последней дарованной им льготы, пользовались едва ли не с самого начала их поселения в Малороссии? Кому из «либералов» пришли по поводу евреев на память – хоть наши старообрядцы беспоповщинского толка? Конечно – это свои; необразованное мужичье, коснеющее в предрассудках, за них еще не стыдили нас ни французы, ни англичане: со своими что за счеты! И в самом деле, отчего ни один, так близко принимающий к сердцу положение еврейского народа, отчего сам г. Мельгунов, доказывающий в «Нашем времени», что для исправления правосудия в России необходимо допустить в личный состав судов – немецких евреев, – не сказал при этом случае ни слова о раскольниках, а если и упомянул про русского человека, так только для того, чтоб назвать его тут же, кстати, – плутом?!

Мы вовсе не сочувствуем расколу как расколу, но говорим только, что странен и подозрителен рьяный восторг, в который наши либералы приходят при мысли о новых правах евреев, когда наши беспоповщинцы и вообще старообрядцы не могут быть избираемы в городские общественные должности, не могут строить молелен, когда их сожителство с женами не признается нашим законодательством за брак наравне с еврейским и дети не считаются законными?..

На этот раз воздерживаемся от более пространных суждений о расколе, довольствуясь сделанным нами заявлением и отлагая подробнейшее рассмотрение этого вопроса до... другого времени.

Что такое «еврей» относительно христианской цивилизации?

Москва, 8 августа 1864 г.

Что такое «еврейский вопрос» в России, да и не в России только, а вообще в христианской Европе? Этот вопрос состоит собственно в том, каким образом заглушить тот диссонанс, примирить то противоречие, которое представляет существование еврейского племени среди христианского общества, т. е. племени, отрицающего самую коренную основу христианского общества, самые его права на бытие? Другими словами: как устроить отношение к национальности христианского народа – такой национальности, которая все свое определение находит только в отрицании христианства, – и других элементов национальности, даже почти и физиологических не имеет? Если бы евреи отступились от своих религиозных верований и признали во Христе истинного мессию, никакого бы еврейского вопроса и не существовало. Они тотчас бы слились с теми христианскими народами, среди которых обитают. Следовательно, разрешение этого трудного, многосложного, тяжелого и скучного вопроса, по-видимому, очень легко: нужно только осознать свои заблуждения, отказаться от того, что все гг. прогрессисты из евреев же называют предрассудками. Но тогда бы не было и вопроса, а вопрос существует именно потому, что евреи желают быть

согражданами христианского общества, оставаясь в то же время верными своему «закону», – стало быть, они дорожат этим «законом», стало быть, они вполне разделяют все чаяния, сопряженные с иудаизмом как вероучением, проникнуты в душе той же исключительностью, которая составляла некогда священную особенность этого племени до христианства, но которая упразднена исполнением обетования во Христе и призыванием к участию в благодати всего человечества. Если же таково внутреннее духовное отношение евреев к христианам, так, строго говоря, тут примирение невозможно. Искренне верующий еврей и искренне верующий христианин могут сосуществовать в одном месте, друг подле друга, связанные внешним гражданским союзом, – но без духовного единения, но не составляя друг с другом никакого общего нравственного целого: они в области сознания исключают друг друга. Нам могут заметить, что и в среде христиан очень много людей неверующих, отрицающих христианство. Конечно, так, но это отрицание, являющееся внутри самого христианского общества, совсем другого качества и значения, чем отрицание христианства евреями. В христианском обществе (в обширном смысле слова) атеизм является фактом партикулярным, личным, как бы ни было велико число отдельных атеистических личностей; они – эти атеисты – как бы ни было рьяно их отрицание, вращаются в том же круге христианского общечеловеческого сознания – только в отрицательном к нему отношении и на место отрицаемого не

могут поставить ничего положительного: ни нового высшего нравственного идеала, ни новой веры (так как они вообще отвергают всякую жизнь веры в человеке); ни той полноты знания, которая бы способна была заменить веру. Они только не христиане по личным убеждениям, но сами по себе не суть провозвестники новой положительной истины. Совсем в ином отношении находятся к христианству евреи. Их отрицание тем сильнее, чем теснее связь христианства с иудаизмом. И какая связь: это логическая преемственная связь двух исторических моментов духовного развития человечества. (Попытаемся рассмотреть вопрос с точки зрения чисто исторической, а не с той точки зрения, которая непременно предполагает присутствие личной веры: в последнем случае каждому легко уклоняться от спора). Христианство есть венец иудаизма – конечная цель, к которой иудаизм стремился, которая осмыслила все его историческое бытие. Ни в истории, как явления исторические, ни в логическом сознании, как факты сознания, – христианство и иудаизм, немислимы один без другого: христианство немислимо без предшествовавшего ему иудаизма, и последний только в христианстве нашел свое объяснение и оправдание. Что же такое евреи в наше время? Это воплощение отжившего исторического периода, это застывший, упраздненный момент общечеловеческого духовного развития, общечеловеческого сознания, – момент, которого притязания на дальнейшую историческую жизнь равносильны отрицанию всего последовавшего после

него развития человечества. Еврей есть анахронизм, но анахронизм, не мирящийся с своей участью, а претендующий на значение современное. Между тем, если бы этот анахронизм имел значение современное, то этим бы исключалось все прочее ныне современное существующее, – все, что является теперь как логический вывод из времени предшествующего. Если верование еврея имеет логическое право на бытие в наше время, т. е. если предположить, что оно несколько не упразднено историей, то не только христианство не имеет смысла, как последующий логический момент общечеловеческого религиозного сознания, но и вся история человечества от времен Христа, со всей новейшей, т. е. христианской цивилизацией, лишается всякой разумной логической основы, является какою-то необъяснимою случайностью, теряет право на историческое бытие! Еврей, отрицая христианство и предъявляя притязания иудаизма, отрицает вместе с тем логически все до 1864 года успехи человеческой истории и возвращает человечество на ту ступень, в тот момент сознания, в котором оно обреталось до явления Христа на земле. В этом случае еврей не просто неверующий, как атеист, – нет: он, напротив, верит во всю силу души, признает веру, как и христианин, существенным содержанием человеческого духа, и отрицает христианство – не как веру вообще, а в самой его логической основе и исторической законности. Верующий еврей продолжает в своем сознании распинать Христа и бороться в мыслях, отчаянно и яростно, за

отжитое право духовного первенства, – бороться с Тем, Который пришел упразднить «закон» – исполнением его.

Найдутся, пожалуй, такие господа, которые обвинят нас в желании разжечь взаимную ненависть христиан и евреев, возбудить религиозный фанатизм и т. д. Этим господам несравненно привольнее пребывать в каком-то смутном состоянии, в какой-то сырой неопределенности мысли и чувства, не разрешая противоречий, не отдавая себе ясного отчета ни в чем, не подвергая логической пытке внутренний мир своего сознания. Таким безобразным смещением, такой путаницей понятий особенно страдает наша российская общественная современность, прикрывая плащом прогресса, гуманности и т. д. – свою тощую логику. Русское общество закидано кругом таким множеством блестящих фраз, так называемых «последних результатов науки» и «аксиом всего просвещенного мира», что от них, кроме сумбура, ничего в головах и не остается. Если Пушкин, говоря про одного генерала, сказал: «Он чином от ума избавлен», то едва ли не с большим правом можно применить это и к нашим господам, красующимся в чинах либералов, гуманистов, прогрессистов и проч. Главная задача людей мыслящих и искренно любящих Россию, в наше время, должна бы состоять в критической проверке всего того умственного и нравственного хлама, который накопился в русских людях вследствие ложного, несамостоятельного развития нашего просвещения, – в строгом разборе тех ходячих фраз, которыми пробавляется

значительная часть нашего общества, и едва ли не преимущественно в высших его сферах. Никогда разъяснение истины не приведет ко лжи и злу, никогда свет не создаст мрака – напротив, точнее и отчетливее определит настоящие отношения жизненных явлений между собой. Что же касается до евреев, то всякое разъяснение этого вопроса – с одной стороны, поможет только еще более разогнать мрак фанатического неразумия и слепой ненависти, а с другой – способно, может быть, будет и воздержать несколько от потворства лжи, от излишней и грешной любезности с нею, от вредного притупления нравственного чувства и от опасных уступок в ущерб русской народности.

Мы хотели бы уяснить для сознания самих евреев всю полноту противоречия, представляемого иудаизмом в мире христианском. «Иудей, – говорит Хомяков в своих „Исторических записках“ после Христа, есть живая бессмыслица, не имеющая разумного существования и потому никакого значения в историческом мире»... Логический выход из такого положения возможен только один: отречься от жидовства и принять те начала, которые составляют закон всего современного просвещенного мира. Это честный, прямой и вполне плодотворный выход, но есть и другой – путь отрицательный и более комфортабельный – путь безверия: перестать быть жидом, не отрекаясь от жидовства, но не делаться и христианином, а чем-то средним, какой-то нравственной и умственной амфибией. Это то, что прогрессисты

– евреи, называют: примкнуть к общечеловеческой цивилизации. По нашему мнению, это значит повиснуть на воздухе, но не так ведь думают прогрессисты, и мы желали бы, чтобы сами эти евреи объяснили нам – что это за почва, на которую они предполагают стать, отрешившись от религиозных предрассудков своей народности и не пристав к религиозным убеждениям той или другой европейской народности, среди которой они живут? Они не евреи и не христиане в смысле верования что же они такое? Философы... Какие? Какой из школ – ведь им нет числа? Да и какая из них вполне закончена, представляет вполне установившуюся систему, не отстраняемую дальнейшим прогрессом мышления? Не пришли ли наконец эти школы в своем логическом развитии и в попытках утвердить абсолютную истину на чистом логическом основании – вне религии, к отрицанию всякой абсолютной истины, подставив, так сказать, человечеству под ноги вечно колеблющуюся почву истин относительных? К тому же вообще современная философия едва ли может быть понята совершенно отвлеченно, независимо от всякого религиозного и даже христианского сознания: она возится с ним, борется или отрицает, старается разрешить вопросы, им поставленные, внести критику разума в целый мир представлений неизвестных дохристианскому историческому миру, и неразлучных с человеческим сознанием – с наступлением христианского периода истории... Посмотрим теперь на другую сторону общечеловеческой цивили-

лизации по отношению к еврею – на нравственно-бытовую. Влияние христианства как начала общественного и бытового пребывает в человеке, принадлежащем к быту христианского общества, и действует в нем – непосредственно, нередко даже без его ведома и сознания, и хотя бы даже он умственно и отрицал христианство. Но не таково положение еврея. Он чужд или имеет притязание быть чуждым влияния христианства как общественного и бытового начала. Если бы даже еврей и уверял, что мыслью своей он принадлежит к школе того или другого философа, то пришлось бы все-таки спросить каждого еврея – к какой школе он принадлежит в своем быту, каким общественным нравственным началом он руководствуется? Мы не предложим этого вопроса даже нигилисту-христианину, ибо убеждены, что разрыв его с христианством чисто внешний и что есть нравственные пределы, чрез которые не позволит переступить ему его совесть, – которая, будучи раз просвещена христианским сознанием, никогда не может снизойти до спокойного состояния совести язычника. Она всегда будет предъявлять запросы, на которые надо будет приискивать успокоительные ответы. Мы, конечно, разумеем здесь не тех падших, закрученных злодеев, которые случаются и в христианском обществе: мы говорим о нормальном состоянии совести и нравственной природы человека. От христианского нравственного сознания невозможно отделаться человеку – раз, когда оно его коснулось, – непосредственно ли, или посредством общества, среди кото-

рого он возрос и воспитался. Но еврей, имеющий притязание стоять вообще вне всякого христианского сознания и Действительно пребывавший в постоянном разобщении с христианским духовным миром через свои религиозные верования, — еврей, отрекшись от этих верований и, следовательно, от обязательности бытового еврейского нравственного закона, — каким новым нравственным, общественным и бытовым законом будет управляться в частном и общественном быту Законом личной совести, на сердцах написанными. Но сердце человека подвижно, и почему же может быть обязательно для человека слушаться своей совести, как скоро она не освещена и не освящена христианским вероучением, раскрывшим человеку всю полноту нравственного закона, в нем пребывающего, и призвавшим его к бесконечному совершенствованию? Вне христианского света, внесенного во внутренний мир совести человека, совесть блуждает в потемках, естественное сознание естественных законов совести неясно, шатко и зыбко; и к тому же его очевидно недостаточно для человека, уже вышедшего из состояния естественности. Что же касается до внешних, формальных законов тех государств, в области которых приходится еврею жить, — то как бы строго ни подчинялся им еврей, эти законы несколько не отстраняют нравственной высшей истины и не простираются на область частного и общественного быта. Внешняя правда, ими выражаемая, не только недостаточна сама по себе, но и немислима без восполнения ее законами внутрен-

ней правды, живущими в христианском сознании общества. Государство, конечно, не есть церковь; но общество, которому государство это служит щитом и органическим внешним покровом, – есть общество христианское.

Одним словом, еврей, отрешающийся от веры отцов своих и желающий в то же время стоять вне христианства, является пред нами человеком не только без веры, но и без всякого нравственного закона, который бы управлял его внутренним миром и его отношениями к обществу, – он стоит вне тех общественных и бытовых начал, на которых созиждено, стоит и которыми управляется современное общество, которые образуют воздух, атмосферы этого общества, живут и действуют в его членах, несмотря даже на личное отношение их мысли к этим началам: в этом именно и заключается нравственная гарантия внутренней безопасности для общества. Впрочем, в большей или меньшей степени то же самое может быть сказано не только о христианском, но и о всяком другом обществе, руководящемся каким-либо религиозно-нравственным верованием. Когда вам говорят про общество магометанское, иудейское, буддийское, вы знаете, каким нравственным законом оно управляется, и члены его в пределах этого общего, ими признанного закона считают себя нравственно обеспеченными. Но как скоро вам рекомендуется человек, ссылающийся, вместо нравственно-религиозного закона, на общечеловеческую цивилизацию, то вы, естественно, зададите себе вопрос где же общий кодекс нрав-

ственных прав и обязанностей этой цивилизации, поставляющей себя вне религии как догмы и как бытового начала? Здесь что ни человек, то особый кодекс, и каждого сына такой цивилизации пришлось бы поневоле подвергнуть особливому допросу и справке на счет его нравственных правил. Общего кодекса не оказывается. Можно было бы, например, предполагать, что общечеловеческая цивилизация выработала убеждение, что красть – не следует и что это дело скверное. Но вот вам учение, объявляющее себя последним новейшим словом общечеловеческой цивилизации, которое низводит человека до скота, освобождает его от нравственной вменяемости преступлений и торжественно объявляет, что человек имеет полное нравственное право красть, если это ему нравится. (Один из публицистов «Русского слова» объявил, что он не крадет по тому же самому, почему не любит тухлую говядину, но что если он может получить вкус из тухлой говядины, то вправе получить вкус и к воровству, в чем не будет состоять никакого нравственного преступления), Пусть же те, которые не признают для себя других основ, кроме «общечеловеческой цивилизации», определяют и обнародуют нам, что именно из нее будет выбрано, выжато, процежено ими – что именно они принимают за обязательный для себя кодекс? Но на чем же будет основана эта обязательность? На личном вкусе и произволе: она не коренится в глубине духа, она не связана в сознании со всем, что есть заветнейшего для человека, с началом начал и причиною при-

чин всего сущего – одним словом, с идеей Бога...

Мы просим извинения у наших читателей за этот длинный и скучный разбор еврейских притязаний – довольствоваться общечеловеческой цивилизацией вне каких бы то ни было религиозно-нравственных верований. Мы видели, что все эти притязания, вся эта драпировка плащом цивилизации есть чистейшая нелепость, громкая фраза, прикрывающая или лицемерие, или совершеннейшую пустоту души и мысли, или сумбур умственный и нравственный, с которым, конечно, можно иной раз очень благополучно просуществовать, но на котором нельзя ничего созидать или основывать. Мы не думаем, что было особенно выгодно для общества размножение такого рода амфибий, умственных и нравственных, особенно же если эти амфибии получают в обществе положение довольно значительное...

Говоря по правде, евреи, приобщающиеся к общечеловеческой, т. е. европейской цивилизации, невольно и непременно приобщаются и к жизненной стихии европеизма, т. е. к христианству; ибо европейская цивилизация есть продукт не только древнего, но и христианского мира, и христианство входит в нее как такой ее существенный элемент, который никак из нее выкраден быть не может. Учение Христа стало отныне законом всей позднейшей жизни мира; по крайней мере христианство, как говорит Хомяков в тех же своих записках, «обуславливает до сих пор крайние пределы развития народов, его исповедующих. Таков смысл всякой ре-

лигии, продолжает он: она есть – граница всего духовного и умственного мира для человека. Народ, выступивший из границ своего верования, создает себе верование новое; отрицание же, еще не создавшее нового положения, находится в прямой зависимости от положения отвергаемого. Поэтому христианство до нашего времени (принимаемое или отрицаемое) есть закон всего просвещенного мира – и народы, принявшие проповедь иудейских рыбаков, сделались властителями всего земного шара и вождями человечества». . . Но, приобщаясь вместе с цивилизацией и к жизненной стихии цивилизации, образованные евреи – по странному заблуждению или по явной недобросовестности – не хотят в том сознаться. Как люди развитые, они не могут не признавать нравственного закона Христа совершеннейшим; они не могут не видеть, что воздух, которым они дышат, есть христианство; они должны наконец необходимо проникнуться этим воздухом, усвоить себе христианскую точку зрения – уже для одного того, чтоб уразуметь явления европейской цивилизации, – чтобы понимать Данте, Шиллера, Гете с его Фаустом, Рафаэля, Шекспира и пр. – на что они всегда предъявляют претензию. . .

Но не приняв христианства в душу искренне и сознательно, не признав открыто его власти над собой, они становятся в ложное, неискреннее отношение к европейской цивилизации, – а при таком отношении их участие в ней не может быть истинно плодотворно. История цивилизации новейших

времен должна определить место, занимаемое в ней элементом иудейским, особенно в Германии, где деятельность таких евреев, отставших от Моисеевых и не приставших ни к каким иным религиозным верованиям, довольно сильна. Всякому ясно, что из еврея не выйдет ни Гете, ни Шиллера, ни Шекспира, а выйдет разве только Гейне и Берне. Мы думаем, что германский дух много размельчал от вторжения в него подобных еврейских ингредиентов. Еще менее можем мы ожидать блага от этого вторжения «цивилизованных евреев» в духовную жизнь русского народа, которая вся проникнута началом религиозным.

Но богатое дарами племя евреев могло бы богато оплодотворить собой почву европейских обществ, если бы, вместе с искренним отречением от иудаизма, оно также искренно прилепилось к истине христианства. Вне этого – им суждено, со своим так называемым общечеловеческим просвещением, стать – повторяем еще раз амфибиями во всех смыслах, без национальности, без религии, без нравственности, и внести лицемерие и фальшь в область европейского христианского просвещения.

Из газеты «Москва»

Не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев

Москва, 15 июля 1867 г.

Одно из самых привилегированных племен в России — это, несомненно, евреи в наших западных и южных губерниях. Несомненно и то, что такая привилегированность составляет не только аномалию, но и положительное зло для целого края, да сверх того несовместима и с собственной пользой евреев. Может быть, покажется странным, что мы говорим о привилегированности племени, которое у нас привыкли считать загнанным и обиженным и к которому всякий предъявляющий притязание на звание гуманного и передового человека вменяет себе в обязанность относиться с особенною симпатией. Отчасти под влиянием этой несвободной симпатии, а отчасти и в силу более серьезных и разумных оснований издан целый ряд законодательных мер, пролагающий для евреев путь к совершенной равноправности с полноправнейшими подданными Российской империи. За исключением некоторых еще остающихся ограничений, между

прочим ограничения селиться в великорусских губерниях, евреи (не говоря уже о тех, что учились в университетах) почти уже сравнены в правах с коренными русскими. Но, пользуясь такой равноправностью, евреи в то же время образуют из себя особые еврейские общества, имеют свое отдельное, законом огражденное, еврейское самоуправление. Как же иначе как не привилегией назвать этот наддаток к общим правам, в силу которого тесно сплоченные и замкнутые еврейские общины представляются каким-то *status in statu*, государством в государстве, изъятым из действия общих законов?

В последнее время пущена в оборот мысль, что евреи не только русские подданные, но просто русские, такие же, как и все мы русские, только. «Моисеева закона». Это стало любимой темой еврейских и даже русских публицистов. Разница только в вере, говорят они, и не в этом состоит народность. Если так, — с чем мы, впрочем, не согласны, — то зачем же узаконенная особенность еврейских обществ? Вероисповедание не может здесь служить основанием, потому что ни лютеране, ни католики не составляют из себя отдельных гражданских обществ; они имеют только свои особые церковные управления, что могут иметь и евреи. Стало быть, и еврейская религия не может быть достаточной причиной для отдельности еврейского самоуправления, да и не должна — по самому учению еврейских публицистов, отрицающих значение веры как элемента народности. И действительно,

девятый том Св. Законов, о состояниях, не делит русских подданных по вероисповеданию и ни слова не говорит об иноверцах. Он устанавливает только различные права состояния для природных обывателей, для инородцев и для иностранцев, и в числе инородцев включает евреев, для которых излагает особые узаконения: очевидно, что закон рассматривает их как особую народность. Таким образом самое существование евреев в России, отдельными общинами, тем самым противоречит уверению евреев, что они «русские». Если же их желание «быть русскими» искренне; если евреи действительно не составляют и не хотят составлять особой народности, – то они первые должны стремиться к совершенному уничтожению их отдельного самоуправления, катального устройства и иных подобных учреждений. В противном случае мы вправе усомниться в их искренности, вправе подумать, что они, желая быть русскими, хотят в то же время остаться и евреями – не по одному только вероисповеданию, принадлежать в одно время и к русской национальности, и к еврейской, пользоваться и общими правами, и особыми исключительными, получающими при таких условиях уже значение привилегий. Евреи, конечно, станут напирать на то, что эта исключительность обуславливается не различием народности, а различием религии. Но мы уже показали, что различие религии не признается законом достаточным поводом к образованию особенного общественного устройства, и евреям остается только: или признать, что их религия

действительно создает из них особую еврейскую народность, чуждую и даже враждебную всякой иноверной народности, и в таком случае отречься от притязаний на равноправность и национальное с Россией единство, – или же ограничиться в отношении к вероисповеданию особым духовным управлением по образцу, например, лютеранского, и затем во всех других отношениях отказаться от всякого еврейского самоуправления и от существования отдельными еврейскими обществами. Мы лично можем находить более правды и логики в том мнении, которое не отделяет еврейской веры от еврейской народности, но последний выход из дилеммы, т. е. отречение от всяких притязаний на еврейскую народность, считаем более сообразным с пользою и государства и самих евреев, и именно потому что оно вносит духовное раздвоение в среду самого еврейства. Для государства оно выгодно тем, что, подрывая еврейский фанатизм в самом основании, в то же время разбивает крепкую замкнутость еврейских общин, с которыми так трудно справляться и полиции, и высшей администрации, и облегчает действие власти, допуская возможность большего единообразия в управлении. До сих пор, под покровом своеобразной общественной организации, еврейство имеет возможность и право сохраняться впрок, словно под стеклянным колпаком, как отдельная народность; переставая признавать евреев как отдельное гражданское общество, правительство сняло бы с них этот колпак, подвергло бы еврейство разлагающему действию возду-

ха и света, и вытащило бы наружу, из темных нор, гнезда самого отвратительного и фанатического изуверства. Для евреев же собственно такая мера была бы полезна уже тем, что высвободила бы их из-под деспотической власти раввинов, цадииков, кагалов и т. п., и сломила бы лишнюю искусственную преграду, отделяющую их от русского общества, оставив только преграды чисто нравственного свойства, уничтожение которых зависело бы уже от нравственного и религиозного развития самих евреев и во всяком случае было бы легче.

Такой конечный результат, сколько можно судить по общему духу законодательных мер, составляет задачу и самого правительства. Но потому-то и странно это противоречие: уравнивая евреев в правах с русскими, расширяя их льготы, правительство в то же время не только оставляет за ними старые особенности еврейского общественного устройства, но и вводит новые, которые все вместе де лают из евреев отдельное крепко организованное и плотно замкнутое религиозно-народное общество. Мы разумеем здесь не одно кагальное и иное устройство с кошерными и коробочными сборами и прочими гражданскими отличиями и привилегиями, но и учреждение особых казенных еврейских училищ ведомства министерства народного просвещения, особых для евреев гимназий, инспекций и дирекций, а также и организованное казенное попечение об еврейском православии, об образовании искренне убежденных в правоте своей

религии раввинов и т. д., и т. д.

Во всяком случае современное общественное устройство евреев представляется, повторяем, каким-то *status in statu* в западном крае, где премудрость польских королей и польской шляхты укрепила еврейское владычество еще издавна. Толкуют об эмансипации евреев. Вопрос должен быть поставлен иначе: это вопрос не об эмансипации евреев, а об эмансипации русского населения от евреев, об освобождении русских людей на западе, отчасти и на юге России от еврейского ига. Эта точка зрения несравненно правильнее. Поставив себе задачей прежде всего пользу своих, своего народа, мы придем, пожалуй, и к необходимости эмансипировать евреев, но не теряя из виду благо русского населения, соображая льготы евреям с действительной пользой, прежде всего, русских жителей.

От общих рассуждений перейдем к частным фактам.

Читатели найдут в этом же номере статью, которую мы сочли приличным озаглавить: «Еврейская привилегия». В справедливости рассказа г-жи Кохановской мы сомневаться не можем, да к тому же рассказ ее служит только подтверждением известия о таком же однородном случае, сообщенного в «Московских Ведомостях», и сам в свою очередь им подтверждается. Ничто лучше не обрисовывает положения дел, ничто так не характеризует подчиненного отношения местной русской власти к еврейской силе, русского общества к еврейской тесно сплоченной общине в Западном

крае, как рассказанное г-жей Кохановской происшествие. А между тем это происшествие не выходит из разряда обыденных и только благодаря случаю получает огласку. Впрочем, сколько и оглашенных известий о деспотизме раввинов, о фанатизме цадииков, о торговле людьми, устроенной евреями для поставки рекрутов, о кабале, в которой держит еврей сельский русский люд, – сколько таких известий, рассеянных в газетах, оставлено и русской публикой и русскими публицистами без внимания! Но сопоставляя эти известия вместе с печатаемым нами рассказом, невольно ужасаешься такому иудейскому пленению Руси; невольно спрашиваешь себя: где мы, в России или действительно в жидовской Палестине, как издавна прозывается наш Западный край? Происшествие, описанное г-жой Кохановской, возмутительно не только для православного чувства, но и для достоинства русского. Русские в России не безопасны и бессильны против еврейского фанатизма! Его трепещет и христианский пастырь, и полиция, и нужна военная стража, чтоб ограждать в России еврея, посещающего дом православного священника! Если действительно существует правило, упоминаемое в статье г-жи Кохановской; в силу которого никто из евреев, желающих принять православную веру, не может быть допущен к св. крещению ранее шести недель и без увольнительного свидетельства от еврейского общества, то это такая привилегия, которой не пользуется ни одно из неправославных вероисповеданий. Ни для католика, ни для про-

тестанта нет тех препятствий к переходу в православие, какие полагает закон евреям. Можно было бы подумать, что русский закон специально печется об ограждении духовной целостности еврейского племени и деспотической власти еврейской общины над совестью ее членов. Как будто легко добиться еврею, желающему перейти в православие, увольнения от своего общества! Как будто в интересах еврейства выдавать такие увольнения! Общественное мнение России не может не негодовать на такую неправильность отношений русской народности к инородцам, не может не видеть в таком положении дел достойных плодов того печального, теперь уже почти минувшего периода нашей истории, которого господствующей характеристической чертой было безверие и общества, и правительства в силу и право русской народности. Если бы народное самосознание в нас было само живой органической силой, живым могучим двигателем нашей политики, нашей административной и общественной деятельности, то не существовало бы ни польского, ни еврейского, ни немецкого вопросов, ни всего этого русского похмелья в чужом пиру. Теперь же приходится «эмансипировать», т. е. высвободить русский люд и русские земли из нами же созданных отношений к пришельцам и инородцам. Нельзя не признать, что было бы полезно пролить как можно более света на темные вертепы еврейского мира в России и предать еврейское изуверство беспощадной огласке. Такая огласка сильнее, чем какое-либо иное средство, побудит образован-

ную часть евреев, претендующую на слияние с русскими, на звание «Русских Моисеева закона», отделиться от своих собратий фанатиков и обратиться со словом осуждения к еврейской теме. Такая огласка выведет начистоту и самое положение еврейства, и уровень его образованности, и степень искренности евреев-прогрессистов, – да выяснит и для русского общества, вместе с администрацией, какие именно реформы и меры в настоящее время могут быть действительны и необходимы. Мы уже отчасти испытали это, напечатав в «Дне» «краткий разбор Талмуда» и поставив евреев в необходимость отозваться откровенно – признают ли они правила Талмуда за руководство... Такого разоблачения, казалось бы, всего приличнее ожидать от «Виленского Вестника», находящегося в самом центре еврейского царства... Но не возлагая на него надежды, приглашаем к такому труду тех из наших сотрудников, которые знакомы с евреями не по слуху, а на месте и на деле.

Из газеты «Русь»

«Либералы» по поводу разгрома евреев

Москва, 6 июня 1881 г.

Теперь, кажется, можно приступить и к обсуждению недавнего народного самоуправства на юге, не опасаясь «либерального» обвинения со стороны нашей «либеральной» прессы в преступном подстрекательстве. Читатели знают, конечно, что некоторые органы нашей печати не погнушались, при первой вести о начавшемся движении против евреев, обвинить в нем те газеты ненавистного им литературного лагеря, которые, после события 1 марта, позволили себе излить свое негодование на прямых и косвенных виновников позорной катастрофы слишком-де горячо и резко, чем будто бы не только нарушили «молитвенно-горестное настроение» (sic) как «либералов», так и русского общества, но и возбудили, наконец, народные страсти. Газета «Порядок», в течение всего марта месяца наставлявшая нас «благоразумию и умеренности», мгновенно утратила эти превосходные качества, как только проведала о происшествиях в Елисаветграде, и провозгласила, что вся беда от слишком частого упо-

требления в печати и в официальных актах слов «крамола» и «крамольник». В Малороссии, вещал «Порядок», ссылаясь на своего корреспондента, существует слово краморник – торговец, а народ, приглашенный искоренять крамольников и не понимающий этого выражения, принял, по созвучию, за крамольников – краморников! Выходило, таким образом, что никто другой, как само же правительство, вместе с некоторыми газетами, в слепом озлоблении на «крамолу», подало повод к каламбуру, который и породил трагедию! Однако ж тенденциозность и лживость такого остроумного измышления были немедленно обличены вполне компетентным судьей в настоящем деле – газетой «Киевлянин»: оказалось, что слова «краморник» у Малороссов никогда и не бывало, а имеется слово «крамарь», которое означает торговца красным или мелочным товаром и никогда специально к евреям не прилагается: ни один крамарь из христиан тронут не был, и, наоборот, разорены дома шинкарей, откупщиков, банкиров-евреев, которых ни один малоросс никогда крамарями не называл и не назовет. Мы упомянули об этом каламбуре «Порядка» только для того, чтобы читатели сами сообразили: много ли правды можно ожидать в суждениях этой прессы по поводу последней народной расправы на нашем юге и юго-западе...

Теперь народная расправа с евреями, слава Богу, прекращена: началась другая расправа – административная, а также и еврейская расправа – с самим народом. Деятельно произ-

водится, частью уже и произведено следствие, творится суд, и результаты его настолько уже известны, что позволяют верную и беспристрастную оценку событий. Если «начальство» долго и упрямо, но совершенно неверно удерживало за ними скромное название «беспорядков», то также ошибочно другое выражение, пущенное в ход некоторой частью нашей печати и ее услужливыми корреспондентами, – «избиение евреев». Именно избиения-то и не было, – и это, конечно, в высшей степени замечательно. Можно даже удивляться такому самообладанию расходившейся, разнузданной, по-видимому, народной массы. Нельзя сказать, чтоб толпы были совсем безоружны: у них не было, конечно, огнестрельных орудий, но имелись и топоры, и ломы; они однако ж употреблялись только как орудия разрушения, а не убоя. Нам укажут, может быть, на два, на три отдельных случая избиения, но что значат эти два, три случая там, где таковых могли быть тысячи? Да и эти случаи были вызваны вооруженным сопротивлением самих же евреев; из которых многие запаслись револьверами, стреляли из них в толпу и приводили ее в раздражение. Евреев избитых, по всем данным, столько же, сколько и избитых евреями русских, если не менее.

Другая отличительная особенность этого движения – отсутствие грабежа. Это не был грабеж, это был разгром еврейского имущества, разгром дикий, насильственный, буйный, но бескорыстный: в этом его главная общая характеристика, которой не могут изменить некоторые случайные ис-

ключения. Грабили, – даже нельзя сказать, чтоб в том смысле, как этот термин понимается уголовным законом, а скорее: присваивали себе еврейское добро, уносили его к себе, – не те, которые производили разрушение домов, мебели, вещей, товара, а та толпа, та голь кабацкая, та нищая чернь, которая шла вслед за разрушителями и подбирала разрушаемое или выбрасываемое из окон. Сами же виновники разгрома, как это подтверждается достоверными свидетелями, не только не наживались еврейским добром, но даже рвали в клочки попадавшие им пачки кредитных билетов. Наконец в тех местностях, где, после уже разгрома, крестьяне подобрали валявшееся имущество и развезли его по домам, они послушно, с полной готовностью отдавали его обратно, по первому требованию начальства. Одним словом: не личная месть на лицо направленная, не личное озлобление против лиц же и не корысть были двигателями этого разгрома. Имелись в виду не Ицко, не Лейба, не Абрам какой-то, а евреи вообще – исключительно евреи. Христианская ответственность этими «зверскими», «очумелыми», «рассвирепевшими» толпами (как выражаются многие наши газеты и их корреспонденты) была оставлена неприкосновенной. Если же местами она и подверглась разгрому, то единственно по недоразумению: достаточно было завидеть в углу икону или другой признак христианского жилища, и толпа, в самом разгаре своего бесчинства, тотчас же воздерживалась от разорения и даже старалась исправить, по возможности, свою

разрушительную работу.

Наконец, характеристической особенностью этого явления замечается, – со стороны крестьян по крайней мере, и именно тех, которые не избивали, не грабили, ничем не корыстовались, – какое-то простодушное убеждение в правоте своих действий: точно будто они отправляли акт правосудия! Ничего враждебного властям, противоправительственного или даже противозаконного не заключалось, по их мысли, в этом движении, – и, громя еврейскую силу, они, очевидно, воображали, что служат службу общегосударственному интересу! Это было печальное, роковое, грубое, дикое, пожалуй, но искреннее недоразумение. Каким образом оно возникло вот вопрос, который решают различно. Первоначально господствовало мнение, что все это дело рук «анархистов» или нашей так называемой социально-революционной партии. Это мнение на руку евреям и их защитникам, потому что устраняет вопрос о другой причине: об эксплуатации христианского населения еврейством, или, по крайней мере, отодвигает его на задний план. Оно выгодно евреям и потому, что устанавливает некую солидарность интересов еврейских с интересами собственности вообще, и придает еврейству значение чуть ли не «консервативного» элемента, угрожаемого общим врагом – «социализмом»! И евреям – надо отдать им справедливость – ловко пользуются своим положением: покровительствуемые начальством в качестве консерваторов, они не перестают быть дороги и серд-

цу так называемых «либералов». Да, нашлись русские «либералы», которые, с редактором киевской «Зари» во главе, не постыдились выступить на последних судебных процессах обвинителями русских крестьян, в звании гражданских истцов со стороны евреев, и очень решительно настаивали на том, что главными зачинщиками были именно «анархисты». К счастью, прокурор военно-окружного суда неопровержимо, кажется, доказал, что «анархисты» только примазались, так сказать, к этому движению уже впоследствии, т. е. после уже того, как движение началось. В елисаветградском разгроме (с которого весь сыр-бор загорелся) не открыто никакого участия наших «революционеров», и прокламации появились уже позднее, – так что, по мнению прокурора, основная причина заключается все-таки в экономическом иге, наложенном на русских евреями. Досталось же г. прокурору за такое мнение от нашей «либеральной» прессы, и преимущественно от «Порядка», который признал такое поведение прокурорской власти противным закону, нравственности и государственному интересу, – как будто прокурор обязан устранять из виду существенные обстоятельства дела! Как будто в интересе правосудия и власти – исказить истину и заслонять побочными поводами основную причину преступления!

Самоуправство народное, разумеется, не может, не должно быть терпимо и подлежит строгому осуждению, но из этого не следует, что суд обязан поступать по поверхностно-

му административному усмотрению, как административная власть, против произвола которой восстают всего более сами же либералы! Напротив, именно суд-то и призван разобрать все причины, все мотивы или побуждения преступлений. Судебное следствие и выяснило, что вопрос об участии «анархистов» – в сущности вопрос второстепенный, или точнее сказать: именно побочный, хотя и весьма важный сам по себе. Он важен и по политическому своему значению, и потому, что дает теперь в руки евреям, как мы уже сказали, дешевое и удобное пугало, которым они уже и зачали орудовать в свою пользу, для вящего утверждения своего господства, для вящей эксплуатации угнетенного ими населения. Но как ни важен вопрос об участии «социал-демократов», однако ж одними их происками и прокламациями сущность самого факта нисколько не объясняется. Произошел взрыв: откуда бы ни упала искра, дело не в ней, а в том, что кругом был порох, – горючие, быстро воспламеняемые вещества, и достаточно было случайной искры, чтоб вспыхнул страшный пожар! Стало быть – с точки зрения внутренней политики – необходимо прежде всего убрать порох и устранить ежеминутную опасность пожара. Если бы даже и было доказано подстрекательство извне, то самая возможность такого повального, народного (и – при всей своей дикости – осмысленного, как мы видели) движения – на основании одного легкого, ни одной местной властью даже не подмеченного намека, даже без всякой предварительной агитации, –

уже эта возможность сама по себе свидетельствует: каков же должен быть характер взаимных экономических отношений евреев и русских!

Если кто хоть раз в жизни бывал на нашем юге и западной окраине, там, где свободно живут евреи, и видел, стало быть, собственными глазами гнет еврейства над русским местным народом (а мы там бывали не один раз), для того последнее народное движение не представляет в себе ничего не только противоестественного, но даже неожиданного. Тот мог только дивиться народному долготерпению – тому и в голову не придет искать последним происшествиям каких-либо иных, отдаленных объяснений. Чтобы жить на юге и не видеть указанной нами причины – для этого надобно разве стоять «на высоте призвания» редактора киевской газеты «Заря»... Но мы не отрицаем участия и нашей революционной шайки, хотя и думаем, вместе с прокурором, что первоначальная мысль и почин принадлежат не ей; не отрицаем ни той опасности, которую могло бы представить такое народное самоуправство, если б продлилось дальше и если б революционному отребью нашей земли удалось обманом, переодеванием, подлогом и тому подобными честными приемами попасть в коноводы. Одно и то же народное собрание может быть и стройным миром или громадой, и беспорядочной толпой; правильная своеобразная организация, самообладание и сдержанность народного мирского или городского множества, выйдя однажды из свойственной ему

сферы деятельности, могли бы постепенно уступить присущему всякой массе стихийному началу и, при наплыве черни, т. е. подонков сельского и по преимуществу городского населения, смениться диким буйством, корыстной и властолюбивой похотью. Может быть, и даже вероятно – до этого бы никогда и не дошло; тем не менее такое народное движение, само собой разумеется, должно было быть прекращено властью в самом начале. Но оно могло бы, кажется, быть и предупреждено, – не единственно устранением лишь основной причины экономической – пороха (что представляет трудную и сложную задачу), но и устранением причин случайных, разыгравших в настоящем явлении роль искры, упавшей на порох. Нельзя же было, в самом деле, предположить, что такое страшное событие, как публичное, среди бела дня, в столице убийство царя, да еще царя-освободителя, пройдет для души и мысли народной бесследно. А так думали многие, не знающие и не понимающие русского народа, дивились его наружному спокойствию, упрекали его в равнодушии, глумились над его «бесчувственностью». Забывали, что народ наш не легкомыслен, не ветрен, не воспламеняется мгновенно, как иные народы юга, – и именно в великие исторические мгновения своей жизни является сдержанным, важным, сосредоточенным. Мы помним объявление в Москве знаменитого манифеста 19 февраля 1861 г. Это произошло в последний день масленицы, обыкновенно самый разгульный и пьяный: ожидали таких буйных востор-

гов, что войска стояли с заряженными ружьями наготове в казармах, – но масленичный день словно превратился внезапно в великопостный понедельник: ни возгласа, ни клика, – ни одного пьяного... То же самое было и вслед за событием 1 марта, так что блюстителям «либерального» порядка пришлось уличить и отрекомендовать полиции всего одну только бабу, дозволившую себе публичное выражение горести и негодования на «злодеев», – ту знаменитую, прославленную «Порядком» и «Порядок» прославившую бабу, которой так много и серьезно занимались петербургские газеты. Но эта тишина, это видимое спокойствие народа должны были бы сильнее озабочивать правителей, чем даже мгновенные вспышки, если таковые кое-где и были. Мы тогда же печатно заявляли, что «народ молчит, но думает свою думу», и в том же марте месяце имели случай сообщить бывшему министру внутренних дел наше убеждение в необходимости безотлагательного слова к народу от лица Верховной власти о том, чтоб народ держался спокоен, не внимал никаким слухам и толкам, не позволял себе никакой расправы и верил, что власть бодрствует, разыщет и покарает виновных. Но Петербург от России далеко, и мнения, говор и «потребности» ближайшей среды привлекали к себе, к сожалению, больше внимания, чем расположение народного духа... Нет сомнения, что нервы народные более или менее возбуждены ужасной катастрофой 1 марта, а при таком состоянии легко возникают и слагаются всякие легенды и мифы. Народ, ви-

дя водворившееся, действующее, плодящееся в родной земле зло, – воочию явленное ему в царевубийстве, – конечно, не мог не задать себе вопроса: где причина, где корень зла? Разумеется, в каждой местности останавливались на местных данных. Для жителей наших южных и западных губерний знакомое ему зло олицетворяется в еврействе, – не в нем ли и коренья – «От них всякое зло пошло у нас на Руси», – совершенно искренно, хоть, разумеется, и ошибочно отвечали мужики под Елисаветградом нашему, вполне достоверному, корреспонденту. «Пусть, – говорили они же, с сердечным сокрушением, спустя несколько дней после разгрома согласившись с доводами о незаконности их расправы, – пусть казна оценит убытки еврейские и заплатит им, пусть обложат нас хоть вечным оброком для уплаты за это казне, мы готовы будем платить, только бы прочь взяли их (евреев) отсюда!..»

Таким образом, с какой стороны ни отнестись к этому народному движению, а миновать основной причины нельзя, и если мы не хотим довести народ до отчаяния, мы должны честно, строго, откинув в сторону всякое доктринерство, посмотреть положению прямо в глаза, приступить к разрешению самой задачи об устранении еврейского гнета. Это теперь необходимее, чем прежде, безотлагательно необходимо. Сеченье и тому подобные экзекуции, усердно практикуемые теперь над провинившимся христианским населением, усмиряют, но не образумливают, не успокаивают его нравственно, не разрешают его недоумения. Они только застав-

ляют его терять последнее упование на заступничество власти, приводят его в уныние, и вкупе с нахальным торжеством и усилившимся задором евреев, может быть, только пуще раздражают, – кладут семена новых бесчинств и расправ! Усиливая таким образом силу, а следовательно, и гнет евреев, делая его окончательно невыносимым для населения, лишая последнее всякой надежды на спасительный исход, – на кого же мы работаем, как не на тех же «анархистов»?

Не об эмансипации евреев следует ставить теперь вопрос, а об эмансипации русского населения от еврейского ига; не о равноправности евреев с христианами, а о равноправности христиан с евреями, об устранении бесправности русского населения пред евреями: вот единственно правильная постановка вопроса, без которой и правильное решение невозможно. Мы знаем заранее, что поднимутся с разных сторон клики: «не русские, а евреи стеснены в правах», «русские пользуются преимуществами по закону», «против эксплуатации еврейской они могут искать ограждения легальным порядком, в суде, в свободной конкуренции» и т. д., и т. д. Странное дело! Если русский фабрикант понизит плату рабочим или утеснит их штрафами, по букве вполне законными, и рабочие окажут сопротивление, хотя бы даже силою, – наши «либералы» тотчас поднимут приличный случаю гвалт, прикуют фабриканта к позорному столбу, примут рабочих под свой покров, окажут давление, путем печати, на присяжных, и если присяжные оправдают виновных, огласят

всю Россию треском рукоплесканий. Мы забыли упомянуть о красноречивом адвокате, который непременно предложит подсудимым свою даровую защиту. Такое великодушие заслуживает, по-видимому, лишь похвалы. Вздумай землевладелец, на основании свободно заключенного с крестьянами договора об арендовании земли, взыскивать не внесенную ими арендную плату через полицию, и при этом крестьяне окажут не только противодействие, но побьют полицию и произведут серьезное бесчинство, – зрелище будет то же самое: либеральный гул и плеск, анафема землевладельцу, адвокат, очень кстати и основательно, воззовет к присяжным и судьям: «люди они, человеки!», и несчастные виновные мужики будут прощены при шумном ликовании публики и газет. Говорим это не в осуждение, а заявляем факт: хоть и отделяясь от общего хора, мы не можем не сочувствовать справедливому, если не по букве, то по существу, исходу дела. Но почему же все эти господа «либералы», как они себя сами чествуют, со всей этой якобы либеральной прессой, не обретают в себе никакого либерального гнева и негодования, как скоро дело касается эксплуатации русских евреями? А ведь здесь эксплуатация – не чета эксплуатации какого-нибудь фабриканта или землевладельца! Здесь она, как удав, душит население, высасывает всю кровь, держит в кабале, в такой ужасной кабале, о которой рабочий и крестьянин в свободной от евреев России и понятия не имеют. Это гнет давний, нахальный, крупный по результатам, несносный по мелочно-

сти, еще более оскорбительный по разноплеменности и раз-
новерию; но у наших «либералов» не отыскивается ни сло-
вечка укора таким эксплуататорам: либерализм мигом испа-
рился, как бы его вовсе и не бывало! Перед ними несчаст-
ное население, которое, не выдержав, ринулось на утесните-
лей и даже не побило их, а разломало и расшвыряло кое-ка-
кое имущество (все, что получше и поценнее, евреи забла-
говременно припрятали), – виновных предали суду, – но не
только не обрелось ни одного красноречивого либерально-
го адвоката, который бы предложил великодушно свою за-
щиту обвиняемым жертвам эксплуатации (а ведь они – по
меньшей мере такие же «люди и человеки»!), напротив: «ли-
беральные» адвокатские знаменитости, в числе которых га-
зеты называют князя Урусова (но не того адвоката, к чести
его будь сказано, чье выражение мы привели), спешат «либе-
рально» предложить свои услуги эксплуататорам для отягче-
ния участи возмутившихся, эксплуатируемых бедняков! Что
же все это значит?.. Попадется кое-где великорусский кулак,
и вот – под именем Разуваева и Колупаева его хлещет и по-
зорит сатира, заодно со всей печатью; а тут, может быть, два
миллиона Разуваемых и Колупаевых разувают, облуплива-
ют население, и ни одной нотки гневной ни у одного «либе-
рала»!! Что это, лицемерие, что ли? Причина сложная. Не
без некоторого лицемерия у иных, но больше по душевному
подобострастию! В том вся и суть, что большинство наших
«либералов» вовсе не либералы, а только состоят по «либе-

ральной» части. Если дело идет о рабочем, то тут как не на шуметь, ведь тут какая подкладка! «Рабочий вопрос», – вопрос модный, европейский, включенный в кодекс «либерализма»! Вступаться за рабочих обязывает не какое-нибудь там сочувствие, которое иногда, если ближе ознакомиться с делом, было бы, пожалуй, и не совсем к случаю, а звание и чин «либерала». Крестьянин не платит аренды за нанятую им землю, – ну, тут также есть что-то «аграрное», в некотором роде «социализм»: «либералу» тоже нельзя не вступить, – в кодексе доктрины стоит! Ну, а об эксплуатации еврейской в либеральном кодексе не стоит ничего; напротив, тут приплетаются две претящие истинному «либералу» вещи, два «ретроградных» начала: «национальность» и «вероисповедание». Если б дело представлялось просто: крестьянин и крупный землевладелец, рабочий и капиталист, – тогда еще другое дело, – а то ведь здесь не только эксплуатируемый мужик и рабочий, но именно русский мужик и рабочий, и христианин вдобавок, – хотя, конечно, противопоставленный капиталисту же и эксплуататору, но ведь еврею! Выйдет, пожалуй, что «либералы» стоят за национальное и вероисповедное у нас начало, а это с либеральным кодексом несогласно. По этому кодексу русский должен быть безличен в смысле народности и в вере индифферентен или допускать её лишь как «субъективное чувство», но правонациональной личности чуждых, пришлых насельников, с их вероисповедною исключительностью, он признавать непременно обязан,

хотя бы и прямо себе во вред! И вот «либерал» становится в данном случае на сторону угнетателя, т. е. еврея, и начинает проповедовать в газетах необходимость «расселения евреев по всем селам и весям России» (так как им мало двадцати пяти губерний) и «полнейшей равноправности евреев с христианами», – другими словами: проповедовать необходимость разрешения евреям держать кабаки в деревнях, расширения арены и способов эксплуатации русского населения евреями!..

Но как, однако же, быть с этим назойливым вопросом, и не есть ли предлагаемое «Порядком» и другими единомышленными с ним газетами средство, т. е. расселение, вернейшее средство для избавления южного русского народа от разъедающей его теперь экономической язвы? В чем собственно неравноправность еврейская, и не представляются ли евреи в некоторых отношениях даже привилегированной у нас частью населения?.. Об этом, как и вообще о судьбах этого, поистине самого замечательного в человечестве и самого неудобного для сожигания племени, поговорим в следующий раз.

Иудаизм как всемирное явление

Москва, 13 июня 1881 г.

Два миродержавных племени в истории человечества – евреи эллины. Разумеем «миродержавство» не в смысле политического ил внешнего материального преобладания, а в смысле чисто духовной В основе просвещения, в основе всей духовной и нравственной деятельности современного человечества лежит то, что выработано Палестиной и Элладой, маленькой Палестиной и маленькой Элладой, сравнении с которыми, по их значению для вселенной, такой мелко и ничтожной представляется даже колоссальная Римская империи – не говоря уже об иных, предшествовавших и следовавших, разных формах и видах мирового владычества! Ибо эти исторически явления были и прошли, а семитическая и эллинская идеи не преходящи, правят миром и поднесь и призваны править вечно: человечество не мыслимо без них ни, в настоящем, ни в будущем, хотя бы да же их господство проявлялось, иногда, не с положительной, а с отрицательной стороны. Искусство, наука, формы мышления и сознание даны эллинами, и это до такой степени, что если б греки нашего времени вздумали, по праву собственности, хотя бы в шутку, потребовать себе назад, выдернуть из современных европейских языков одни только греческие слова, – просвещенный мир не в состоянии было бы выразить

почти никакого отвлеченного понятия и пришел бы величайшее затруднение... Правда – не внешняя, формальная, а абсолютная, вечная правда нравственная, как высшая истина и сила как начало начал, как Творец и Зиждитель мира, Добро и Любовь одним словом, все нравственные идеалы, которыми живет и не может уже не жить человечество, как скоро они ему однажды открылись, – от иудеев. Не станем, впрочем, переступать в «мистическую область религии» – удержимся на точке зрения чисто научной, аналитической. Каждый, будь он верующим или неверующим, хотя был самый строгий позитивист, должен признать тот исторический факт что каким-то странным образом заповеди, данные семитом Моисеем своему безвестному племени, стали заповедями всего человечества что Синай и Голгофа – эпизоды из национальной истории еврейского народа – получили значение вселенских событий, а еврейские речи, почти две тысячи лет назад сказанные, чуть не на ветер, бродящим учителем рыбакам-евреям, – звучат и в наши дни как глаголы жизни для всех, стоящих во главе человечества, народов, как миродержавствующие глаголы. История еврейского племени – жалкая, бесславная, скудная внешними событиями история бедного, малочисленного азиатского племени, несколько раз рабствовавшего, отводимого в плен, совершенно ничтожного в сравнении с какими-нибудь финикийцами или же с ассирийцами, мидийцами и прочими прославившимися племенами – основателями могучих и богатых монархий

древности, – эта история делается достоянием всех чающих просвещения племен, возводится на степень «священной», а летописные и религиозные сказания евреев становятся книгой книг всего мира... В одном из своих романов Дизраэли, впоследствии лорд Бэконсфильд, с чувством племенной гордости семита хвалится Христом, как семитом – учителем вселенной, и христианством, как просветительным началом, данным семитами всему человечеству. Как ни противоречит чувство племенной гордости вселенскому духу Христова учения, как ни узко такое племенное мирозерцание сравнительно с широкой идеей христианства, но можно только удивляться, что так мало евреев становится даже на эту племенную, семитическую точку зрения! Впрочем, даже и свободный от племенной надменности еврей, искренно и в смирении приемлющий христианство, не может не чувствовать себя в нем как бы, в некотором смысле, домочадцем, как бы возвращающимся под отчий кров, подобно блудному сыну Евангелия...

Хотя внешние судьбы евреев до события на Голгофе не заключают в себе; по-видимому, ничего замечательного, ничего оправдывающего их будущее значение в человечестве, однако же историк, даже неверующий, должен признать, что существенное содержание истории этого племени дается исключительно верою в высшее невидимое существо, или в Бога, и деятельностью верующего духа, в ее последовательном развитии, – венцом, последним выражением которого

явился Христос. Всемирно-историческое, никем, конечно, не оспариваемое значение Христа оправдывает таким образом название «избранного племени», которое так упорно присваивали себе евреи в течение десятков веков от Авраама до Христа, несмотря на внешнее бесславие и ничтожность своего политического бытия. Историк усмотрит, что под оболочкой племенной исключительности, как под скорлупой яйца, слагалась и созревала идея всечеловечества, братства, всеобщего равенства и свободы, которая наконец нашла себе воплощение в Иисусе Христе, иудее по происхождению, – им и его учениками-иудеями внесена была в мир. (Излишне было бы говорить, что эта «идея» всеми своими корнями коренится в «идее о Боге» и всю жизненность свою получает из веры в Бога, из любви к Нему, из стремления человека уподобиться Богу в нравственном совершенстве, в чем и заключается весь смысл того движения в истории человечества, которое называется «прогрессом»).

«Закон» евреев исполнился; призвание «избранного племени» было совершено; деятельность верующего духа, сбросив с себя на Голгофе узы племенной еврейской исключительности, воспарила над миром свободной, вселенской истиной, достоянием и спасением не одного Израиля, но всего человечества. Отныне несть иудей и эллин, но все равны, все братья во Христе. Евреям, как племени, предстояло двинуться тем путем, который указан им евреями же апостолами, из Савлов стать Павлами, т. е. всемирными учителями

и гражданами во Христе. Но евреи остались по ту сторону Голгофы и отреклись от Христа, мечтая, в племенной гордости, удержать чаемое ими исполнение обетования Божьего – исключительно за собой, в свою специальную пользу, и в качестве «избранного племени» получить внешнее всемирное владычество.

Тот же историк должен засвидетельствовать о поразительной судьбе, постигшей вслед за тем несчастный, не познавший своего исторического призвания Израиль. Это удивительное, так богато одаренное племя, очевидно, создано было не для какого-нибудь великого политического жребия, ибо в этом отношении (как уже сказано выше) оно является совершенно обделенным и никогда не имело необходимых для сего внешних атрибутов и качеств. Оно и сошло с политической арены истории, как скоро, в пределах своей племенной территории, совершило свое всемирное призвание в лице Иисуса. Но не познав, что призвание уже совершено, утратив и политическую форму бытия, и родную землю, оно тем не менее и на чужой земле продолжает хранить в себе свою древнюю племенную исключительность, хотя и под клеймом космополитизма. Чем, в самом деле, представляются теперь евреи? Племенем, рассеянным по всему миру, лишенным национальной территории, национального языка, письмен, одежды, и тем не менее племенем, тесно сплоченным не только физиологическим родством, но главное – родством или, вернее, единством духа, единством веры и чая-

ний. Древний еврейский язык, язык Библии, знаком только ученым; сами же евреи говорят, даже между собой, более или менее исковерканным языком тех стран, где живут (только в России и Польше евреи употребляют между собой отвратительное немецкое наречие и одеваются в костюм, вовсе не древний национальный, а какой-то средневековый – немецкий).

Вся «национальность» евреев – в религии, и другой основы для этой национальности и нет, исключая, конечно, физиологическую. Но даже и в сфере религии – их священные книги общие с христианами, т. е. весь так называемый Ветхий завет. Их отличие от христиан в том, что вслед за Ветхим заветом у христиан – Христос и Евангелие, а у евреев – отрицание Христа (т. е. конечного развития семитической идеи, выразившейся в Ветхом завете) и, как плод этого отрицания, – Талмуд, или собрание толкований на Ветхий завет и правил как для частной жизни, так и для общежития с христианами: (правил – христианам безусловно враждебных). Выражение, так часто теперь образованными евреями употребляемое: «еврейская национальность», оказывается, таким образом, совершенно неправильным, ибо никаких других принадлежностей национальности, кроме религии и породы, евреи и не имеют; или же эти «образованные» евреи должны прямо и откровенно признать, что под словом «еврейская национальность» разумеется не что иное, как вероисповедное отличие евреев. Но даже и при этом выраже-

ние, напр. «Русские Моисеева закона», выходит неточным. Русскими Моисеева закона могут быть названы караимы, но евреи исповедуют Моисеев закон в талмудском толковании, которое совершенно противно чистому мозаизму, могут разве наименовать себя «Русскими талмудистами», не иначе.

Таким образом, пред глазами историка: с одной стороны, христианский мир, представляющий живое, историческим процессом совершаемое воплощение семитической идеи, достигшей на Голгофе своего «кульминационного пункта» – своего полного освобождения, от семитической племенной исключительности и получившей вселенское, общечеловеческое, миродержавное значение. С другой – еврейское племя; живущее в этом христианском мире и не знающее другой для себя племенной основы, кроме той же семитической: идеи, но сохранившей печать племенной исключительности и отрицающей свое высшее проявление на Голгофе (следовательно, себя самое отрицающей): племя, которое весь *raison d'être*, всю причину своего бытия полагает не в «национальном» каком-либо отличии от прочих европейских племен, ибо такового, собственно, и не имеет, а единственно в вероисповедном, т. е. в отрицании существенных духовных, исторических основ современного христианского общества и христианской цивилизации. Может быть, «цивилизованные», «интеллигентные» евреи вздумают громко протестовать против такого положения... Но пусть в таком случае они торжественно отрекутся хоть от Талмуда: для чего же то-

гда и дорожить Талмудом, если «культура», «цивилизация» и «прогресс» для них выше всего? В противном случае их протест только одно лицемерие.

Но это «вероисповедное отличие» не ограничивается одним отрицанием Христа и его учения. Историческим призванием еврейского племени было – раствориться в человечестве через христианство, выработав племенным духовным процессом миродержавную идею вселенско-человеческого содержания. При искажившемся духовном сознании евреев, побудившем их отречься от собственной семитической идеи в ее последнем выражении, внутренний запрос на миродержавство сохранился, однако в них и поныне он состоит в неразрывной связи с их религиозной племенной основой, с признанием евреями себя, как издревле, «родом избранным». Вот содержание «национальной» особенности евреев, где бы они ни обитали! Так как семитическая идея заквашена отныне на начале отрицания, то вселенское миродержавство евреев (которое, несомненно, уже слагается) выражается и не может иначе выразиться, как в постепенном духовном подтачивании основ существующего христианского мира и во внешнем, материальном над ним преобладании посредством самой греховной, самой безнравственной из сил – силы денег, иначе в эксплуатации. Ассимилируя себе евреев без искреннего отречения последних от их религиозного отличия, христианское человечество только вгоняет в себя внутрь яд отрицания. Признавать вообще за ев-

реями, пока они евреи и как таковые принадлежат к общей еврейской семье, рассеянной по лицу всего мира, способность к искреннему местному патриотизму соответственно той местности, где еврею приходится жить, – это значит вдаваться в добровольное самообольщение. Все, чего можно от них требовать, – это соблюдения долги верности, и мы не отрицаем, что такие случаи бывали; но еврейств вообще уподобляется фамилии Ротшильдов, из коих один брат взял да пошел в английские патриоты, другой брат – во французские, третий – в австрийские и т. д. Одним словом, распределили каждый себе, по местному патриотизму. Нельзя же в самом деле ожидать, чтобы русские евреи в качестве «русских патриотов» в случае столкновения нашего, напр., с Австрией, стали врагами евреев – «патриотов австрийских!».

Повторяем: евреи в наше время племя космополитическое. По-видимому, здесь есть противоречие, *contradictio in adjecto*, сочетание двух, взаимно себя исключающих понятий. Но в том-то и дело, что они, отказываясь от всех своих внешних племенных отличий в пользу тех национальностей, среди которых живут, ради удобной с ними ассимиляции, сохраняют притом самое существенное племенное свое основание, именно религиозное, со всей его исключительностью, и зиждут на нем свою всеобщую солидарность, как сетью оплетая собой весь мир. Иудаизм в наши дни является не только материальным могуществом, но и духовным, входя постепенно во все духовные и нравственные изгибы христи-

анского бытия. Он господствует не только на бирже, но и в журналистике, как, напр. в Австрии, он проникает, особенно в Германии, и в сферу искусства, и в сферу литературы, и в сферу науки, и в область социального внутреннего процесса европейских обществ, везде и всюду внося свой дух отрицания. Антисемитическое движение, антисемитический союз, возникший недавно в Германии, в стране, стоящей во главе европейской культуры, – это не есть исчадие религиозной нетерпимости, продукт грубого невежества, ретроградства и т. д., как думают наши наивные «либералы». Это есть признак времени, свидетельствующий о пробуждении общественного сознания, – пробуждении, может быть, слишком позднем. Во всяком случае западноевропейскому христианскому миру предстоит в будущем, в той или другой форме, борьба за жизнь и смерть с иудаизмом, стремящимся заменить миродержавную христианскую идею той же семитической же идеей, также миродержавной, но отрицательной, но антихристианской. Здесь кстати сбудет привести следующие строки из письма Юрия Федоровича Самарина, посланного им из Берлина от 21 февраля 1876 г. (следовательно, меньше чем за месяц до кончины) к одному из своих петербургских друзей. Письмо было писано по-французски, но некоторые места по-немецки, так как по случаю пребывания в Германии и частых бесед с немцами ему приходилось не однажды выражать свою мысль на этом языке. Заимствуем выписываемые строки из «Православного Обозрения» 1877 г., где

они приведены в переводе, в предисловии к двум небольшим посмертным статьям Самарина, по поводу сочинений Макса Мюллера:

«В этот раз, благодаря некоторым новым сношениям, которые я завел в обществе ученых и второстепенных должностных лиц, мне желалось ближе взглянуть на Берлин... Что мне удалось здесь подметить: плачевно непроницаемые наслоения формации исторической гнетут умы и подавляют совести. Нет возможности расчистить их сверху, начиная снаружи; только великое движение снизу, только вулканическое извержение могло бы прорвать и изорвать их, Не в этом ли заключается предустановленное провидением призвание так называемого, хотя неправильно, современного социализма? Ничто так не доказывает оскудения нравственной жизни и сужения умственных интересов, как эти две сложившиеся партии, вне которых и нет ничего. На них наталкиваешься всюду; в парламентских речах, в проповедях, в новых комментариях на Библию, в медицинских журналах и в курсах астрономии...».

Охарактеризовав сначала узость и ограниченность умственного кругозора партии, называющей себя консервативной, Самарин продолжает:

«Что касается партии противоположной, партии воинствующей культуры, то она еврейская – этим все сказано, Вы, конечно, знаете, что в наше время уже почти нет Берлина, а есть новый Иерусалим, говорящий по-немецки. Ко-

гда речь идет об иудаизме, который владычествует в обеих камерах, который Бисмарку приходится терпеть, хотя с виду он как будто и пользуется им, который направляет преподавание в университетах и гимназиях, заменяет у женщин руководителей совести XVII и XVIII веков, царствует на бирже, подкупает и вдохновляет большую часть журналов – само собой разумеется, дело здесь не в Ветхом завете и не в национальности, возведенной на степень избранного племени, Это нечто неосязаемое и неуловимое в целом, это экстракт из всех элементов, в основе своей враждебных нравственному и социальному порядку, сложившемуся на христианских началах. Элементы эти встречаются всюду, но для того чтобы отгадать их присутствие, извлечь их из грязи и выучить их не краснеть от стыда, чтобы сгруппировать их в доктрину и сложить в политическую партию, необходимо было чутье, безошибочность инстинкта и абсолютная безоглядность в логике отрицания, которыми обладали только евреи. Для этого требовалось весьма древнее (uralte) предание, просвещение вполне внехристианское и внехристианская же история целого племени. В политике это – обожание успеха и поклонение золотому тельцу; в философии – материя, развивающаяся до полного самосознания по законам физической, механической, химической и физиологической необходимости; в области социальной – переделка всех исторически сложившихся учреждений с признанием только одного регулятора – манчестерства, т. е. увеличения произ-

водительности, как высшей цели самой по себе; в области семейной – личное хотение, как единственная основа всех отношений; наконец, в деле воспитания – развитие и направление инстинктов (опознание, развитие влечений (Triebe) и обуздание вредных другими влечениями и возбуждениями). Вот до чего здесь дошло, разве я уже совершенно ошибаюсь. В Германии я вижу самую большую опасность, угрожающую будущности моего отечества, тем не менее я не могу без глубокой скорби смотреть, на это органическое разложение, совершающееся под внешним видом политического могущества, достигшего своего апогея». Если от этого общего воззрения на иудаизм, как на мировое явление, перейти, в частности, к положению еврейского вопроса в России, то необходимо признать, что он самой историей поставлен пока у нас гораздо грубее и проще, чем в остальной Европе. Поэтому и не усматривается никакого основания ни усложнять его, ни облегчать и ускорять развитие в России иудаизма до степени той опасности, которая уже грозит Германии. Разумеется, евреи, обитающие в России, должны пользоваться покровительством русских законов, ограждающих права личности и имущества, наравне со всеми подданными: русской империи; это вне всякого сомнения. Но затем, если спросить по совести самого отъявленного у нас «иудофила», ратующего в настоящее время за евреев: желал ли бы он прироста еврейского населения в России или в той местности, где он сам живет? Ощущает ли врет около себя

от отсутствия или малочисленности еврейского элемента и воздыхает ли по евреям? – то ответ будет, конечно, совершенно отрицательный, хотя бы и с оговоркой, что «так как в России евреи уже имеются, и в немалом количестве, то было бы несправедливо и негуманно лишать их равноправности» и т. д. Едва ли у него повернется язык сказать, что евреи – элемент не то что «необходимый» (этого не вымолвит никто), но даже «полезный». Спор таким образом может идти лишь о большей или меньшей степени производимого евреями вреда. Все рассуждения наших якобы либеральных газет сводятся лишь к одной цели: доказать, что вред, чинимый евреями, происходит от их скученности и неравноправности и что о значительно умалится, будучи распределен по всему пространств русского государства. Оставляя предлагаемую форму разрешено вопроса пока в стороне, мы вполне готовы согласиться с общей его постановкой и формулируем ее так: «Лучше было бы для нашего отечества, если б евреев в нем вовсе не было, – но раз они тут, и уже один век, унаследованные нами от Польши, то задача состоит в том как бы устроить такой порядок вещей, такого рода с ними *modus vivendi*, при котором коренному русскому населению, т. е. самому хозяину края, было бы наименее стеснения и вреда от сих непрошенных гостей, да и относительно самих евреев были бы соблюдены требования человеколюбия». Требования же эти, конечно, не в том заключаются, чтобы приносить русское население в жертву еврейской эксплуатации, в угоду

отвлеченно-либеральной доктрине. Для правильного решения этого вопроса необходимы были бы, разумеете тщательные местные статистические и экономические исследования и также мнения местных земств. Тем не менее мы считаем не ли ним высказать и некоторые свои соображения, отлагая их до одно из следующих NN.

Желательно ли расселение евреев по всей России?

Москва, 20 июня 1881 г.

Считаем нелишним возвратиться и еще раз к вопросу о евреях в России, так как он силой самих событий поставлен на очереди, и если успел уже «наскучить» нашей столичной публике, привыкшей к беспрерывной постановке и смене «вопросов» в ежедневной печати (так что голова русского газетного читателя начиняется исключительно «вопросами», даже без всякого на них ответа), – то для десятков миллионов русского населения он пребывает истинной злобой дня, способной измучить, но не наскучить, и настойчиво требует практического разрешения. Защитники еврейских интересов совершенно переменили свою тактику и признали более «целесообразным» не отрицать факта еврейской эксплуатации, ибо такое отрицание, по своей очевидной лживости, оказывается позицией слишком невыгодной. Теперь, наоборот, самая эта эксплуатация и весь вред, чинимый евреями, служат евреям же и их защитникам поводом к громкому требованию расширения прав. Прежде всего причиной зла выставляется скученность евреев в границах их оседлости, определенных законом, и доказывается необходимость уничтожить эти границы, дозволив расселение евреев по всей России. Какая же скученность? Может быть,

и в самом деле евреям отведено житья пространство непомерно тесное? Посмотрим. Всех евреев, включая и губернии Привислинского края или царства Польского, официально числится 2791510. Черта оседлости, им дозволенной, включает двадцать шесть губерний, именно, кроме десяти губерний Царства польского, губернии: Бессарабскую, Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Киевскую, Ковенскую, Курляндскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую. Эти губерний представляют пространство 849862 квадратные версты, и 17529 квадратных миль, и числят в себе жителей около 29 миллионов: пространство, превосходящее не только Францию (9608 квадратн. миль), но и всю Германию (9818 кв. миль), и всю Австро-Венгрию (самое обширное из западноевропейских государств: 11306 кв. м). Одним словом, пространство, как видят читатели, немалое, а потому и жалобы на тесноту площади, отведенной для жительства, лишены не только основания, но и смысла. Необходимо также вспомнить, что значительная часть евреев в звании купцов ремесленников, техников, обучающихся в государственных учебных заведениях или уже обучившихся и потому пользующихся всеми правами, приобретаемыми дипломом, рассеяна по всей России вне узаконенной черты оседлости. Если не ошибаемся, то в одной Москве их уже насчитывается до 20 тыс. Конечно, евреи скученны, но не относительно пространства, отведенного им для жительства, и

не по вине русского законодательства, а по собственной вине и произволению сами они теснятся ютятся именно там, где население представляет наилучший матери ал для эксплуатации и по бытовым условиям, и по нравственным своим качествам. Если бы даже и дозволено было беспрепятственное расселение евреев по всей Русской империи, то Малороссии Белоруссии было бы от того не легче. Они добровольно не уйдут о туда. Малороссии и Белоруссии ни на волос не было бы легче – в придаток к этим двум областям, было бы тяжко и великорусского населению – с той только вероятной разницей, что последнее мен долготерпеливо и потому с «правовым порядком» во образе европейского гнета скорее и чаще бы стало чинить самовольную расправ такая перспектива едва ли желательна. И теперь достойно замечания, что собственно в Белоруссии, да и вообще в северо-западе крае, восстаний против евреев не было вовсе, – но уже, конечно, потому, что народ там был бы менее евреями угнетен или под в действием польской цивилизации был бы строже воспитан «в чувстве легальности» (!), а потому, что благодаря именно вековым притеснениям польского панства и его прислужников евреев народ – по природе смирный и кроткий, слишком забит, слишком подавлен духом. Если он еще не совсем обратился в быдло, как разумеет и чествует его шляхетское польское племя, так потому отчасти, что несколько ожил в ненавистную нашим лжелибералам эпоху Муравьева и Кауфмана и, несмотря на последовавшие за ней пятнадцать с

лишком лет неприязненного русской национальности управления этим исконно русским краем, еще не совсем потерял надеда лучшее будущее.

Русское племя, населяющее Малороссию и Белоруссию, – вообще земледельческое, а не промышленное и торговое. Еще в древние времена «новгородцы, плотники суще», спу-скались к полянам «рубить им городы»; еще и в наше вре-мя – великоросы толпами отправляются в Малороссию и на юг для промыслов и торговли. Нашествие разных кочующих азиатских орд, начиная с половцев, черных клобуков и т. д., погром татарский, а потом после разных превратностей рас-пространение польского владычества на всю так называемую Белоруссию и Украину обеих сторон Днепра, сотворили для края ту бедственную судьбу, от которой он не может опра-виться и поныне. Может быть, со временем и образовалось бы в нем городское население, при участии великорусско-го племени, возникла бы промышленность, расцвела бы тор-говля, но польские короли еще, несколько веков тому на-зад призвали евреев, и с тех пор место городского класса – среднего между земледельцем и шляхтичем, как извест-но, торговлей не занимавшегося, – занято было евреями. В Малороссии в то же время сложилось казачество, и затем, вплоть до, присоединения к России, вся ее история заключа-ется в отчаянной борьбе казаков, чтобы отстоять независи-мость своего края и свою народность и веру от азиатского, от польского и католического порабощения. Все песни казац-

кой эпохи, до сих пор живущие в народе, воспевают по преимуществу подвиги казацкой расправы с жидами и ляхами, которые отдавали жидам на откуп православные церкви. Эти предания воспитали в малоросском народе иной дух, чем в Белоруссии, где казачества не было, и этим объясняется, почему во время последнего восстания поляков в юго-западном крае русское население в три дня покончило с мятежом само, без содействия власти, даже к некоторому ее сюрпризу, перевязав польских панов и представив их к начальству. Этим же следует объяснить, почему наконец оно, помянув дни древние, когда запорожцы выговаривали себе от поляков условие, что «они в жидах вольны», попыталось недавно стряхнуть с себя ненавистное «жидовское» иго. Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик – везде, всюду крестьянин встречает еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может он сделать без посредства жидов – жилой, знающих свою власть и силу, поддерживаемых целым кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине), и потому дерзких и нахальных. «Это наша кровь!» – с горечью восклицали крестьяне, совершая недавно разгром попадавшегося им еврейского имущества (большая, ценная часть которого была евреями припрятана). – «Это кровь наша» – и сколько правды, святой, исторической правды, в этом клике: века мучений слышатся в нем, и надо быть дивно устроенному головой и сердцем, чтобы не содрогнуться душой от этого

вопля скорби и боли!.. А в Белоруссии даже и вопля не раздается. Слышится лишь – ни польским панам, ни начальству – невнятный, глухой стон почти совсем задавленного народа.

Еврейство в пределах Русской империи – это наследие наше от Польши, это польский «правовой порядок», однозначный с бесправностью крестьянского населения – презренного хлопа. С присоединением Новороссийского края граница еврейской оседлости расширялась, но еврейское население ни в Малороссии, ни в возвращенной нами от Польши Заднепровской Украине и в Белоруссии ни на один процент не убавилось. Трудно понять, в силу какие филантропических, политических, административных или экономических соображений можно предъявлять требование об уничтожении черты еврейской оседлости. Нельзя же, повинуясь требованиям отвлеченной, якобы либеральной доктрины, совершать на, своим родным народом эксперименты не только не либерального, но положительно опасного для его свободы свойства. Либерализм относительно евреев – кабала для русского населения; образ действий, согласный будто бы с указаниями «современного прогресса» другими словами – снятие плотины, задерживающей напор на остальную Россию еврейского потока, в сущности послужил бы только к регрессу русского народа, ибо остановил бы его самобытное экономическое развитие. Система протекционизма, прилагаемая торговой и промышленной политике государств, должна быть соблюдена и по отношению к евреям. Наши но-

вейшие либералы под влиянием социалистического учения сами с презрением относятся к прежней либеральной теории о свободной конкуренции и к либеральному лозунгу: *laissez faire, laissez aller*. Они проповедуют теперь не только право, но и обязанность государства регулировать, даже до мелочей, отправления общественной жизни и весь бытовой экономический строй в духе покровительства рабочим народным м^г сам и т. д. Если так, то почему же, как скоро дело касается евреев, в «либеральная» программа ограничивается словами: нужно противопоставить еврейской эксплуатации «подъем народного благосостояния», «подъем народного просвещения», «доставление народу дешевого мелкого кредита, воспитание народа в духе законности, установление правового порядка», – и все это одновременно с предоставлением евреям полной равноправности и повсеместного расселения?! Вместе с тем указывается на примере Франции и Англии, где евреи не пересилили местного населения, а сами-де более или менее ему подчиняются.

Но последнее указание ничего не объясняет и не доказывает. Здесь прежде всего возражение самое простое, но тем не менее неотразимое: в России евреям приходится иметь дело с малоросами и белорусами, а не с англичанами и французами – следовательно, и считаться следует с действительными, реальными, а не воображаемыми данными. Решать вопрос таким образом, чтобы малороса и белоруса в Киевской и Виленской губерниях представить себе в роли ан-

гличанина в Англии или француза во Франции, т. е. людей иного племени, иного исторического воспитания, было бы по меньшей мере бессмысленно. Кому же неведомо значение городского населения, городских, общин в истории европейского Запада – значение, которым до сих пор обуславливается политическое бытие современных европейских государств, но которого и следов нет в истории России и вообще славянских политических организмов. Евреи – класс по преимуществу городской, т. е. промышленный и торговый, а не земледельческий, стало быть, не сельский – встретились на Западе именно с твердой городской организацией, которая, словно крепость, была защищена цеховыми и иными корпоративными учреждениями. К той поре, когда для евреев на Западе пали те узы и стеснения, которым евреи были там подвергнуты в такой мере, в какой никогда не были подвергнуты на русской окраине, западноевропейскому населению можно было уже и не опасаться экономического гнета евреев. (Не надо забывать, однако, что Германия начинает уже снова ощущать этот гнет и что в ней созревают элементы для борьбы с еврейством в какой-то новой, еще не определившейся форме). В Малороссии же и Белоруссии вместо крепких городских общин еврей нашел только беспутное польское панство, жившее за счет угнетенного, закрепощенного им сельского населения, и казачество, которому некогда было что-либо созидать, а впору было только отстаивать независимость своего края непрерывной вой-

ной с его врагами. Приходится только удивляться живучести русского народа, сумевшего перемочь все претерпленные им невзгоды. «Подъем благосостояния»! Конечно, этот рекомендуемый антипод против еврейского яда весьма полезен, но ведь он может быть продуктом только долголетних благоприятных условий, из которых первое заключается в устранении помехи, представляемой народному экономическому и нравственному развитию именно евреями. Именно для того, чтобы поднять сельский люд на ноги и воспитать в нем дух самостоятельности, правительство обязано, как искусный педагог, отдалить от него те орудия посредничества, которые в течение целого ряда веков отучили его от умения пользоваться собственными силами, ходить, так сказать, своими, а не чужими ногами. Нет сомнения, что если бы каким-нибудь чудом евреи исчезли из нашего юга и запада, край пришел бы временно в немалое экономическое затруднение, но потом вскоре бы оправился и проявил бы задатки новой, здоровой экономической жизни. Толкуют о доставлении населению дешевого кредита и приглашают к этому делу земства в тех губерниях за чертою еврейской оседлости, где земские учреждения существуют. Но никакой кредит, создаваемый земскими коллегиями, не в состоянии соперничать с еврейской кредитной эксплуатацией, отыскивающей нуждающегося всюду, у него на дому, освобождающей его от всяких формальностей, – эксплуатацией рискованной, донимающей ссуду не в установленный срок, а впору и вовремя, принима-

ющей в уплату не деньги, а то, что крестьянину сподручно: скот, птицу, всякую, по-видимому, дрянь, приносящую, однако, еврею десятки лишних про центов. Теперь во многих городах нашего юга и юго-запада учреждены общественные банки, доставляющие торговому классу относительно дешевый кредит, из которого евреи создали себе новый источник промышленности или эксплуатации. Еврей-купец выдает бедняку-еврею безденежный вексель, который бедняк-еврей и учитывает в банке; банк, имея в виду подпись известной еврейской фирмы, выдает деньги за дешевые проценты, а еврей эти же деньги раздает в ссуду мужикам за проценты двойные или тройные, без всяких векселей и расписок, но с какой-нибудь такой уловкой, которая его вполне обеспечивает. Нам сообщали недавно и имя одного еврея, кажется, в Елисаветграде, который в несколько лет из бедного сделался капиталистом, добывая себе таким образом деньги из банка, по безденежным векселям еврея-купца (конечно, имеющего и свою долю в барышах), за дешевые проценты. Тут все формальности соблюдены, противодействовать трудно, а на деле выходит, что учреждение банка послужило только к вящей эксплуатации народонаселения и к созиданию новых еврейских капиталов, т. е. пущей еврейской силы!

Газета «Порядок» утверждала однажды, доказывая тему о «скученности» евреев, что их не три миллиона, а, вероятно, вдвое и, может быть, даже втрое более, другими словами – обвинила их, и совершенно основательно, в уголов-

ном преступлении или в подлоге. Что статистические данные о численности евреев в России совершенно неверны, в этом убеждены и высшее правительство, и местная администрация – но в этом-то и заключается одна из привилегий еврейского населения. Можно ли назвать иначе, как «привилегией», возможность совершать безнаказанно подлог такого объема и открыто пользоваться его плодами – возможность для шестимиллионного, положим, населения платить подати и отбывать, например, воинскую повинность только по числу трехмиллионного? Было бы несправедливо винить в том несовершенство наших статистических приемов или полицию: это организованный обман всего еврейства, подчиненного строгой внутренней дисциплине, – управляемого своими кагалами, составляющего поистине *status in statu*. Все меры, принимавшиеся правительством, оказывались досель безуспешными, несмотря на то, что при государе Николае Павловиче чинились настоящие облавы евреям. Всякий исправник на юге расскажет вам, что евреи очень часто скрывают у себя случаи смерти и передают имя умершего ново-прибывшему из-за границы еврею или же тому, чье рождение было также в свое время скрыто. Одним словом, когда целое племя в заговоре и все сообща участвуют в подлоге, то обычными «правовыми» мерами разрушить такой систематический обман трудно.

Другая особенность и, можно сказать, привилегия евреев – это специальность их бытовой профессии. Это не только

племя, но и класс или корпорация, и не только класс или корпорация, но и племя! Правительству приходится иметь дело не просто с такой-то национальностью, с «Русскими Моисеева закона», но с миллионами людей особой, резко выделяющейся и замкнутой в себе национальности, которые не имеют других занятий, кроме торгашества в том или другом виде. Ни фабрик, ни заводов евреи не держат – ни каменщиков, ни плотников, ни другого рода рабочих из них не бывает: только мелкие ремесла, извозничество и торговое посредничество во всех формах – вот их призвание. Это племенная корпорация не производителей, а торгашей-эксплуататоров, и такая исключительность профессии в сильной степени усложняет задачу. Всякая корпорация есть уже сила сравнительно с разрозненностью действий отдельных лиц: что же сказать о корпорации, считающей своих членов миллионами, основанной на религиозно-племенном единстве и по самому характеру своей основы враждебной той среде, в которой ей приходится действовать?! Были сделаны попытки обратить евреев в земледельцев; им были отведены превосходные земли. Министр внутренних дел Перовский думал, что в устройстве земледельческих колоний он нашел ключ к разрешению вопроса. Мы сами лично посещали эти колонии... Земли оставались впусе или сдавались внаймы, а сами евреи занимались куплей, перепродажей и всяким торгом на стороне! Оказалось, таким образом, что евреев нельзя поставить даже в то положение, которое занимают в России

иностранные поселенцы, получающие от правительства земли; евреи волей-неволей заставили самую власть признать за ними звание и право городских обывателей, считаться с их наклонностями и вкусами. Даже поселяясь в деревне, еврей живет в ней как горожанин т. е. не как земледелец, а как промышленник, шинкарь или арендатор.

Но входя в общий состав русских подданных в качестве жителей городов или местечек, становясь русскими гражданами, евреи не перестают быть подданными и гражданами той еврейской республики, того еврейского союза, который распростерт по всей Европе, также и по другим частям света, и которого главный центр во всяком случае не в России, а вне ее. Пользуясь почти полной гражданской полноправностью с русскими туземцами, участвуя в местном городском самоуправлении, они сверх того обладают особым самоуправлением в виде кагалов, которое, придавая евреям согласие крепость, руководит их действиями и нередко парализует силу русских законов. Не раз происходили случаи, что не угодивший еврею помещик или иной кто из христиан подвергался интердикту, т. е. запрещению, по распоряжению еврейского цадика или раввина: ни, купить у еврея, ни продать еврею он уже не мог ничего, а так как в южнорусских городах и местечках вся торговля в руках еврейских, то такой интердикт, на который и жалобы формальной принести, нельзя, обращался в истинное наказание. Недавно напечатан был одним из юго-западных помещиков достовер-

ный рассказ, как о снятии с него такого запрещения он обратился с просьбой к заграничному раввину, в Галиции, и по распоряжению последнего этому помещику возвращена была равноправность. Есть известная книга Брахмана, еврея, принявшего христианство, в которой он подробно раскрывает тайны еврейских кагалов, тайны ужасные, подтверждаемые подлинными кагальными актами. Не знаем, в какой мере допущена свобода внутреннего еврейского самоуправления в Западной Европе, но не подлежит сомнению, что нигде евреям так хорошо не живется, нигде евреи не составляют такой сплоченной корпорации, нигде они так не полноправны, как в России, особенно в возвращенных от Польши губерниях, где они заняли господствующее положение среднего класса поверх безгласного, едва только вышедшего из крепостной от польских панов зависимости населения, а эта зависимость была потяжелее зависимости от русских помещиков! Класс городских обывателей имеет всегда преимущество перед сельским и по степени образованности, которая в городе, разумеется, выше, чем в деревне, и потому, что в его руках рынки, т. е. место сбыта сельских произведений, и по тем удобствам жизни, которые сосредоточиваются именно в городе. В таком преимущественном положении находится еврейское племя, составляющее главный контингент городского населения на юге и западе России, — а городское население, как известно, поставляет главный контингент во все учебные учреждения. С тех пор, как евреи реши-

ли воспользоваться свободным доступом к высшему образованию, открытым для них в казенных учебных заведениях, а с образованием сопряжены были разные льготы по отбыванию воинской повинности, наши гимназии и даже университеты стали переполняться евреями. Мы не имеем под рукой статистических данных, сколько евреев обучается в средних учебных заведениях внутри черты еврейской оседлости и в каком процентном отношении состоит это число к общему числу учеников, – но несомненно, что оно возрастает с каждым годом. Эксплуатируемый евреями народ не только дает на свои же деньги евреям почти даровое образование, но скоро едва ли не будет вытеснен из русских школ за недостатком мест, по случаю преизбытка евреев. Недавно некоторые газеты вычислили, что каждый студент в университете обходится государству около 400 р. в год. Нам сообщали из достоверного источника, что в нынешнем году выдано Московским университетом евреям-студентам, окончившим курс по медицинскому факультету, 120 или 110 свидетельств на звание дантистов. Дантист – пожалуй, и почетное ремесло, но предоставляем читателям произвести расчет, во что обходится государству образование каждого такого дантиста-еврея в течение пятилетнего курса, и всех 110 или 120 евреев-дантистов, выпущенных в течение одного года из одного университета, спрашивается: в самом ли деле необходима такая роскошь по части дантистской ввиду недостаточности сумм, необходимых для открытия элементарных

школ, в которых так нуждается наш сельский народ? Не знаем, действительно ли станут дергать зубы еврей-дантисты, но что они избегнут таким образом воинской повинности и приобретут право на повсеместное жительство в России – это верно.

Но тут есть другое зло. Высшее образование в России создает по отношению к массе простого народа особую среду, которую печать наша прозвала «интеллигенцией», «культурным классом» и за которой признает право народного представительства *eo ipso*, даже без выборов и полномочий. Для простого же народа все они – «господа»... Таким образом, вскоре сядут «в господах» над нашим русским народом и евреи – не просто, как теперь, торгошники, но уже, в самом деле, как умственная, «культурная», «общественная» и уж, конечно, отрицательная, а не положительная сила. При нашей же общественной податливости, при известной трусости прослыть «ретроградом» можно ожидать, что большинство наших мнимых либералов с либеральной предупредительностью обрадуется такому проявлению прогресса в нашем отечестве и подобно старинному возгласу изысканной вежливости: *place aux dames* (место дамам!) воскликнет: *place aux Juifs!* (место евреям!).

Тысячу лет строил русский народ свое государство, костями и кровью слагал его, принес в жертву государственной идее и местную свободу, и достояние. Достроил, наконец, и с недоумением начинает усматривать, что допущенные им

жильцы вытесняют его чуть не за порог, да еще и здание хотят по-своему перестроить... За хозяйский стол, конечно, могут быть допущены гости, но только как гости, и в качестве гостей пользоваться почетом: во главе же стола все-таки должен сидеть и распоряжаться хозяин. А хозяин в России – русский народ, и никак не инородцы.

Ни о какой пущей равноправности евреев с христианами не может быть и речи. На практическом языке «равноправность» значит не что другое, как дозволение евреям держать кабаки по селам. Этого ли добиваются наши юдофилы? Если еврейский вопрос действительно будет рассматриваться теперь в высших правительственных сферах, то единственное правильное к нему отношение – это изыскание способов не расширения еврейских прав, но избавления русского населения от еврейского гнета. Гнет этот пока экономический, но с распространением высшего образования в еврейской среде, повторяем, он примет иной вид и образ – образ гнущей русский народ «„либеральной интеллигенции“, да еще, пожалуй, во имя народа».

По поводу статей Брафмана о кагале

Москва, 10 октября 1881 г.

Не знаем, обратили ли на себя должное внимание помещенные в №№ 46 и 47 «Руси» статьи, составленные по рукописи покойного Я. Брафмана его сыном, под общим названием «План преобразования быта евреев». Отзыва о них мы до сих пор в газетах не встречали, а между тем, бесспорно, эти статьи – содержательнее, серьезнее, полновеснее всего, что до сих пор появлялось в нашей печати по вопросу об евреях в России. Если внимание нашего общества, утомившись этим вопросом и предоставив его решение правительству, перенеслось теперь на другие предметы, другие задачи и так называемые злобы дня, то для русского населения в черте еврейской оседлости он нисколько не утратил своего ежеминутного практического значения; он не может ни наскучить ему, ни быть сдан в архив, как не сдается в архив и не теряет своей занимательности для страждущего острая боль или заноза, торчащая в теле, пока она тут, пока боль не утихнет или не выдернется заноза. Не известен ход работ в правительственных комиссиях, учреждениях в разных губерниях нашего юга, юго-запада и северо-запада «для изыскания мер к установлению правильных экономических отношений евреев к местному населению» (таков, кажется, официальный титул комиссии). Можно, однако, заранее сказать,

что все эти комиссии будут бродить во тьме, как уже десятки лет бродит во тьме по еврейскому вопросу сама высшая наша администрация, если он не воспользуется разоблачениями Брафмана. Впрочем, даже предположить подобного рода невнимательность со стороны правительства было бы более чем странно и едва ли позволительно.

В самом деле, есть ли основание толковать пространно о взаимных экономических отношениях христиан и евреев, когда оказывается, что каждый христианин-землевладелец продан кагалом кому-либо из евреев? Да, продан как предмет эксплуатации и лично, и имущественно – и это не фигурный оборот речи, а юридический термин, потому что продажа закрепляется актом, особого вида купчей крепостью. Точно так же делаются предметом купли и продажи села, деревни, целые местности со всякой живой в них душой (разумеется, христианской). Под видимой могущественной сенью нашего гражданского права властвует невидимо, тайно, но еще могущественнее, вполне его отрицающий, совсем особый «правовой порядок», подчиняющий еврейской юрисдикции не только евреев, но и русских – даже без ведома для последних. На основании талмудических правил «Хезкать-Ушуб», т. е. о власти кагала в его районе, та территория – поясняет Брафман, – на которой поселились евреи, со всем входящим в нее имуществом и лицами иноверцев становится собственностью евреев. «Имущество иноверца свободно, и кто им раньше завладеет, тому оно и принадлежит» – гла-

сит «слово закона» (Хошек-Гамишпот, ст. 156). На этом основании кагал, т. е. национальное еврейское местное правительство, признавая все находящееся в данном районе своей, так сказать, «казенной собственностью», продает отдельным евреям два права: одно именуется по-еврейски мерония или мааруфия, право на личность, другое – хазака, право на имущество. Купчий акт на то или другое право или на оба вместе называется гахлат. Продажей права меронии, говорит Брафман, личность данного иноверца делается неотъемлемым и притом исключительным достоянием того еврея, который купил меронию, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни ссужать этого христианина деньгами, ни исполнять его поручения, ни вообще входить с ним в какие-либо сношения. Посредством же хазаки все недвижимое имущество такого-то христианина поступает в эксплуатацию купившему это право еврею, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни арендовать этого имущества, ни давать под него ссуды, ни заключать относительно его какие-либо сделки с хозяином. Кагал со своей стороны обязуется (и обязательство это прописывается в купчей) доставлять покупщику в случае его «неосторожности» в выборе средств для окончательного завладения проданной личностью или имуществом «иноверца» защиту пред «иноверческой» администрацией или судом, а также защиту против всякого еврея, который бы осмелился вторгнуться в пределы права, предоставленного покупщику, и нанести ему какой-либо ущерб: такого рода са-

мовольникам грозит бет-дин, тайный еврейский суд, постановляющий иногда и смертные, всегда исполняемые приговоры!..

Вот, между прочим, причина, почему между евреями нет и не может быть конкуренции. Это колоссальная, не временная, а постоянно пребывающая стачка, направленная против всего христианского населения тех местностей, которые входят в черту еврейской оседлости. А так как там почти вся торговля в руках евреев, то какими праздными, пустозвонными, а подчас и лицемерными оказываются все речи о «свободе торговли», о «свободной», спасительной, все будто бы регулирующей «конкуренции» в применении к этим несчастным местностям! В печати и даже в совещательной зале «сведущих людей» раздаются и теперь голоса в пользу свободы продажи питей; от взаимного соперничества между продавцами или содержателями питейных заведений ожидают этими «фритредерами» самые благие результаты. Не станем рассуждать теперь о самом принципе вообще, но какой насмешкой звучат эти обещания для целых двадцати шести губерний Русской империи – ввиду этих гахлатов и ввиду херема) Херемом же называется наказание, налагаемое на строптивного христианина: если проданный христианин окажется неподатлив относительно купившего его еврея, строптив или вообще навлечет на себя почему-либо неблаговоление кагала, то кагалу стоит только объявить такого неудобного христианина под херемом, и опять ни один еврей в ми-

ре не осмелится войти с ним ни в малейшее торговое сношение – а это в крае, где ни купить, ни продать нельзя иначе как через посредство еврея, равняется совершенному разорению... Не очень давно в одной из газет был напечатан рассказ одного из помещиков Волынской губернии о том, как, подвергшись херему, он был вынужден наконец укротить свою «строптивость» и обратиться к какому-то раввину в Галиции (вероятно, к высшей инстанции) со смиренной просьбой о снятии с него интердикта: австрийский раввин милостиво внял этому молению христианина, и последний обрел снова возможность сбывать произведения своего сельского хозяйства! Спрашиваем теперь: не празднословие ли, не пустое ли, наивное и в то же время опасное, вредное разглагольствие – все эти «либеральные» и «гуманные» толки о расширении прав евреев до полного управления их с правами всех остальных подданных России – о необходимости предоставить евреям право, кроме вышеупомянутых 26 губерний, свободно расселяться по всей Русской империи и т. п., пока имеется в виду такая внутренняя организация еврейского племени? Что другое значит это предполагаемое расширение прав евреев, как не порабощение всей остальной России еврейскому «правовому порядку», юрисдикции и власти кагалов, как не распространение за пределы нынешней еврейской оседлости благодеяний гахлатов, меронии, хзаки и херема? Никакой другой точки зрения в разрешении еврейской задачи в России пока еще быть не может –

всякая иная, более общая, представляется отвлеченностью. На все рассуждения наших юдофильствующих газет, на все возгласы, бойкие и хлесткие, даже несколько нахальные речи самих евреев в их периодических изданиях мы отвечаем вопросом: а гахлат? А мерония? А хазака? А херем? А кагал и бет-дин? Пусть не уклоняются они от ответа – пусть скажут прямо: вымысел ли это или правда – и если вымысел, то какие могут они представить тому доказательства, перевешивающие свидетельство Брафмана и приводимых им документов? Если же правда, то пусть объяснят сами, как согласуют они такое исключительное привилегированное положение еврейского племени с идеей равноправности и свободы? Если свидетельство Брафмана истинно, то очевидно, что и вопрос об евреях требует другой постановки: это вопрос уже не об эмансипации евреев, а об эмансипации христиан от еврейской племенной организованной стачки, не о распространении на евреев действия общих законов Русской империи, а об изъятии христиан из-под действия еврейских законов, об ограждении христиан от великого, бодрствующего, неослабно действующего еврейского заговора.

Вместо того чтобы «в интересах мира» затыкать уши и жмурить или отворачивать глаза, необходимо в действительном интересе мира откинуть то ложное и в сущности очень дешевое смирение, с которым мы так часто приносим наших присных по крови и духу в жертву мнимой гуманности и призрачному либерализму; необходимо разверсть слух и

посмотреть правде прямо в глаза, уразуметь настоящее, реальное положение дела. А это положение в том, что евреи, в черте их оседлости, составляют у нас «государство в государстве», со своими административными и судебными органами, с местным национальным правительством, – государство, центр которого вне России, за границей, которого верховным правительством является «Всемирный еврейский союз» в Париже. Мы не ставим стремления к подобной организации в вину еврейскому племени. С нашей точки зрения, уже известной читателям «Руси», такое стремление объясняется всей удивительной исторической судьбой сынов Израиля, призванных к духовному миродержавству и достигших миродержавства в лице Сына Давидова – Иисуса Христа, но не познавших исполнения своего племенного призвания в образе Христовом и продолжающих стремиться к миродержавству отрицания, к миродержавству антихристианской идеи в образе миродержавства еврейского. Это не обвинение, а определение, мы только обозначаем факт. Не это удивительно, а удивительно то, что евреи умудрились это бытие в русском государстве государства еврейского, имеющего свой центр за границей, укрепить всею мощью русского государства! Поистине чудно, с какой простодушной готовностью русское правительство обставляло гарантиями целость и твердость национального еврейского строя, как заботливо охраняло от всякой возможности внутреннего разложения! Диву надобно дать, когда удостоверишь-

ся, как руками самой русской власти, помощью ее принудительной внешней силы, страхом русских же уголовных законов упрочивали евреи свое национально-государственное здание, устанавливали свою власть над христианами, утверждали свою стачку, свою систему эксплуатации русского населения, свою систему обманов!..

Все это разоблачено в трудах покойного Брафмана, в его **«Книге Кагала»**, второе издание которой в значительно распространенном и разработанном виде, вероятно, не замедлит появиться в свете. Все это вкратце передано двумя упомянутыми уже нами статьями в №№ 46 и 47 «Руси» – все это, впрочем, лучше всего подтверждается Сводом законов Российской империи!.. Брафман, впрочем, ограничивает свой план «преобразования быта евреев» только указанием, чего не следует делать русскому правительству и что из существующих законоположений подлежит безусловной отмене в области административной, учебной и государственной политики. Так, по его мнению, необходимо отменить в области административной все до сих пор существующие законы, по которым евреи выделяются в особые общества для уплаты податей и отбывания государственных повинностей, и все существующие отдельные общественные сборы с евреев – другими словами, уничтожить еврейских сборщиков податей и упразднить коробочный сбор, общий и вспомогательный.

Хитрая политика иудейских вождей при поселении их

единоплеменников в чужом государстве состояла всегда в том, чтобы соблазнять правительства предупредительной готовностью снять с него трудную и дорогую задачу взимания с евреев государственных податей и не обременять государственный бюджет расходами на общественные еврейские нужды (например, больницы и школы). Почти все правительства шли на это заманчивое предложение и охотно соглашались (по крайней мере у нас это соглашение скреплено Сводом законов) на следующие условия: чтобы подати с евреев собирались сборщиками податей, избранными еврейской общиной и в этом звании утвержденными государственной властью; чтобы на покрытие общественных еврейских расходов были допущены и правительством узаконены особые, подробно обозначенные с евреев сборы и чтобы местная администрация была обязана оказывать всякое содействие сборщикам в случае сопротивления со стороны еврейской массы или отдельных евреев, и даже преследовать непокорных во имя закона, Вещь по существу своему, кажется, вполне рациональная и невинная, а в результате, по словам Брафмана, выходило, что над жизнью еврейской общины, которая, может быть, без того бы и разложилась или осталась бы при одной нравственно-религиозной связи, тотчас же развертывалось вместо власти государственной знамя национально-еврейского правления со сборщиками податей во главе. В руках этого правления сосредоточивались громадные денежные средства для осуществления националь-

но-еврейских целей, сосредоточивалась принудительная сила держать общину в самом строгом подчинении своей юрисдикции и власти, под страхом наказания руками иноверческого, т. е. русского же правительства! Сборщикам податей было поручено и ведение податных списков, т. е. дана возможность укрывать подлинное число еврейского населения, что они и Делают весьма успешно, убавляя число евреев, живущих в России, по общему отзыву и по мнению Брафмана, на целую половину.

«Положение 1844 г. о коробочном сборе», внесенное и в Свод законов, – произведение поистине диковинное. По-видимому, что за дело русскому правительству: соблюдают ли евреи требование Талмуда относительно кошера, т. е. едят ли или не едят евреи мясо, такой скотины, которая заразна при соблюдении самых изысканных талмудических постановлений относительно ножа и которая называется кошер, или едят трэф, т. е. мясо скотины, зарезанной не талмудическим способом, мясо, еврею Талмудом воспрещенное? Но еврейские вожди сумели соединить с этим кошером интерес фискальный, и хотя кошер делает мясо крайне дорогим и потому недолголюбивается бедной еврейской массой, однако же кошер – вернейшая ограда иудейской обособленности и Талмуда, и потому... потому еврей, не соблюдающий кошера, наказывается самой русской властью, как «уклоняющийся от кошерного сбора»! Странно читать в нашем Своде законов следующий образец русской правительственной забо-

ты о еврейском талмудическом правоверии (Полож. о коробочном сборе, ф. 53):

«При убое скота и птиц на кошер не употребляется других к тому орудий, а при продаже евреям мяса других весов, кроме данных откупщиком (из евреев же) с его клеймом и с удостоверением раввина, что они могут быть употребляемы для кошера...»

Осмелился еврей изготовить себе мясо простым ножом, без раввинского удостоверения, словом, оказаться не совсем ортодоксальным, – штраф или еще того хуже: повинен есть пред русским уголовным законом!

Но еще замечательнее наше «Положение о евреях 1835 г.» и дополняющий оное закон 3 июля 1850 г. «Об учреждении надзора за синагогами и молитвенными домами». С падением Иерусалима у евреев нет и не может быть храмового богослужения (с жертвами, штатом духовенства и пр.), а есть только богомоление. Вместо единого храма имеют они огромную массу частных молитвенных домов и немало мест общественного богомоления – синагоги. Распадение религиозной жизни еврейской общины на мелкие молитвенные группы (чему способствует моление в частных домах), как явление опасное для единства религии Израиля, давно обратило на себя внимание представителей и вождей иудейства. И вот в угоду им русский государственный закон гласит: «Общественные молитвы и богомоления могут быть совершаемы только в особых зданиях, для сего определенных, т. е.

в синагогах и молитвенных школах», за неисполнение чего взыскивается штраф до 1000 рублей! Тем не менее кагал беспрепятственно допускает моление в частных домах, кроме некоторых праздников, установленных именно с целью разжигать национально-политические и религиозные страсти евреев, обновлять и укреплять в них чувство племенного единства. В эти дни кагал, вооруженный русским государственным законом, насильственно сгоняет всех евреев из частных молитвенных домов в синагогу. В 1875 г. многие евреи в Петербурге, в дни указанных праздников, не захотели было закрывать своих частных молелен – представители еврейской общины, опираясь на вышеприведенный закон, – тотчас к градоначальнику, и градоначальник закрыл: «не уклоняйся-де от участия в общественных еврейских национально-религиозных праздниках!»

Конечно, такой закон должен быть отменен, и евреям должна быть предоставлена полная свобода вероисповедания. Русское правительство – справедливо говорит Брафман – не должно препятствовать еврею молиться, где и когда ему угодно, не должно быть орудием в руках кагала для наказания тех евреев, которые не окажутся особенно склонными заботиться о политическом благе всего Израиля. Пусть иудейство – повторим его слова – живет религиозной мощью, если она в нем имеется, но пусть же оно для поддержания своего могущества и возбуждения в еврейской массе политических надежд не находит себе сильной опоры в ве-

лениях русского государственного закона!..

Далее Брафман указывает на необходимость отказаться от правительственной опеки и регламентации национально-еврейской науки, а для этого упразднить созданные Положением 21 марта 1873 г. еврейские начальные училища вместе с еврейскими учительскими институтами и отменить закон 1875 г. о преследовании меламидов, т. е. непатентованных правительством учителей, держащих частные школы. Свободное движение религиозной мысли в среде евреев грозило, без сомнения, опасностью самой основе национального еврейского единства, порождало и не могло не породить разные уклонения от Талмуда, разные ереси, ослабляющие духовную целостность иудейства. И вот русский закон тяжеловесным государственным молотом кует духовную силу иудейства, настаивает на самом тщательном изучении Талмуда (обрекающего каждого христианина, его личность и имущество в достояние еврейское, в предмет купли и сдачи с торгов), требует от раввинов строгого еврейского правоверия. Если бы поставить вопрос следует ли предоставить евреям полную свободу религиозного образования, – все «либералы» должны были бы, по-видимому, ответить и ответили бы правильно, в смысле утвердительном. Но либеральные иудофилы держатся иного воззрения по отношению к евреям. Дело в том, что этот либеральный принцип не выгоден для вождей иудейства. Оказалось, несравненно согласнее с их целями и задачами воспользоваться принудительной силой

русской власти: это и достигнуто созданием училищ и учительских институтов на основании законов 1873 и 1875 годов, крепко и твердо ограждающих верность духовной основе современного иудаизма – Талмуду.

Мы не перечисляем здесь всех прочих указаний Брафмана, несомненно, подтверждающих, что организация мощной тайной силы еврейства зиждется главным образом на русских государственных законоположениях. Все предлагаемые Брафманом меры чисто отрицательного и в сущности самого либерального свойства и сводятся к такой формуле: отменить правительственную опеку над евреями, как над отдельной обособленной общиной, не узаконивать, не поддерживать ее отдельного, обособленного существования всей мощью русской государственной власти, предоставив ее себе самой.

Вместо того чтобы в разрешении еврейского вопроса в России бродить вокруг да около, не лучше ли, не пора ли наступить на самую его сердцевину, т. е. обратиться прежде всего к пересмотру существующих законов и перестать узаконивать и ограждать бытие той чудовищной аномалии, какую представляют отношения еврейства, к христианскому населению, – той исполинской, могущественной стачки, разоряющей десятки миллионов русского народа, того государства в государстве, той тайной, космополитически – племенной иудейской организации, которая опирается, с одной стороны, на свой политический национальный центр, на

«Всемирный еврейский союз» в Париже, с другой – на русское же правительство, на Свод законов самой Российской империи?!..

Еврейская агитация в Англии

Москва, 23 января 1882 г.

Два слова еще по поводу еврейской агитации в Англии. Нужно ли говорить, что сами англичане не верят, не могут верить всей той лжи, которой с таким изобилием снабжают их евреи и которую они с таким злорадством печатают в своих многочисленных газетах? Здравый смысл мог бы, однако, подсказать им самим, не ожидая и опровержений со стороны России, совершенную несбыточность описываемых фактов, вроде, например, поголовного обесчещенения женского населения целых местностей, как Березовки и других! Статочное ли дело, чтобы о таких событиях не ведали или молчали в течение шести-семи месяцев представители английского правительства в России, многочисленные, рассеянные по России английские консулы и тысячи англичан, проживающих в нашем отечестве? Прежде чем печатать эти мерзости, поносить Россию в газетах и на митингах и требовать от английского министерства протеста против действий русского правительства, не проще ли было обратиться с запросом к английскому послу в Петербурге? Но в том и дело, что и составители известий, и редакторы, печатающие эти известия в своих газетах, нисколько не сомневаются в их лживости. Умысел тут другой. Прежде всего умысел еврейский. Евреям известно, что труды губернских комиссий по вопро-

су об установлении правильных отношений еврейского населения к христианскому сосредоточены теперь в Петербурге, в центральной комиссии под председательством г. товарища министра внутренних дел, и вот с целью произвести давление на русское общественное мнение и на русское правительство и поднят ими весь этот безобразный, позорящий не Россию, а Англию шум и гвалт. Но умные евреи оказались на сей раз очень уж просты и без сомнения обочтутся в своих расчетах. Правда, они основывали свои соображения на русских же, известного пошиба, газетах, исповедующих если не прямое юдофильство, то пренебрежение к русской народности, – однако же есть повод думать, что время успешного застрашивания русского правительства иноземным общественным мнением, враждебной критикой и гулом заграничной хулы безвозвратно прошло. Если в этом враждебном России подъеме английского общества проявилась сила Израильского всемирного союза (Alliance Israelite), то тем более причин для России оградить себя от вмешательства этой международной новой державы и пресечь разом все ее притязания... Евреи в России, оставляя действия своих лондонских собратий без протеста, конечно, этим самым только доказывают свою полную с ними солидарность...

Достоинно замечания, что евреи, вероятно, желая снискать вышнее благоволение английской публики, а может быть, наивно рассчитывая, что русское правительство, струсив английской критики, последует их указаниям, трубят в англий-

ских газетах (как свидетельствует корреспонденция из Лондона, помещенная в № от 11 января «Нового Времени»), что разгром, насилия, зверства, совершенные будто бы в России над еврейским населением, вызваны не кем иным, как «московскими славянофилами» и именно, между прочим, редактором «Руси». Одним словом, с точки зрения еврейской, как и с точки зрения нашей «либеральной прессы» (да и Австро-Венгрии, конечно), в России – вся беда от «народности», так как народное направление, в их понятиях, равнозначительно возбуждению народного духа против «интересов цивилизации» (читай: евреев и немцев)... Этого мало. Одновременно с этим, в тех же английских газетах, евреи предъявляют требование, «чтобы общественное мнение помогло русским политикам школы графа Шувалова заменить настоящих русских министров» («Новое Время», та же корреспонденция из Лондона). Знаменательно!

Знаменательно оно и потому, что эта еврейская агитация в Англии служит подкладкой для агитации партии тори, или консервативной, на сторону которой, очевидно, сворачивает и «Times». Консервативная партия, вероятно, предполагает, что настала пора для свержения Гладстона и всего либерального министерства. Встревоженные призраком аграрных реформ, грозящих из Ирландии перейти в Англию, тори, пользуясь затруднениями, встреченными настоящим правительством в Ирландии, усиливаются создать затруднения министерству и во внешней политике. Дружественные отношения

к России противоречат не интересам Англии – совершенно напротив – а тем предрассудкам, которые сильнее всяких доводов здравой логики и глубоко вкоренились в тугоподвижные умы большинства английского общества. Нелегко ему расстаться с догматами своего политического credo, будто Балканский полуостров должен быть изъят из сферы влияния России, так как свободный проход русских судов через Босфор и Дарданеллы представляет будто бы опасность для английских, индийских владений! Этот неразумный страх можно объяснить себе не иначе как предрассудком. Поэтому и возбуждение недоверия и даже ненависти к России входит в расчеты консерваторов как возвращение общества к самым популярным его преданиям, тесно связанным с направлением внешней консервативной политики. В Англии не перестают вспоминать о том политическом блеске, которым была она окружена за границей при Беконсфильде и которого она как бы лишилась при Гладстоне, причем забывают, что весь этот блеск лживый, условный, что могущество Англии в сущности мнимое, что Англия без тесного союза с сухопутными державами не страшна никому на суше и что дерзкая политика Беконсфильда, удовлетворяя национальному тщеславию, ничего в сущности не принесла Англии, кроме убытка. Как бы то ни было, но уже теперь можно предвидеть, что с падением Гладстона отношения Англии к России станут снова враждебны и что Англия примкнет к политической системе канцлера, т. е. к союзу с Германией и Австрией. Нельзя не

принять в соображение, что этого падения открыто желает и сам князь Бисмарк и что восстановление консервативной партии во главе английского правительства, дружественной Германии, изолируя Францию, изолирует и Россию и создаст сильную коалицию трех держав, восточная политика которых будет, как и на берлинском конгрессе, направлена вся против России... Выходит, что и вся эта еврейско-консервативная агитация в Лондоне, с которой так мужественно борются газеты благородной партии Гладстона, как раз на руку и германскому канцлеру, и австро-венгерскому правительству: для последнего же особенно кстати, ввиду предпринятого им хищения Боснии и Герцеговины...

Она, эта агитация, кстати и для «Голоса». Он пользуется ею, чтобы обвинить ненавистное ему притязание на «самобытность» и еще раз отрекомендовать себя пред враждебной России Европой несамобытным, в чем, впрочем, никто и не сомневался. Достаточно вспомнить, как воспевал он во время оно Берлинский трактат и его главных радетелей. «В возникновении еврейского вопроса мы сами виноваты, – вещает он. – Мы не настолько культурный народ, чтобы относиться с терпимостью к чужому мнению, чужой профессии, чужой жизни...» Это эксплуатация-то русских крестьян евреями чувствуется именем профессии!.. «Наша нетерпимость, – продолжает „Голос“, – как и другие недобрые качества, тотчас же выступила на первый план, как только мы захотели быть самобытными». Следовательно, к формуле «не разнуж-

дывайте зверя» «Голос» прибавляет и еще формулу: «будьте несамобытны». Это уж и комментария не требует.

И все это в ответ на оскорбления, посылаемые России из той страны, где каждый день совершаются действительные зверские убийства, вызванные тем аграрным вопросом, разрешение которого в России прошло мирно и благополучно – именно потому, что это разрешение было не заимствованное, а самобытное!..

Нормально ли положение евреев на нашем западе и юге, и их отношение к местному населению?

Москва, 24 апреля 1882 г.

Противоеврейские или даже просто «еврейские беспорядки» (как принято в нашей печати называть действия самовольной народной расправы с еврейским имуществом), возникшие было вновь на юго-западе России, кажется, прекратились, Бог даст, они и не возобновятся. Достоинно замечания, что в нынешнем году они происходили не там, где производился разгром прошлой весной и летом, а на новых местах, и притом далеко не в том числе случаев и не в таких вообще серьезных размерах – исключая только разгром в г. Балте. Очевидно, что меры, принятые администрацией, не остались совсем без последствий, да и было бы слишком печально, если б мы не сумели воспользоваться уроком 1881 г., если бы тот взрыв народного негодования, тот острый пароксизм внутреннего, внезапно обличившегося недуга, который прошлой весной не мог быть своевременно предупрежден, перешел в хроническое состояние, в явление обычное, чуть незаурядное! Не следует, однако ж, обнадеживать себя наступившим затишьем и воображать, что достаточно одних строгих наказаний и экзекуций *post factum* для совершен-

ного предотвращения возможности подобных безобразных бесчинств в будущем. Такими мерами, конечно, удастся иногда вселить спасительный страх, но лишь на ограниченном пространстве, да и ненадолго. Если в то же время не внушить народу уверенность, что правительство окажет ему наконец энергическую защиту от еврейского гнета, освободит его от закрепощения еврейскому капиталу, то никакие угрозы не убедят его в незаконности самоуправства. Утратив последнюю надежду на заступничество власти, население может, пожалуй, дойти до такого отчаяния, при котором сами казни станут не страшны... Если не желательно повторение возмутительных сцен киевского, кременчугского, балтского погромов, так не следует и ограничиваться преследованием одних виновников погрома, а необходимо с неменьшим рвением позаботиться об устранении всякого повода к таким явлениям; врачуйте сам недуг, если хотите избавиться от его опасных припадков... И нельзя не признать, что в этом отношении деятельность г. министра внутренних дел заслуживает искренней благодарности русского общества. Он не удовольствовался полицейскими мерами предосторожности и уголовными карами, а тотчас же усмотрел в этих так называемых беспорядках их важное социальное и государственное значение. Он не уклонился, как многие его предшественники, от единственно верной и правильной постановки еврейского вопроса в России и через посредство нарочно устроенных в черте еврейской оседлости комиссий (в состав кото-

рых вошли не одни официальные лица, но и местные сведущие люди, и даже сами евреи) приступил к расследованию отношений еврейского населения к христианскому. Мы имели случай познакомиться частным образом с трудами некоторых комиссий и не можем не пожалеть, что они не преданы гласности: богатство собранных ими данных, несомненно, образумило бы многих из тех, которые держат сторону евреев против русского народа не из корысти (как некоторые), а из фальшиво понятого гуманизма или по незнанию. Комитет при Министерстве внутренних дел, куда стекались все работы комиссий, говорят, уже проектировал ряд мер, облегчающих, если не упраздняющих, еврейский гнет над христианским населением, но в ожидании, пока этот проект будет рассмотрен и утвержден законодательным порядком, министерство, по словам газет, представило в Комитет министров предположение о некоторых временных, облегчительных для народа и, стало быть, ограничительных для евреев правилах. Этим неизбежным промедлением в законодательном решении вопроса и поспешили воспользоваться как евреи, так и их корыстные и бескорыстные защитники: агитация производилась да производится еще и теперь в обширных размерах как в России, так и еще более на западе Европы – в печати, на биржах, на митингах, даже в британском парламенте. Вообще за границей пущены в ход всевозможные способы произвести давление на правительство и на общественное мнение России (начиная с самой гнусной за-

ведомой клеветы). Успех рассчитан на укоренившемся в чужих краях предположении о необычайной будто бы податливости русских руководящих сфер всяким западно-европейским требованиям, будь только они предъявлены, с нахальной настойчивостью, о непомерной застенчивости русского общества не только перед носителями «европейской культуры и цивилизации», но даже перед самими ярлыками, на которых стоят эти заветные слова и которые иностранцы, нам же на смех, в сношениях с нами, нарочно прищипливают к самым грубым своим интересам, противоречащим всяким понятиям о цивилизации и культуре! Так, австрийские газеты иудеев ради предлагают исключить «варварскую» Россию из числа европейских держав – в то самое время, как Австрия среди бела дня без всякого законного повода и права, ради лишь поработнения себе Боснии и Герцеговины, производит в этих славянских землях самую ужасную бойню, а в Галиции в то же время воздвигает тяжкое гонение на всех помышляющих о переходе в православную веру! Так, властины европейских бирж, заступаясь во имя культуры за свободу эксплуатации христиан евреями, пугают наших финансистов угрозами понизить русские фонды, тогда как сами же играют на это понижение и скупают потом русские правительственные ценные бумаги, твердо веруя в исправность России относительно ее обязательств! Этим только и объясняется тот несомненный факт, что на другой же день после первого Лондонского митинга в защиту иудаизма в России

русские фонды ниже не упали, а, напротив того, поднялись!.. Главная цель всех этих искусственных, неискренних манифестаций – добиться самым дешевым способом не только полного обеспечения настоящего экономического преобладания еврейства в западной и южной России, но и усиления этого преобладания до степени безусловного, привилегированного господства. Дешевизна этого способа, в точном, буквальном смысле слова, ни в чем так не проявилась, как в благотворительных хлопотах о переселении или о содействии к эмиграции из России евреев. Его величество, глава еврейского дома Ротшильдов – этого царя и самодержца денежного рынка всей Европы, состояние которого исчисляется миллиардами, который мог бы скупить у султана всю Палестину, – соблаговолил пожертвовать в пользу разоренных своих одноплеменников... 25 тыс. франков! Вся остальная Европа – негодующая, протестующая – вместе со всеми остальными еврейскими банкирами, располагающими также несметными капиталами, не набрала, кажется, и пятисот тысяч рублей для помощи сим «несчастливым жертвам русского варварства», тогда как бедный деньгами русский народ, слышав в 1876 г. о страданиях своих единоверцев и единоплеменников в Боснии и Герцеговине, грошами выслал страдальцам миллионы!.. Жалкого же мнения о нас за границей, если полагают возможным смутить такими фальшфейерами, такой шумихой русское общество и русскую власть! Конечно, иностранцы могут быть легко введены в заблуждение га-

зетой «Голос» с ее сателлитами, для которых Европа нечто вроде начальства или знатного барина, но пора же заграничным «деятелям» наконец уразуметь, что своими выходками по поводу евреев против России они не собьют с толку рас- судительную часть русского общества и не воздействуют на независимость мнения руководителей внутренней русской политики, а могут лишь понапрасну раздражить русское народное самолюбие и пуще навредить самим же евреям. Да и последним не худо бы принять к соображению, что, посылая из России в Европу телеграммы и письма не только с преувеличенным описанием беспорядков, но и преисполненные мерзостнейшей лжи о небывалых злодействах, плохую службу служат они своему делу в нашем отечестве.

Еврейский вопрос в России – вопрос великой важности, чрезвычайно серьезный, серьезный до трагизма, и к нему действительно нужно отнестись с беспристрастным, строгим вниманием, *sine ira et studio*. Нельзя поэтому не жалеть, что большинство нашей печати относится к нему более чем легкомысленно. В нашей газете в NN 46 и 47 были в прошлом году напечатаны статьи Брафмана, после которых немислима, казалось бы, та постановка еврейского вопроса, которой держатся у нас до сих пор поборники еврейских интересов в своих запальчивых статьях, вызванных недавними последними событиями. Наконец вышел в свет новым, исправленным и значительно дополненным изданием труд Брафмана: «Книга Кагала», 1882 г. 2 части – труд, который должен

бы служить точкою отправления, краеугольным камнем при всех суждениях о еврейском в России вопросе, но о котором совершенно забывает наша полемизирующая печать, с которым, может быть, не соблаговолило даже и познакомиться большинство наших публицистов! Это ли внимательное, добросовестное отношение к делу! Но что еще более поразительно, чем такое пренебрежение к капитальному труду, раскрывшему бездну данных для разрешения еврейской задачи, – это совершенное неведение условий быта и жизни целых шестнадцати губерний европейской России (не считая десяти губерний так называемого царства Польского), то есть всей русской области, находящейся внутри черты еврейской оседлости и представляющей площадь в 737 987 кв. верст, с населением около 23 миллионов жителей! Можно предположить, что никогда никто из этих ретивых заступников за еврейство и не заглядывал в наши южные и западные губернии, потому что даже поверхностное знакомство с краем не может не вызвать добросовестного человека на серьезное размышление о способах избавления христиан от тирании еврейского могущественного кагала, о создании сносных, не для евреев, а для русских, социальных и экономических условий существования. Недостаточно быть знакомым в Москве или Петербурге с двумя-тремя получившими высшее образование евреями и по ним судить о еврейской массе, а нужно бы пожить там в деревне, побыть несколько времени в любом из этих городишек вроде Балты, Бен-

дер, Бердичева... Но и независимо от личных впечатлений и исследований разве голос народа этих 16 губерний, разве свидетельство всех заслуживающих доверия, бывших и настоящих правителей края, разве мнения земств и землевладельцев тех местностей не имеют ровно никакого значения? А все эти голоса, свидетельства и мнения говорят одно: что экономическая и социальная зависимость мужика да почти и всякого христианина от еврейской корпоративной стачки становится нестерпимой, что благо русского народа, благо всего края требует изменения существующих отношений христианского населения к 5 или 6-миллионному населению еврейскому... Да и кто же не слышал и не ведаёт как несомненную аксиому, что всякий край, в котором экономическое государство захватывают в свои руки евреи, не процветает, а чахнет и гибнет; что такой же печальной участи, если своевременно не будет оказано помощи, может ожидать себе наш юг и запад, где, без сомнения, сравнительно с Европой, и образование, и культура вообще стоят на низкой степени, да где (именно в западных губерниях) вдобавок по милости польского управления не образовалось и нет крепкого туземного городского сословия? Но у нас – и только у нас возможно это явление – вдруг точно отшибло память у большинства «интеллигенции», и уши оглохли, и народного вопля не слышат, и мнению земских людей не внимают, и с удивлением, точно впервые в жизни, узнают о какой-то неблагоприятности еврейских поступков в этих 16 губерниях! Разуме-

ется, по их мнению, все это не более, как злые наветы на бедных, ни в чем не повинных евреев! Они даже и не задают себе вопроса: неужели все эти деяния народного самосуда, конечно, и бесчинного и безобразного, взялись так себе, не из чего, от чужих внушений, со стороны, а не служат симптомом того внутреннего глубокого разлада, той чудовищной аномалии, которой страдает весь местный организм и которая началась издавна, как о том свидетельствуют все народные песни, былины, предания Малороссии? У нас любят объяснять антиеврейское народное движение кознями крамолы. Но не крамола же создала антисемитическую лигу и беспорядки, происходившие в Германии! Крамола могла воспользоваться самопроизвольно возникшим у нас движением, но не она, конечно, его первоначально вызвала. Долго назревавший нарыв наконец лопнул, и об этом назревании одни ли народные русские сказания свидетельствуют? Всякий честный, серьезно образованный еврей (мы знавали таких и с некоторыми из них были даже в приятельных отношениях) подтвердит наши слова о том вреде, который наносит населению хищнический инстинкт невежественной еврейской массы, нередко преисполненной злого религиозного фанатизма, под влиянием своих цадииков, крепко сплоченной и организованной. Даже в некоторых издаваемых в России еврейских журналах можно найти статьи, молодые авторы которых обращаются с горячими, хотя и бесплодными увещаниями к большинству своих единоверцев: «не навлекать на себя сво-

им образом действий справедливой ненависти христианского населения». Выходит, что некоторые наши петербургские газеты, отрицающие недоброкачество еврейской эксплуатации *sont plus juifs que Juifs eux-memes!*

Кстати, в одной московской газете было сказано, что «жиды-шинкари имеются только в Заднепровье» и что крестьяне не менее, если не более, разоряются там, «где евреев не пускают и где кабаком орудует православный целовальник». Несправедливость первого положения доказывается следующими достоверными цифрами, которые нам удалось достать от некоторых еврейских комиссий: отношение евреев-кабатчиков к кабатчикам-нееврейам в губернии Витебской составляет 77 %; общее же число в ней евреев-кабатчиков 1342; в Черниговской – 78 %, общее число – 2368, да сверх того тайных кабаков, исключительно содержимых евреями, – 1389; в Минской – 95 %, общее число евреев-кабатчиков – 1639; в Виленской – 98 %, общее число – 1468; в Гродненской – 98 %, общее число – 2250; стало быть, жиды-шинкари или кабатчики не только в Заднепровье, да и не мало-численны... Что же касается до «православного целовальника», то это обвинение несколько тождественно с ходячим, модным у нас теперь негодованием на русских сельских «кулаков». Положим, негодование это вполне законно и делает честь негодующим; но почему же, спрашивается, ограничивают они свое негодование только русскими «кулаками», а как скоро дело касается «кулаков»-евреев, то благородный

гнев их обрушивается не на сих последних, а на тех, которые хотят от этого кулачества избавиться! Русский «кулак» – явление единичное, порозь стоящее, а тут в лице евреев – целая корпорация, целая крепкая организация кулачества, целые миллионы «кулаков», солидарных между собой, друг друга поддерживающих, – которых вся профессия, все призвание заключается в кулачестве или эксплуатации христианского населения. Русский «кулак» (хотя бы и целовальник) может и перестать быть кулаком, может раскаяться; кулачество в нем – извращение его духовной природы, уклонение от исповедуемых им или врожденных ему, как и всей окружающей его среде, общих начал христианской, нравственности. Для еврея же кулачество не есть грех, а почти всякой долг, отчасти предписываемый или по крайней мере разрешаемый его Талмудом, – долг, исправное исполнение которого гарантируется ему катальным устройством. Наконец, между русскими «кулаками» возможна конкуренция, которая более или менее парализует вред их чрезмерного хищничества и не дает образоваться монополии. Между евреями, напротив, всякая конкуренция кагалом запрещена; ни один еврей не смеет ни продать дешевле, ни купить дороже другого еврея или вообще сбить ему цену: это – колоссальная стачка, это монополия миллионов людей, действующих по отношению к христианскому населению, как один человек. Некоторые газеты у нас в своей заботе о благе русского крестьянства, требуют особых специальных законов против деревенских «кула-

ков». Прекрасно, но пусть же они требуют таких же законов в ограждение русских крестьян и от «кулаков»-евреев, а в этом ведь и заключается вся суть так называемого еврейского вопроса! Удивительное дело: наши социалисты ораторствуют против владычества капитала, возбуждают даже почти и не существующий у нас «рабочий вопрос» – и совершенно молчат о еврейском вопросе, тогда как нигде и ни в ком так не воплотилась ненавистная им идея «капитала» – живьем и голым, – как в еврействе!..

Но неужели, скажут нам, вид разоряемых, гонимых евреев не способен возбуждать сострадание? И способен, и должен, но для чего же гуманность и сострадательность направлять только с одной стороны – еврейской? Мы не видим, почему только несчастье, постигшее десятки тысяч евреев в недавнее время, заслуживает участия, а муки, в течение веков претерпеваемые русским населением, даже и внимания не достойны? Для нас, русских, кажется, на первом плане все-таки должно быть благо русского народа, а не пришлого чуждого племени...

Вовсе, однако ж, не для того, чтобы «разжигать племенную или религиозную вражду между русским населением и евреями», как, может быть, воскликнут некоторые, пишем мы эти строки. Мы желаем именно утвердить вопрос на экономической и социальной почве, хотя и не можем отрицать, что подпочва его – не у русских, а именно у евреев – все-таки племенная и религиозная. Не обвинительный акт составля-

ем мы против евреев и вовсе устраним из настоящего спора интерес племенной и религиозный. Мы хотим, напротив, если не мира, то перемирия или мировой сделки, возможного компромисса. Мы хотим предотвращения новых безобразных проявлений народной расправы, которыми мы гнушаемся не менее, как и наши поборники иудаизма, но которых не предотвратят они способом защиты, ими избранным. Те, которые выставляют евреев как оклеветанную, угнетенную невинность и отрицают аномалию во взаимных отношениях обеих сторон, только поощряют евреев к упорствованию в той пагубной системе действий, которая неизменно ведет к столкновению с русским сельским населением, которая делает их ненавистными народу: следовательно, не во благо, а во вред действуют самим же евреям; следовательно, не предупреждают возможности новых возмутительных сцен крестьянского мщения, а накликают ее... Науськивая теперь энергию правительства на виновников разгрома еврейских жилищ, глумясь беспрестанно над администрацией, зачем она действовала не с достаточной будто бы энергией, не заставила солдат штыками и пулями защищать еврейское имущество против христианского населения (т. е. зачем не ввела солдатское чувство дисциплины во искушение!); издеваясь над судом, зачем наказания не довольно будто бы строги, – неужели наши ревнители еврейства воображают, что чрезмерным усилением строгости и вооруженным покровительством евреям не нарушится истинное правосудие, – во-

дворится между обеими сторонами мир и любовь, а не сильнейшая ненавистью. Нет, для того, чтобы устранить всякую возможность самовольной народной расправы, нужно, чтоб была законная на евреев управа, а ее-то и нет!..

Итак, прежде всего следует поставить вопрос нормально ли положение евреев на нашем западе и юге и их отношение к местному населению? Но неужели, после всего нами изложенного, это еще может быть вопросом? Неужели в чудовищной аномалии этого положения и этих отношений может кто-либо серьезно и по совести сомневаться? Мы не думаем. Но раз существование аномалии признано, сам собою возникает и другой вопрос каким образом прекратить эту аномалию? Как упорядочить взаимные отношения христиан и евреев и установить правильный или по крайней мере сносный *modus vivendi*? В более простой форме это значит – поставить вопрос не о какой-то эмансипации евреев от русских христиан, а об эмансипации от еврейского гнета русского населения на нашем юге и западе – о том, каким вернейшим способом обезвредить евреев? Это вопрос серьезный, мудреный, сложный, над которым и следует поработать, в интересе столько же евреев, сколько и русского народа, не увлекаясь мечтами о радикальном разрешении «еврейского вопроса вообще»: таковое едва ли и возможно, хотя в этом своем виде, как вопрос общеевропейский, мировой – и в то же время роковой, – он уже начинает сознаваться и возбуждаться в Германии. Нам пока впору остановиться на первой

его стадии, т. е. разрешить его отчасти как вопрос местный и исторический.

«Вместо того, – сказали мы еще в прошлом году (№ 48 „Руси“), – чтобы в разрешении еврейского вопроса в России бродить вокруг да около, не лучше ли, не пора ли наступить на самую его сердцевину, т. е. обратиться прежде всего к пересмотру существующих законов и перестать узаконять и ограждать бытие той чудовищной аномалии, какую представляют отношения еврейства к христианскому населению (с кагалом, бет-дином, меропией, хазакой, гахлатом, херемом)», «той исполинской могущественной стачки, разоряющей десятки миллионов русского народа, того государства в государстве, той тайной космополитически-племенной иудейской организации, которая опирается, с одной стороны, на свой политический национальный центр, на „Всемирный еврейский союз“ в Париже, с другой – на русское же правительство, на Свод законов самой Российской империи!»! Вот что говорили мы еще в прошлом году; в этом же отчасти смысле высказались на днях и «Московские ведомости». Очевидно, что до отмены действующего ныне законоположения невозможно толковать ни о допущении свободного расселения евреев по всей России (ибо это значило бы распространять на всю Россию действие кагала), ни о полной их равноправности с прочими русскими подданными (ибо это значило бы дать права русских подданных подданным чужой, т. е. тайной еврейской державы, т. е. наделить евреев

общими нам всем правами, в придачу к тем особенным важным преимуществам племенной могущественной организации, которыми они теперь пользуются, – стало быть, ставить их не в равноправное, а в привилегированное положение).

Но ошибочно было бы думать, что кагальное устройство было навязано евреям нашим законодательством. Напротив – все русские законы, благоприятствующие организации, от которой «Московские ведомости» предлагают теперь эмансипировать самих евреев, были искусным и хитрым образом внушены и подсказаны правительству не кем иным, как самими евреями... Именно отмены этих законов и опасаются евреи, страхом отмены и вызвана теперь вся эта агитация, а не только разгромом имущества и «беспорядками»! В этом легко убедиться, вникнув в смысл всех возгласов нашей иудофильской прессы (она же и «либеральная») и того негодования, которым были встречены евреями и нашими иудофилами разоблачения Брафмана.

О том, как бы обезвредить евреев для христианского народонаселения

Москва, 15 сентября 1883 г.

Когда, года полтора тому назад, произошли в России так называемые антиеврейские беспорядки, т. е. когда в Елисаветграде, Одессе, Киеве и во многих местах нашего юго-запада, в черте еврейской оседлости, народные толпы совершали разгромы еврейских жилищ и имуществ, притом большей частью без малейших корыстных побуждений; когда, одним словом, происходило то печальное и безобразное явление, которое гуманный и либеральный «Вестник Европы» – устами, правда, своего сотрудника, г. Костомарова – назвал так отвратительно грубо, но и метко: «жидотрепкой», – тогда не только в русском обществе, но и по всей Европе поднялся такой шум, свист и гам, такой визг и даже рев негодования, что бедная Россия, оглушенная, опозоренная, сконфуженная, не знала куда от стыда и деваться. Русская печать (в большинстве своих органов), не желая остаться позади европейской, напротив, усердствуя показать себя «на высоте призвания», громко, настойчиво, во имя культуры и цивилизации, требовала «энергического подавления» беспорядков и осуждала тех из местных начальников, которые несколько медлили стрелять по народу и проливать русскую кровь. В Киев, в Одессу помчались на крыльях благородства души и любви к

прогрессу, вероятно, также и на еврейский счет (а, впрочем, как знать? Быть может, даже и собственным коштом!), наиболее либеральные, наиболее прославленные, наиболее жившие наши адвокаты в качестве «гражданских истцов» для защиты еврейских интересов. В сущности же в качестве добровольных прокуроров: да не избегнет уголовной кары никто из русских крестьян и мещан, заподозренных в разгроме! В то же время в Европе везде и всюду образовывались комиссии и комитеты, собиравшие деньги в пользу пострадавших и бежавших русских евреев; гулом гудели насмешки и ругательства над Россией; сходились публичные митинги, требовавшие Россию к международному суду; делались запросы в британском парламенте с целью затеять из-за евреев новый крестовый дипломатический поход против России. Благородство либерального негодования шипело как в котле от Балтики до Адриатики, от Вислы до Атлантического океана и за оным. В нашем отечестве не щадили никого, чтобы успокоить общественное мнение Европы: секли, запирали в тюрьмы «виновников» и приняли раз навсегда твердое решение: впредь могущие возобновиться беспорядки подавлять уже без малейшей пощады, быстро и лихо, одним словом, не чиниться со своими; еврейский же упавший дух ободрить и бежавших евреев гуманно воспринять вновь в русские недра. Ушли было из четырех миллионов русского населения до 14 тыс.; о такой великой потере для нашего государства много тосковали некоторые наши газеты, но мы можем утешиться, что она

теперь восполнена, и почти без убытка, так как бежавшие и переселившиеся было на благотворительный счет в Америку и в Палестину оказались там ни к какому труду непригодными и к колонизации неспособными, а потому с радостью возвратились на свои западнорусские пажити, под благодетельный покров русского правительства... В нынешнем году возобновился было в некоторых местах, особенно в Екатеринославле, разгром еврейских имуществ, но тотчас же «энергически подавлен», причем евреев не погибло ни одного, а русских погибло от русских пуль довольно, и в том числе несколько совершенно невинных.

Но вот что замечательно. Уже второй месяц без перерыва творятся в Венгрии «антисемитские беспорядки», и не нашим чета! Пока бушевали против евреев только венгерские славяне, дело происходило, как и у нас, – хоть не красиво, но и не очень кроваво; как скоро же движение распространилось на мадьярское население, несравненно менее благодушное, чем славянское, беспорядки перешли в настоящие побоища: вооруженные крестьянские толпы не только грабят, но и бьют евреев; в свою очередь войска, являющиеся тотчас же для усмирения, бесцеремонно бьют, т. е. убивают крестьян, крестьяне – солдат: с обеих сторон раненые и убитые... Целые округа объявлены на военном положении. Зная характер мадьярского племени, мы имеем полное основание предположить, что дело в этом азиатском уголке Европы обстоит еще несравненно хуже, чем передают о нем газеты, и

совершается с некоторой обоюдной свирепостью. И однако ж никакого взрыва негодования в Европе не происходит – благородство души и любовь к прогрессу ведут себя на этот раз очень смиренно, не раздражаются приличными случаям возгласами (даже и в среде нашего либерального лагеря); митингов не скликают, в парламентах запросов не делают, и стыдиться, оскорблять австро-венгерское правительство угрозой дипломатического за евреев заступничества никому и в голову не приходит! Правда, и негодовать-то не на кого и не за что: в Венгрии – конституция, да еще самая либеральная; евреи пользуются наиполнейшей равноправностью с христианами; венгерские власти проливают кровь своих мадьяр, евреев ради, с искренним усердием, без малейшей пощады, так что австро-венгерской печати, которая почти вся в руках еврейских, даже и подстрекать правительство вовсе нет надобности. Если, однако же, нет повода негодовать, то, казалось бы, есть повод задуматься; но именно потому, что австрийская пресса почти вся (да и германская отчасти) руководима евреями, ей и невыгодно останавливать слишком долго общественное внимание на венгерских антисемитских беспорядках. Невыгодно потому, что ведь невольно напрашивается вопрос если в России причина народного гнева на евреев – по толкованию либеральных иудофилов – то ненормальное, неравноправное их положение, которое создано им русским неконституционным законодательством, то почему же в конституционной Венгрии, где они поставлены в са-

мые наилучшие законодательные условия, раздражение народа против евреев еще сильнее, чем в России, и выражается в формах несравненно более грозных? Несомненно, что постановка подобного вопроса для евреев вовсе неблагоприятна, а потому и нежелательна, тем более что настоящие венгерские антисемитские беспорядки в сильной степени умаляют значение таковых же беспорядков в России, а вместе с тем разоблачают более или менее и вздорность тех кликов и возгласов, той либеральной трескотни, которыми негодующая Европа совсем было сбила с толку русское общество и администрацию...

Должны бы умалить и разоблачить, а умалять ли и разоблачать ли действительно в глазах нашей администрации и так называемой интеллигенции – этого мы не знаем и еще не видим, да вряд ли и увидим, пока вопрос в более правильной своей форме не будет поставлен за нас, к стыду нашему, самим Западом. Английский «Times», с таким враждебным высокомерием клеймивший Россию из-за евреев года два тому назад, в нынешнем году по поводу антисемитских беспорядков в Венгрии уже рассуждает иначе и приходит к соображению, что Россия, видно, не совсем была виновата и потерпела, бедная, от Европы, может быть, даже совершенную напраслину, так как, судя по венгерским событиям, едва ли не большая часть вины падает на самих евреев... Будем надеяться, что авторитетный голос английского общественного мнения придаст некоторую смелость и свободу сужде-

ний и нашей Петербургской Комиссии по устройству евреев, предполагающей наконец, как пишут в газетах, открыть свои заседания настоящей осенью.

В ожидании, однако ж, этого открытия не бесполезно, кажется нам, рассеять предварительно некоторые предубеждения и вообще туман, напущенный «высокопоставленными» евреями и мнимолиберальной печатью на значительную часть нашей петербургской бюрократической канцелярии и прилегающих к ней высших общественных сфер. Эти предубеждения в немалой степени затемняют истинный, существенный смысл антиеврейских беспорядков в России. Можно, конечно, не без основания утешаться успешным их подавлением. Можно признавать вполне разумной и целесообразной мерой – возложение на местных губернаторов ответственности за каждый не сразу подавленный антиеврейский беспорядок. Мы и в самом деле видим, что местные власти действуют теперь несравненно решительнее и смелее. Но было бы в высшей степени опасно воображать, что никакого такого «еврейского вопроса» и не существует, что все это «вздор», «вздуто», что нужно только немножко «энергии» и все пойдет себе по-старому «обстоять благополучно»... Зная довольно близко местные условия юго-западного края (а в северо-западном они еще хуже, как это нам также в точности известно), мы убеждены, что такая «энергия», как бы она ни была теперь необходима, не только не упрощает и не улучшает, но усложняет и ухудшает настоящее по-

ложение... В том-то и горе, что восстанавливается «старое благополучие», тот status quo, в котором корень всех беспорядков. Всегда ведь успешно умирлялись военной расправой крестьянские бунты во времена крепостного права (которые некоторыми «консерваторами» выдаются у нас теперь чуть не за золотой век) – даже такие бунты, которые вызывались самой жестокой помещичьей тиранией; всегда удавалось водворять «старое» повиновение, но беспорядки, однако ж, не переставали, утихая в одном месте, возникали в другом и прекратились только тогда, когда отменилось само крепостное право. Подавление антиеврейского движения одной энергией, положим, – похвальное дело, но уж слишком злая, слишком печальная необходимость, деморализующая и усмирителей, и усмиряемых! Оно никак не способно убедить крестьян, удрученных еврейским экономическим игом, в том, что это иго – благо, дело вполне законное, так ему и быть следует; что крестьяне не правы, когда хотят от него освободиться!.. Что «самоуправство» не позволительно, это крестьяне очень хорошо понимают и всегда охотно готовы признать. Но для того чтобы они могли удержаться на этой точке зрения, необходимо им видеть и ощущать около себя присутствие деятельной правосудной власти; нужно, чтобы власть умела внушить им твердое упование на лучшее будущее, т. е. на устранение ужасной аномалии еврейского гнета. Никакого, однако ж, подобного упования крестьянам от местных начальств не подается, и потому нет ни-

чего и удивительного в том, что при непреложной вере народа в справедливость верховной власти могла создаться в его голове нелепая фикция, будто таким своим самоуправством народ не становится в противоречие с верховной волей!.. В настоящее время «энергия» местной власти выступает как бы только защитницей существующего злого порядка: в результате «энергии» – несравненно более число убитых и раненых христиан, чем поколоченных евреев, глубокое раздражение в народе, которое тем глубже, чем затаеннее, пагубное недоумение относительно образа действий правительства и еще более пагубное торжество евреев. Да в конце концов от всех наших антиеврейских беспорядков в выигрыше остались пока одни евреи. К иудаизму и власти, и общество отнеслись, как к «угнетенной невинности», и теперь эта невинность ликует и мстит, воображая себя под особым правительственным покровом. Но надобно знать, что такое еврей, торжествующий и ликующий! Пусть в этом торжестве и ликования слышатся века претерпенных еврейским племенем мук и унижений мы допустим этот реагент как обстоятельство, смягчающее вину, – но само по себе, независимо от этой исторической справки, ничего не может быть нахальнее и заносчивее еврея, как скоро он чувствует свою силу. Разумеем здесь еврея типического, принадлежащего к массе, а не тех евреев, в которых родной тип более или менее сглажен высшим европейским образованием. Нельзя ведь не заметить, что во всех новейших беспорядках зачинщиками

являлись сами евреи, т. е. поводом к ним служила какая-нибудь кулачная еврейская расправа с христианскими детьми или женщинами. И это после разгромов еврейского имущества, а по их рассказам – даже и избиений евреев в 1881–1882 годах! Очевидно, что им прибыло духа и смелости настолько, что они из трусливого бегства переходят теперь в наступление, отваживаются сами задирать своих недавних гонителей! «Ну что, взяли? Вы из нас выпустили пух, а мы из вас за то выпустили дух» – так дразнили евреи усмирённых в Екатеринославе крестьян и мещан, указывая им, с одной стороны, на пух, в таком обилии выпущенный «виновниками беспорядков» из еврейских перин, с другой – на раненых и убитых при энергическом усмирении христиан... Одной подобной еврейской остроты довольно, чтобы уничтожить всю пользу от таких способов усмирения. Самое уничтожение их имуществ евреи сумели обратить в своего рода выгодный гешефт, заранее припрятывая все многоценное и домогаясь потом вознаграждения вдесятеро против разгромленного дрянного скарба... Мы имели в свое время немало данных о том, как праздновали они (и время покажет, разумеется, что совершенно понапрасну) оставление графом Игнатьевым своего поста: на радостях побили они артель великорусских рабочих, устраивавшую шоссе в Гродненской, кажется, губернии, и чинили многие иные неистовства... «Ничего не поделаешь, – говорит теперь крестьянин, – восторжествовал еврей – сила!»... Не правы ли мы, утверждая, что

действующий способ подавления беспорядков сам по себе, без других мероприятий, только усложняет задачу и ухудшает положение дела?

В большом ходу было (может быть, в силе и теперь) другое истолкование антиеврейского на юго-западе России движения, также направленное к тому, чтобы исказить настоящий смысл печальных событий и отвлечь правительственный взор от их настоящей причины. Утверждали, что «это-де все мутят нигилисты и социалисты, это-де несомненно: в бушующей толпе были не только зипуны и сермяги, но и пальто и пиджаки!» Но странно, однако, что не обнаружено до сих пор ни одной попытки направить движение против собственности христианской или, в частности, помещичьей! Не нигилисты ли и социалисты волнуют народ даже и в Венгрии?! Если к народной самовольной расправе пристал – как это всегда водилось и водится – всякий сброд городской черни вместе с разными праздными гуляющими людьми, охотниками до всяких уличных беспорядков, так во всяком случае не они были зачинщиками и не для чего таким детским объяснением отводить глаза от правды. «Однако же, – возразят и уже возражали нам, – как же это? Столько веков народ терпел и вдруг, ни с того и с сего, да, еще так повально..?» Но не возникновению антиеврейских беспорядков в 1881 году следует удивляться, а разве народному долготерпению, до сих пор воздерживавшемуся от самовольной расправы! Понятно, впрочем, что с уничтожением крепостной

зависимости народ и на нашем юге и западной окраине повывдвинулся из прежнего забитого состояния, стал сознательнее относиться к своему положению, по крайней мере приходится в некоторое гражданское самочувствие и даже задавать себе самому вопрос: почему же доселе не уничтожается та его зависимость от евреев, которая несравненно хуже и тяжелей крепостной?..

Никакой другой причины беспорядков, кроме именно этого гнета евреев над населением, искать не следует. На том и сказывается: фальшивость нашего модного, не свободно-го духом «либерализма», что так называемая либеральная у нас печать приняла в еврейском вопросе сторону угнетателей против угнетаемых, эксплуататоров: против эксплуатируемых, «капитала» против «рабочих» – одним словом, евреев против русского народа. Мы готовы объяснить такое поведение печати только совершенным невежеством, так как нет возможности поверить ни гуманности, ни либерализму, ни любви к прогрессу, ни христианским чувствам того, кто не износит душой и сердцем при виде экономического и социального рабства, в котором находится у евреев в северо-западном и юго-западном крае русский сельский народ. Потому что настоящие хозяева и господа края – евреи: они составляют в нем, за совершенным почти недостатком местного русского купечества и вообще русского городского класса, нечто вроде среднего сословия, во всяком случае – класс, высящийся над народом...

Но если кому не привелось бывать в деревнях того края, пусть: прочтет хоть суждения и заключения по еврейскому вопросу южнорусских земств, недавно опубликованные: заметим при этом, что здесь дело идет о тех губерниях, где евреев сравнительно еще немного, так как там, где их всего больше – в трех украинских и в северо-западных губерниях, – земские учреждения еще не введены. Не отваживаясь в области теоретической отступить от общепринятой «либеральной» точки зрения, вышеупомянутые земства пользуются ею, однако, только как могучим аргументом для достижения своей практической цели, т. е. для того, чтоб как можно больше сбывать евреев из своих губерний. Рассуждения их в сущности такого рода: «Во имя-де таких-то высших начал необходимо даровать евреям право свободного расселения, и это для нас очень кстати, потому что нас они совсем одолели; перенеся же язву „за черту еврейской оседлости“, сами мы от этой язвы, наверное, несколько пооблегчимся; а что они язва – тому прилагаются доказательства». Между тем само же Херсонское губернское земство, собравшее о евреях обстоятельные статистические данные, пишет, что «в руках евреев, при незначительном их числе по отношению к общему числу жителей, очутились все главные виды торговли в Херсонской губернии». Стало быть, зло вовсе не в одной «скученности» или тесноте еврейского населения в пределах еврейской оседлости! По словам Херсонского земства, 90 % всего числа питейных и трактирных заведений, аренда целой

трети казенных земель (слишком 100 тыс. дес.), значительная поземельная собственность и т. д. принадлежат евреям, несмотря на относительно «незначительное их число». Но, арендуя землю и владея ею, земледелием сами они не занимаются, а сдают ее крестьянам – на самых тяжелых условиях; если же прикладывают свои руки к земле, то, по выражению Херсонской губернской управы, «самым хищническим образом вырубивают все древесные насаждения, выпашивают землю, имея единственной целью барыш и скорую наживу». Председатели съезда мировых судей в г. Тирасполе и г. Александрии, опираясь на 12-летнюю практику, свидетельствуют, что из числа евреев, населяющих эти уезды, только по несколько сот человек в каждом занимаются обыкновенной торговлей; остальные же тысячи, особенно же евреи, проживающие в деревнях, почти исключительно занимаются «ростовщичеством, скупом у крестьян (во время нужды) за бесценок продуктов», явной и «тайной продажей питий», «с приемом вещей и хлеба за водку, укрывательством и переводом краденого» – вообще «беспощадной эксплуатацией и развращением низшего класса христианского населения»; в этих «еврейских занятиях», т. е. беспощадной эксплуатации и развращении, видят земства Херсонской и Екатеринославской губ. и Елисаветградская дума главную причину вражды христиан к евреям.

А между тем еще недавно петербургская газета «Новости» силилась истолковать эту вражду завистью христиан к евреям.

скому трудолюбию и умению устроить свою судьбу лучше и выгоднее! Ленивое и беспечное христианское население, объясняет газета, в сознании своей личной несостоятельности последовать доброму примеру евреев и вместо того, чтобы учиться у них и подражать, предпочитает мстить им своей грубой стихийной силой... Подумаешь, что и в самом деле евреи представляют из себя какое-то благоустроенное общество, подобно, например, немецким колониям в России, поистине процветающим благодаря трудолюбию и настойчивой работе! Мы знаем, однако, из земских отчетов, что земледельческие колонии из евреев, устроенные было правительством на юге с отводом им по 20 десятин на душу превосходной земли и с дарованием многих льгот, обратились в какие-то жалкие, безобразные притоны грязи и нищеты, как и вообще еврейские кварталы и местечки в западной России... Следовать доброму примеру евреев?.. Удивительное дело! Негодовать на «кулаков», клеймить их прозвищем Разуваевых и Колупаевых стало общим местом в нашей «либеральной» и даже иудофильской литературе; она даже постоянно требует от правительства «строгих, самых строгих мер против кулачества, которые бы избавили наконец бедных сельчан от этой язвы», и в то же время принимает под защиту евреев! Ведь не решалась она до сих пор обращаться к крестьянам с советом: «последуйте примеру „кулаков“, станьте „кулаками“ и сами?» Но теперь и этот совет преподает им газета «Новости», ибо что же такое евреи, за немноги-

ми личными исключениями, как не целая огромная организация и религиозная секта «кулаков», у которой нет другой и задачи, другого и промысла в жизни, как кулачествовать в среде христианского населения? И именно потому, что их целое племя, а не одиночные явления, каковыми представляются так называемые «кулаки» из русских, – именно потому евреи, разоряя христианское население, выжимая из него последний сок, и сами не разживаются, не составляют богатого и благоустроенного общества.

Неправое стяжание – вот что вызывает гнев русского народа на евреев, а не племенная и религиозная вражда, как еще до сих пор утверждают некоторые, самоуслаждаясь сознанием своего собственного «культурного развития». В наше время не может быть и речи о религиозной средневековой нетерпимости, а уж особенно в русском народе, всегда отличавшемся и веротерпимостью, и человечностью по отношению к инородцам. Не только на западной нашей окраине, где пятивековое сожительство христиан и евреев установило в вероисповедном отношении совершенно мирный *modus vivendi* между ними, но и в остальной России, где всяких басурманов довольно, никогда от нашего народа не подвергались они никакому преследованию за веру, если только сами не посягали на оскорбление веры народной. Правда, предубеждение против евреев врожденно каждому христианину, и русскому также, но оно не настолько сильно, чтобы могло само по себе служить серьезным препятствием к

распространению и на них общих прав, присвоенных всем прочим русским подданным, какого бы племенного происхождения и какого бы вероисповедного закона они ни были. Немало обращается в русском обществе евреев, окончивших курс науки в высших учебных заведениях, имеющих разные высшие, так называемые либеральные профессии адвокатов, медиков, состоящих на службе и пользующихся полнотой гражданских прав: им трудно на что-либо пожаловаться, они ни у кого не в презрении, если только полученное ими образование выделило их из общего типа, присущего евреям как нации. Нам самим удалось встречать во время наших разъездов по России, и именно в Бессарабии (хотя уже и давно), евреев вполне честных, высоко просвещенных, чуждых всякого антихристианского фанатизма, о которых мы сохраняем самое отрадное воспоминание, но таковые составляют лишь исключение – не о них и речь. Если бы дело шло только о таковых да о «Наоанах Мудрых», тогда в разрешении еврейского вопроса не встретилось бы и никакого затруднения; но дело идет о евреях как племени или даже как «нации»: так они в своих литературных органах и сами себя называют, да они и действительно представляют из себя особый своеобразный – социальный и даже в некотором роде политический организм.

Пора иметь мужество наконец посмотреть делу прямо в глаза и при обсуждении еврейского вопроса отрешиться от всяких предвзятых теорий, по-видимому, возвышенных, гу-

манных и либеральных, которыми у нас, да и в Европе, этот вопрос еще так плотно окутан, что истинная его сущность до сих пор плохо дается уразумению. Так называемые антиеврейские беспорядки красноречиво свидетельствуют, что «гуманность» и «либерализм», с точки зрения которых обязательно было для образованного общества относиться к иудаизму, сказались на практике бесчеловечностью и тиранией для незащитного христианского населения: очевидно, что то были ложная гуманность и ложный либерализм, – ложные потому, что были совершенно чужды живого познания действительности и не принимали в соображение реальной, жизненной правды. Только на почве этой правды и может быть отыскано основание для такого истинно разумного отношения к евреям, которое, делая их безвредными для христиан, было бы действительным благом и для них самих. Поэтому плохую, бесчеловечную услугу оказывают евреям те наши «либералы» и иудофилы, которые почитают своим все-непременным долгом защищать евреев *quand tete*: отрицая их дурные свойства и действия, они тем пуще утверждают и упрочивают ту общественную аномалию, с которой никакая страна мириться не может.

Если предложить кому бы то ни было для разрешения *arbitri* вопрос в такой форме: «Вот четыре миллиона русских подданных, хотя и нерусского племени и веры: не следует ли сравнить их в гражданских правах со всеми прочими русскими подданными, в силу требований справедливости и прин-

ципа государственного единства»? На такой вопрос, хотя бы дело шло о племени еврейском, никто, конечно, не ответил бы отрицательно, а выразил бы полное свое согласие. Но уж совсем иной получится ответ, если поставим вопрос ближе к делу, ну хоть так, например: следует ли предоставлять полноту гражданских прав... Шекспирову венецианскому еврею Шайлоку? Никто, конечно, полноправности для Шайлока не пожелает. Но ведь Шайлок – изверг, явление исключительное, возразят нам; такой пример и приводить неприлично. Мы и привели его только для того, чтобы резче выяснить нашу мысль; но заметим при том, что Шайлок – явление вовсе уже не такое исключительное или случайное, а, несомненно, национально-еврейский тип, только воспроизведенный в крайнем своем выражении. Представим теперь себе целое племя, хотя бы и с некоторыми изъятиями, шайлоков в миниатюре, даже сравнительно микроскопических, но все же шайлоков; если это именование не нравится, назовем их по народному «пиявицами» или, по литературному, хоть только «эксплуататорами», «кулаками», «развратителями» (как выражается Херсонское земство) и опять поставим вопрос: справедливо ли и удобно ли эксплуататорам и развратителям низшего класса русского населения, притом же иноплеменным, предоставлять полноту гражданских прав, т. е. еще большие средства для эксплуатации и развращения? На такой вопрос и самый отчаянный российский «либерал» ответит, без сомнения, отрицательно.

Не подлежит никакому сомнению, что в составе имеющейся открытой Петербургской Комиссии будут находиться люди знакомые не понаслышке, а лицом к лицу, с настоящим положением еврейского дела в нашем юго-западном и северо-западном крае. Можно поэтому быть уверенным, что комиссия будет первее всего и пуще всего иметь в виду благо русского народа и что еврейский вопрос из области отвлеченной теории будет низведен ею на практическую почву, т. е. предстанет пред ней на первых же порах в такой форме: «Каким образом освободить низший класс христианского населения в черте еврейской оседлости от экономического и социального гнета евреев?» Решаться же этот практический вопрос должен опять в силу практических, а не отвлеченных соображений. Решение, как известно, имеется у всех наших теоретиков наготове, давно подсказывается и Европой. Оно заключается в уничтожении самой «черты оседлости», т. е. в предоставлении евреям права свободного расселения по всей России, на том основании, что вред от евреев происходит-де главным образом от их «скученности» и что эта-де мера будет способствовать убавлению их числа в местах их настоящего жительства. Но Комиссия, по всей вероятности, не упустит заняться рассмотрением и следующих вопросов: точно ли в скученности заключается корень всего зла и можно ли назвать скученностью расселение четырех миллионов на пространстве 25 губерний империи (включая сюда и царство Польское)? Точно ли в большом разме-

ре убудет евреев из западной окраины России при свободе передвижения? (Мы в этом сомневаемся: слишком уж там им привольно при отсутствии туземного торгового класса.) Наконец, не следует ли при переселении евреев в глубь России, за черту их настоящей оседлости, отнестись к этому обстоятельству с точки зрения покровительственного тарифа? Если к таковому тарифу прибегают с тем, чтобы, ограждая от посторонней конкуренции, вызвать к жизни, поставить на ноги и развить у себя дома известную отрасль промышленности, то не применима ли та же система к насаждению ремесел и промыслов, к образованию торгового класса с правильными приемами торговли среди неразвитого еще народа, в той или другой еще глухой местности, еще не довольно пробудившейся к жизни? Наплыв иноплеменников-эксплуататоров в такую местность может ведь на веки или по крайней мере на долгий срок подсесть подъем и развитие местных производительных народных сил, как это и случилось в западной России благодаря польским королям, напустившим в нее еврейство. Очевидно, что с «расселением» следует во всяком случае поступать осторожно.

Но главный, существенный ответ на вопрос о пользе еврейского свободного расселения по России и вообще еврейской гражданской полноправности должна комиссия поискать в практическом примере самой Европы. Какой вообще практический результат дает там устранение всяких законодательных различий между евреями и неевреями?.. На

этот вопрос Венгрия отвечает кровавыми антисемитскими беспорядками; высокопросвещенная, «культурная» и «цивилизованная» Германия – «антисемитской лигой»; республиканская Швейцария ответила на днях (см. «Новое время» 1 сент.) постановлением митинга в Цюрихском кантоне об образовании ассоциации для борьбы с евреями, обвиняемыми «в порабощении и разорении крестьян посредством ростовщичества» и в том, что, несмотря на признанную за ними гражданскую равноправность, они «продолжают составлять совершенно особую расу и держат себя вдали от всех национальных интересов». Наконец, Англия устами «Times'a» дала на днях следующий замечательный ответ. «Чем ближе евреи, – говорит газета, – в том виде, как они есть, будут поставлены к коренному населению, тем сильнее будет против них всеобщая ненависть»... «Мы все слышали розовые предсказания об исчезновении этих вещей (т. е. вражды и ненависти) под влиянием сближения и знакомства. Растущая ненависть, с которой к евреям относятся в большей части Европы, может, однако, заставить призадуматься наших теоретиков. Действительно, общение устраняет национальные предрассудки, но только тогда, когда различия настолько малы, что способны через общение уничтожиться. Если же различия остаются, то более тесное общение вызовет, вероятно, более интенсивную ненависть»...

Этими словами подтверждается отчасти и наша основная мысль. Прежде предоставления евреям гражданской полно-

правности необходимо подумать о том: как бы их обезвредить, как бы, для блага самих евреев, изменить их настоящий национальный, более или менее шайлоковский тип. Для решения же этого капитального вопроса необходимо исследовать: в чем именно коренится этот тип, чем он поддерживается... По нашему мнению, кроме разных общих исторических причин, поддерживается он в настоящее время более всего Талмудом и кагалом, а также поблажкой современного лживого гуманизма и либерализма, который, вместо того чтобы помочь несчастным евреям перестать быть тем, «чем они есть», вредными себе и другим, изо всех сил старается доказать, что евреи именно хороши, как они есть и никакого от них вреда никогда не существовало и не существует... Но об этом до другого раза...

Обезвредятся ли евреи, преобразовавшись в культурный слой?

Москва, 1 октября 1883 г.

Мы сказали в последний раз, что вся сущность мудреного и многосложного еврейского вопроса сводится к практическому вопросу: обезвредить евреев, для чего необходимо исследовать свойства, корень и причины их вредоносности. Евреям и их защитникам такая постановка вопроса покажется, по всей вероятности, неделикатной, как потому, что она подразумевает еврейскую вредоносность фактом общепризнанным и несомненным, так и потому, что подводит под это определение или, пожалуй, обвинение – целую «нацию». Что касается до деликатности вообще, то едва ли можно признать уместной такую деликатность, которая является в сущности превеликой грубостью и даже жестокостью относительно низшего русского населения, т. е. относительно народа – хозяина страны, давшей евреям убежище. Обстоятельства настоящей поры настолько серьезны, что требуют не либеральной галантерейности, столько же пагубной для христиан, сколько и для евреев, – а правды, одной лишь правды, конечно, самой бесстрашной, потому что она одна и может послужить ко благу не христианам только, но и в

особенности самим евреям: еврейский вред вредит наиболее еврейскому же племени. А что этот вред – факт общепризнанный, доказывается тем, что он служит точкой отправления (хотя бы иногда из фальшивой деликатности и маскированной) при всяком обсуждении еврейского вопроса, при всяком законодательном его разрешении. Самое уравнение евреев в правах с коренными подданными государства предлагается защитниками иудаизма большей частью как средство обезвреживающее; при этом обыкновенно указывается на Францию, Англию, Италию именно как на назидательный пример, что благодаря равноправности евреи этих государств перестали будто бы быть вредными или что вред от них теперь не слишком уж сильно чувствителен. Так или иначе, в положительном или отрицательном смысле, но, к прискорбию, несомненно, что понятие о вреде неразлучно с понятием о евреях. Не иначе как в смысле положительного утверждения можно разумеать антиеврейские беспорядки в Венгрии, антисемитическую лигу в самой Германии, меры, принимаемые против евреев в Швейцарии. Что же касается России, то после официальных свидетельств, приведенных в передовой статье прошлого N (см. предыдущую статью), кажется, об еврейском вреде не должно бы быть и спора; едва ли достало бы духа самому смелому из русских самопатентованных «гуманистов» выразиться, например, про Западную Россию таким образом; «Благословенный край, обилующий евреями! Всюду являешь ты признаки здорового роста бла-

годаря этому полезному, трудолюбивому племени, истинному благодетелю русского народа, так что при виде еврея (а он попадается на каждом шагу) сердце исполняется признательностью!» Не достанет? Так незачем и лицемерить!

«Не отступая ни на шаг от истины, мы не умалчиваем о том, что в низших слоях еврейской нации только что начала исчезать ненависть к населению, среди которого они бедствуют... Зная хорошо свою нацию, мы убеждены, что единственный путь к слиянию евреев с коренным народом – это рассеять, разметать их по всему пространству нашей обширной родины. Чем больше они исчезнут в массе других племен, тем скорее проникнет к ним цивилизация, тем легче и теснее будет сближение с христианами. Там, где евреи наиболее стиснуты и скучены в одну сплошную массу, там замкнутость, мракобесие и фанатизм представляют самое печальное, но социально законное и неизбежное зрелище. Распоржение тесного круга даст им возможность двинуться вперед» и проч. Вот что имели благородное мужество написать нам и даже напечатать у нас в «Дне» (1862 г. № 32) за своей подписью два еврея – врачи Леон Зеленский в Полтаве и Вениамин Португалю (известный теперь под именем Португалова) в Пирятине. Правда, они являются здесь ходатаями за свободное еврейское расселение, но мы привели эти строки не ради их выводов в пользу такой законодательной меры, а ради свидетельства, искренности которого никто заподозрить не может, о том – что такое евреи в Западной Рос-

сии. Аргумент же их против скученности – общее место, не выдерживающее никакой критики. Кто же велит евреям скучиваться, например в Галиции, в Венгрии, где «расторжение тесного круга» произошло давно, где им вольно «расселяться и разметаться» по всему пространству Австро-Венгерской империи? Кто же заставил 14 тыс. евреев, бежавших со страху из России после первых антиеврейских беспорядков, вновь в нее возвращаться, в самые те места, где они, по словам вышеназванных двух врачей, «бедствовали», где население поступило с ними так грубо и где ведь не осталось у них никакого имущества? Тоска по родине, что ли? Да ведь они на этой русской родине даже и русским языком не говорят, а употребляют особый немецкий жаргон, который сближает их гораздо теснее с Германией, чем с Россией? Почему же они не остались в Америке или Палестине? Мир велик и без нашего отечества, есть, слава Богу, где рассеяться и разметаться.

Мы убеждены, что как ни «расторгай круг» – евреи из нашего юга и запада не двинутся, т. е. громадное большинство их останется тут же, хотя, конечно, немалая доля их распространится и по другим краям России: набегут и из Австрии, и из Германии! Дело в том, что евреев именно тянет туда, где удобна почва для эксплуатации, где низшее народонаселение простодушно, бедно, лениво, невежественно, легко поддается обману и так смиренно, что способно с долгим-предолгим терпением нести чужое иго. Таково народонаселе-

ние в Западной России, таково оно и во многих местах России. К нам доносятся жалобы на евреев даже из Сибири, даже из Владивостока, даже с Сахалина, где, конечно, никакой «еврейской скученности» не имеется, но где «неразвитость» местных жителей попала в тиски какой-нибудь сотни ловких евреев, даже и того менее. Можно, пожалуй, осуждать вместе с некоторыми нашими «либеральными» и иудофильскими газетами эту неразвитость, эту нравственную дряблость, эту духовную лень низшего народонаселения, которая не умеет иначе противодействовать еврею как кулаком; можно, пожалуй, признавать разумными советы, предлагаемые галицко-русской газетой «Дело», схожие отчасти с мерами, уже принимаемыми в Цюрихском кантоне в Швейцарии, – т. е. учреждение товариществ и союзов в среде крестьян для взаимной помощи, минуя евреев; дешевого кредита, который дал бы возможность оберечь народ от еврейского ростовщичества, – взаимного обязательства: не поступать к евреям в работники, не поручать им подрядов и т. д., – но в конце концов какой же смысл всех этих упреков и этих мер? Упрекают население за неумение защищаться от пронырства и кулачества... кого? Евреев! Измышляют меры для борьбы, положим мирной, рационально, но с кем? С евреями, т. е. с вредом, евреями наносимым. Как ни отворачивайся от вывода, но он налицо, во всей своей беспощадной, грубой логической последовательности: понятие о евреях везде, повсеместно, в сознании всех и каждого неразрывно с понятием

о вреде. Вывод поистине печальный и тем более заслуживающий серьезного, бесстрастного внимания просвещенных, передовых людей еврейского происхождения.

«Не слишком ли, однако ж, жестоко, – может быть, заметят нам, – подвергать такому огульному обвинению целую нацию? Семья не без уroda, злых людей довольно во всякой стране, – справедливо ли за отдельные лица подвергать ответственности весь народ?» В том-то и дело, что здесь понятия о жестокости и о справедливости требуют совершенно обратного отношения, именно: было бы поистине жестоко обвинять огульно целую еврейскую нацию – не допуская возможности исключений; было бы несправедливо подвергать ответственности каждое отдельное лицо, каждого отдельного еврея – за грех целого народа. Вред, о котором мы говорили выше, не составляет неизбежную личную принадлежность каждого человека еврейской расы; в этом вреде еврей виноват не столько индивидуально, сколько именно как член нации или сын своего народа: одним словом, вредоносность еврейская – свойство национальное, свойство евреев как нации, и во сколько еврей, благодаря личной силе духа или высшей культуре, выделяется из своего народа, освобождается из-под власти национально-религиозного своего законодательства или национальных предрассудков, настолько умалывается и его вредоносность. Мы имели счастье знать, знаем и теперь несколько евреев, по своим личным свойствам вовсе не вредных, честных, хороших людей, но

они-то, к несчастью, и принадлежат к категории уродов в семье, или исключений. Этими исключениями только сильнее подтверждается общее положение о вреде евреев как народа или как нации («нацией» любят они себя называть и сами; да оно так и есть).

Казалось бы, отсюда прямой вывод следующий: если то общепризнанное свойство еврейское, которое ставит христианское население в такое враждебное к ним отношение, — если именно вред, с понятием о котором отождествляется понятие о евреях, не составляет такой непременной принадлежности каждого еврея, как, например, черная кожа у негра, а является принадлежностью евреев только как нации, то для блага христиан, среди которых такая нация поселилась, равно и для блага самих евреев, следует желать, чтоб это их единство было нарушено, т. е. чтоб они отрешились от своего национального типа и перестали составлять из себя особую нацию, которая неминуемо, роковым образом, обречена самой судьбой на «вредоносность». В этом смысле и надо понимать слова, выше нами приведенные, двух еврейских врачей, именно, что «чем больше евреи, рассеявшись, разметавшись по всему пространству России, исчезнут в массе других племен, тем скорее проникнет к ним цивилизация, тем легче и теснее будет сближение с христианами».

Но так рассуждают только передовые евреи и даже совершенно выделившиеся из еврейского общества. Обольщаться надеждой на легкость расторжения еврейского национально-

го союза и исчезновения его в массе племен было бы самой грубой ошибкой. Конечно, в настоящую пору евреи, проходя через гимназии и университеты, удостоиваясь ученых степеней и вращаясь в высшем, образованном христианском обществе, притом же обеспеченные какими-либо «либеральными профессиями», по-видимому, совершенно свободны от своих национальных религиозно-законодательных предубеждений и не представляют из себя какого-то отдельного народного союза. Да, по-видимому, и даже, пожалуй, не по-видимому, а действительно так, но только теперь, пока таких «ученых» евреев еще немного. То ли же самое будет, когда таковых евреев образуется масса. Вот в чем вопрос, и очень серьезный и важный. Пример Германии и Австрии, где уже огромное число евреев приобщилось к высшему европейскому образованию, орудует прессой, налагает свою печать на литературу, – этот пример дает пока на поставленный нами вопрос ответ несколько не утешительный. Напротив, возникновение антисемитической лиги, к которой принадлежат не какие-либо изуверы, невежды, а люди высокого просвещения и высоких нравственных достоинств, которых никто, конечно, в средневековой религиозной нетерпимости не заподозрит, – возникновение таковой лиги свидетельствует об опасности, которую начинает чувствовать германское общество от вторжения в его среду еврейского национального элемента. Борьба с евреями, которая в России, в Венгрии и еще во многих местах Европы происходит между низши-

ми классами христианского населения и ближайшим к нему населением еврейским, как борьба исключительно экономическая и притом грубая, материальная, – в Германии перенесена в сверхнародные общественные слои и организовалась теперь не на экономическом только поле, а и в других высших областях существования, так сказать, в самом нутре цивилизации, между цивилизованными христианами и цивилизованными евреями. Стало быть, с умножением числа последних они, евреи, не исчезают более в общем составе христианского общества, как это происходило сначала, когда цивилизация была еще уделом очень немногих евреев, доставалась им порознь, – как это происходит пока и у нас. Цивилизованные евреи в Германии уже образуют теперь довольно плотную солидарность, слагаются снова в еврейскую «нацию», от принадлежности к которой, по-видимому, отрешились или, походячему мнению, должны были отрешиться – через приобщение к европейскому «прогрессу». Вернее сказать: они преобразовываются в культурный слой еврейской нации, ядро которой или основной слой – хранилище еврейской вредоносной национальности – еврейские массы, миллионы евреев, угнетающие низшие классы населения в христианских странах, преимущественно в восточной половине Европы. Поэтому и «вред» еврейский, – доселе, и у нас в России по преимуществу проявляющийся в грубой эксплуатации, в высасывании соков из сельского и мелкого городского населения, – в Германии и Австрии должен принять

и уже принимает иную форму – вреда культурного, т. е. начала отрицательного, деморализующего, разъедающего христианское общество, враждебного существенным духовным основам христианской цивилизации. Последствия этого вреда, как и вообще значение иудаизма в духовно-культурном развитии европейского Запада, теперь еще не вполне ясны для сознания, но, несомненно, обнаружатся в будущем: христианский идеализм немыслим при усилении в обществе духовных начал, сокрытых в современном иудаизме, который, отвергнув Христа, обратился в своего рода религиозный материализм.

Нам в России эта сторона еврейского вреда еще мало известна, но ее можно уже и теперь наблюдать из Германии и Австрии. Если, однако же, нам еще не грозит опасность от культурных евреев, все же не мешает нам и теперь принять ее в соображение, тем более что еще издавна в числе обезвреживающих средств на первом плане числится у нас «распространение между евреями образования посредством разных поощрительных мер». Нет никакой надобности усиливать это поощрение. И без того на нашем юге и западе учащиеся евреи до такой степени переполняют наши государственные средние учебные заведения, содержимые на деньги русского народа, что коренным жителям, детям этого народа, хозяевам страны, приходится сплошь да рядом отказывать в образовании за неимением вакансий. Ну разве это не странный порядок вещей? Народ эксплуатируемый, удручаемый

экономически и социально евреями, осуждается пребывать в невежестве для того, чтобы евреи же, на его же счет, могли получать образование!.. Не говоря о природных способностях даровитого еврейского племени, евреи вообще сильно преуспевают в школе (и даже сильнее, чем их русские товарищи) уже потому, что видят в ней средство не только для получения полноправности, но главным образом для приобретения выгодных «либеральных профессий». Они все более и более наполняют наши университеты. Наука – дело прекрасное, но все мы знаем, как поставлена «наука» в Русском государстве. «Наука» у нас – это значит диплом, это значит мундир со шпагой и треуголкой, это значит 12-й или 10-й класс по табели о рангах; «наука» производит в чиновники и «господа». Мы не видим особенной пользы для государства плодить искусственными мерами над русским народом чиновников и господ из иноплеменников и иноверцев вообще, а тем менее из евреев, чуждых всему христианскому содержанию народного духа... Если бы, однако, высшее образование даже действительно способствовало теперь обезвреживанию евреев, нельзя же все четыре миллиона еврейской нации, обитающие в пределах Российской империи, прогнать через университет, ни даже через гимназию... Стало быть, нужно поискать иное, более действительное средство, и для этого – глубже проникнуть в значение еврейского вреда как национальной особенности.

Во всяком государстве, а в России более чем в каком-ли-

бо ином, живут инородцы, которые в то же время и иноверцы и иноязычники, и живут иногда даже целыми племенами. (Мы разумеем здесь не какие-либо области, завоеванные или иначе приставленные извне к государственной меже, а племена внутри государства). Но так как это племенное отличие не настолько резко и внутренне сильно, чтоб иметь притязание или возможность нарушить права господствующего племени, вековыми усилиями и духом которого созиждено государство, или ослабить общее государственное единство, то сожителство этих племен с хозяином-народом и происходит почти всегда совершенно мирно, даже при сохранении за этими племенами свободы их вероисповедания и некоторой бытовой автономии. Это племена туземные, живущие на своей старинной территории и не составляющие сами по себе какой-либо нации. Эту высшую государственную форму народного бытия обретают они себе в готовой форме общего для всей страны государственного строя, созданного господствующим народом. Не то евреи. Кроме племенного физиологического единства, сохранившегося у них в бесприемной чистоте, в них постоянно живет и усиленно ими поддерживается предание о былом национальном государственном бытии. Хотя они рассеяны по всей вселенной, но каждый из них сознает себя частью одного национального целого; каждый и все вместе упорно чают восстановления Израиля как нации, как государства (да притом еще с державством над всеми народами). Евреи – это государство, хотя

и без государственной организации, рассыпавшееся по лицу всего мира; это – нация, но только лишенная государственной формы, лишенная своей территории, даже своего родного языка (древний еврейский язык большей частью достояние ученых), притом разметавшаяся по чужим краям, по чужим государствам и народам, но тем не менее проникнутая национальным самосознанием, сохраняющая единство исторических национальных воспоминаний и чаяний. Почему же это так, на чем же зиждется их национальность при отсутствии всех внешних условий национального бытия? На религии. Евреям должно быть особенно забавно слышать новейшие рассуждения европейских «прогрессистов», что религия есть де вещь чисто субъективная, до которой никому другому нет дела и которая на общественное бытие не должна сметь оказывать никакого воздействия, – забавно потому, что в ней, в религии, находится для них вся причина их бытия как народа. Но религия у них это не высший нравственный идеал, к осуществлению которого в жизни призвано стремиться человечество, духовно совершенствуясь и перерождаясь. Их религия в то же время и положительный, внешний, государственный закон еврейского народа. Как народу, дано было Израилю и первоначальное обетование свыше. Все это, конечно, известно каждому из так называемой Священной истории, но то, что мы называем «Священной историей», есть для евреев история национальная и, так сказать, религиозно-политическая. Божие обетование исполни-

лось: из недр еврейского народа явился «сын Давидов» – Спаситель мира. Но, утратив истинное разумение обетования, они, за исключением некоторых избранных, продолжали ожидать исполнения обетования в смысле самом ограниченном, внешнем и грубом, в образе религиозно-политического еврейского миродержавства. Не признав Христа, они закаменели в своем религиозном и национальном сознании на последнем моменте своей истории, когда религиозное ее содержание исчерпалось, завершилось исполнением обетования, из национального стало общечеловеческим, вселенским и внешний закон перевысился законом внутренней о Христе свободы: евреи же остались при вещественной форме, при мертвящей букве, отвергнув духа животворящего. Таким образом, все дальнейшее их существование в течение почти двух тысяч лет обуславливается отрицанием последующего исторического момента, или точнее – отрицанием Христа, и представляется евреям лишь временным перерывом их национальной истории, обязывающим их сохранять неуклонную верность своей исторической национальной основе, своему религиозно-национальному законодательству, своим религиозно-национальным и политическим чаяниям. Вот почему антагонизм христианству составляет для них нравственный долг, призвание в мире, *raison d'être*, без которого еврейская национальность для них – бессмыслица. Вот почему евреи везде, где они ни живут в своем рассеянии, являются даже не гостями, а только пришельцами. Характером

пришельчества запечатлен и их образ жизни, и их деятельность. Понятно поэтому, как заметил ученый немец Паулус в своей прекрасной книге об евреях, писанной еще в 30-х годах, что они не становятся нигде землепашцами, не дорожат поземельной собственностью, избегают занятий, с которыми соединяется идея прочной оседлости, следовательно, и прочной привязанности к месту своего жительства; что они не вступают искренно и решительно в общий государственный и национальный союз с коренными жителями земли, где временно приютились, а избирают по преимуществу то занятие, которое не обязывает их пускать глубоких корней в почву и не противоречит понятию временности: именно торговое посредничество, факторство, ремесла, барышничество и разные операции, которые легко и быстро дают деньги. Деньги для пришельца вообще – самая подручная сила, для евреев же деньги – национальное вооружение и залог власти; вот почему они так и стремятся к наживе. Может ли такой пришелец дорожить интересами страны, в которую пришел?

Полагаем, мы довольно убедительно доказали, почему вред, производимый евреями, присущ им не как личное свойство каждого из них в отдельности, происходящее из личной испорченности, а как национальная особенность, имеющая историческое происхождение, основанная на религиозно-национальном их самосознании. Этого большей частью не понимает наш невежественный псевдолиберализм или гуманизм, почему между адептами последнего и еврея-

ми возникают постоянные, подчас даже забавные недоразумения. «Уничтожить всякое законодательное различие между евреями и христианами, да рухнет все, что разделяет их и мешает тесному, сердечному братскому слитию воедино!» – так восклицают «прогрессисты», защитники иудеев. Последние очень рады приобрести равноправность с христианами, но о братском сближении и тем менее «слитии» нисколько не помышляют и вовсе его не желают. Недавно «Вестник Европы» выступил с речью: как было бы хорошо допущением свободных брачных союзов с инородцами (читай: евреями) содействовать «слитию последних с православным господствующим населением России». (Он даже прибавляет, что это могло бы «улучшить наш народный тип» на основании закона о перекрещивании рас). Но еврейская газета «Русский еврей» с нахальной откровенностью, характеризующей русскую еврейскую прессу (очевидно, что она уже начинает сознавать себя силой), прямо заявляет, что «евреи таковых браков не желают», что для них это «вопрос национального существования», так как браки привели бы к «исчезновению их национальной особи», и они нисколько не расположены «наложить на себя руку»... Вот вам и «слитие»!.. Но, не желая слития с господствующим населением страны, упорно сохраняя себя в отдельности, в положении особой национальности, они тем не менее, повторяем, требуют себе полного уравнивания с ним в правах и даже не признают за ним прав преимущественных, как – хозя-

ина. Когда мы однажды, во время оно, допуская в принципе необходимость дать евреям свободу религиозной, внутренней и гражданской жизни, заметили при этом, однако, что хозяева земли (русский народ) могут принять и уважить гостей, даже и непрошенных, но не могут быть обязаны сажать их на свое хозяйское место и давать власть хозяйскую тем, которые не способны сочувствовать сохранению хозяйского порядка, в хозяйском духе и смысле, – евреям такое сохранение за русским народом господствующего значения не понравилось. Такое различие вовсе не уместно, отвечали они. «Как разобрать тут (в России-то!), где хозяева, где гости?!» – возразил нам орган просвещенных евреев «Сион». Если, пояснял он, хозяева те, которые многочисленнее и сильнее, так ведь это грубое право сильного; если те, которые прежде поселились, так еврей-де поселились тут раньше славян! «Так или иначе, – продолжает „Сион“, – но судьба определила нам жить не особняком, а сообща с вами, с другими народами, и так как политические общества существуют ради благосостояния всех и каждого, то от евреев можно лишь требовать, чтоб они взяли на себя соответствующую часть общих трудов на общее дело, с предоставлением им, разумеется, и соответствующей части в заведывании этим общим делом». Другими словами, евреи отрицают права тех, чьим трудом и духом сложилось государство, не хотят и знать, почему Россия – Россия, а не какое-то безличное и безразличное сочленение, почему Англия – Англия, Франция – Фран-

ция, и т. д. То есть, ревнуя о сохранении своей национальности паче всего, не признают прав национальности того народа, среди которого явились пришлецами, и требуют себе, как и отвечал им «День», не только прав человеческих и общегражданских, но и полноты прав политических!.. И добро бы еврейская национальность вся целиком вмещалась в пределы данного государства; но она расплескалась по всему миру; стало быть, она предъявляет право на соучастие в управлении в каждой стране, где она благоволила водвориться. Другими словами, евреи требуют для себя уравнивания в правах с господствующим населением – без уравнивания в обязанностях, ибо исполнение обязанностей заключается не только в отправлении повинностей (евреи же и повинности отправляют систематически дурно, а от воинской всеми мерами уклоняются), но и в искреннем охранении политического и нравственного строя господствующей народности, т. е. того, что составляет историческую индивидуальность страны... Особенность евреев заключается именно в космополитической форме их исключительной национальности, а между тем именно теперь пущено в ход странное предположение, будто еврейская национальность способна стать повсюду и местной национальностью! Хотят уверить, что евреи, оставаясь членами единой нации, которой бытие и призвание обуславливается отрицанием христианства, должны в то же время признаваться всюду в христианских странах, в каждой отдельно, «патриотами своего отечества!...»

Прежде у этой единой и в то же время космополитической нации не было единого внешнего центра, около которого она могла бы теснее сплотиться, – но в последние два десятка лет, одновременно с распространением фикции о еврейских местных патриотизмах, возник и по крайней мере слагается, укрепляясь год от году сильнее, и этот центр, не только с административным, но и политическим значением, Мы разумеем «Всемирный Израильский Союз (Alliance Israelite Universelle)» в Париже с его эмблемой, изображающей земной шар, над которым возносятся Моисеевы скрижали (не христианский крест!) и с его девизом: «все израильтяне солидарны между собою (tous les Israelites sont solidaires les uns et des autres)»... Как эта солидарность вяжется с местным патриотизмом и «с правом иметь часть в управлении странною»? «Всемирный Союз» является как бы верховным еврейским правительством и – благодаря смертной охоте многих европейских государственных мужей прослыть людьми «прогресса», свободными от предрассудков, а может быть, и благодаря иудейскому могуществу – чуть не признается в этом качестве самими правительствами. Поставив себе задачей защиту еврейских интересов везде и всюду, он посылает своих уполномоченных к державам, где эти интересы почему-либо утеснены, требуя объяснений и покровительства своим единоверцам то от султана, то от румынских, или сербских, или испанских властей, то от русского министра внутренних дел, генерала Тимашева. «Союз» зорко сле-

дит за всем, что происходит в мире, и в своем «Центральном Комитете» постановляет решение: как действовать, какое направление дать общеврейской национальной политике при таких-то новых обстоятельствах. Нельзя сказать, чтоб все это совершилось очень секретно: Центральный Комитет издает бюллетени, которые при краткости своей довольно красноречивы; но некоторые распоряжения не вносятся даже и в бюллетени. С 1873 г. Центральный Комитет обратил особенное внимание на наше отечество, где проживает большинство еврейского народа, и успел учредить в пограничных с Россией областях, в сорока пунктах от Мемеля до Брод, до сорока местных комитетов (список пунктов доставлен нам частным образом из Парижа – в бюллетенях о них ни слова). Эти пункты образуют два пояса – левый, с главной квартирой в Кенигсберге, под управлением д-ра Бамбергера; правый, с главной квартирой в Лигнице, под управлением д-ра раввина Зандеберга; оба управляющие – члены Центрального Парижского Комитета... Главным образом облегают эти 40 еврейских комитетов царство Польское и северо-западную нашу границу... Впрочем, о характере деятельности «Израильского Всемирного Союза» были сообщены в высшей степени интересные данные, все еще тщетно ожидающие внимания людей серьезных, в «Руси» 1882 года...

Но учреждение «Израильского Всемирного Союза» очень недавнее. Почти двухтысячелетним сохранением своей исключительной национальности, не только в течение долгих

веков гонения, но и в новейшие века соблазнов европейской культуры и цивилизации, обязаны евреи прежде всего Талмуду, в котором вся ограниченность фарисейского мировоззрения с его грубым поклонением букв и форм, весь «квас фарисейский», противоположный по самой сущности духа учению Христову, нашел себе, в своем дальнейшем развитии, полное выражение. Хотя «Всемирный Союз» поместил в своей эмблеме Моисеевы скрижали или десять синайских заповедей, но дело вовсе не в этих заповедях, принятых и христианством и лишь превзойденных им, а дело в еврейском религиозно-национальном законодательстве, комментированном и продолженном Талмудом. Справедливее было бы поставить в эмблему Талмуд: им определяется общий современный национальный тип еврея с присущей ему вредоносностью. К последователям Моисея и его скрижалей принадлежат и евреи-караимы, но они отвергают Талмуд, – и ни к ним не имеет христианское население, ни сами они не питают к нему никакой ненависти. Вредоносны собственно талмудисты: они-то отождествили с талмудическим мировоззрением свое религиозно-национальное самосознание; на Талмуде зиждется еврейская отчужденность от презираемого ими внутренне христианского населения; Талмудом внушается эта деятельная, хотя бы большею частью и маскированная, к христианам враждебность. Без отречения от Талмуда и талмудизма и без искреннего возвращения к тем скрижалям, которыми прикрывается «Израильский Союз»,

нет разрешения еврейскому вопросу, утруждающему теперь умы во всем мире.

Но наша статья и без того длинна: о Талмуде мы успеем еще поговорить пространнее в другой раз, а теперь только приведем образец остроумных соображений наших дешевых доморощенных «прогрессистов». В журнале «Дело», в статье «Свобода совести в Венгрии», какой-то г. Жика говорит, и совершенно верно (конечно, с чужих слов), что Талмуд, заверченный в первых годах VI века, «был почти немедленно вслед затем принят почти всем Израилем; в настоящее время его отвергает только одна немногочисленная секта каримов, признающая одни книги Моисеевы. Начиная с VI столетия Талмуд сделался для еврейского народа, для его ученых и властей, священной книгою, изучаемою и читаемою всеми почти наравне с Библией». А через несколько строк, по поводу известных негуманных выражений Талмуда о христианах, тот же автор, желая всячески ослабить их значение, уже от собственного ума утверждает, что Талмуд представляет для евреев не более значения, как, например, для христиан книжка «Подражание Христу»... Да разве сочинение Фомы Кемпинского есть «священная книга для всего народа, книга, изучаемая наравне с Библией»? Разве христианский мир делится и различается смотря по тому, принимает ли кто или отвергает «Подражание Христу»? Но всего забавнее, что редактор «С.-Петербургских Ведомостей» (оба друга стоят) пришел от логики г. Жики в восторг и внуши-

тельно возвещает своим читателям, что «он с удовольствием прочитал статью „Свобода совести в Венгрии“»: автор поднял «честный и независимый голос» и т. д. и т. д. Может быть, и читатели обоих изданий также восчувствовали удовольствие!..

О Талмуде

Москва, 15 октября 7883 г.

Несколько слов, сказанных газетою «Русский еврей» (в NN 37 и 38) по поводу наших статей о евреях, свидетельствуют лишь о той роковой ограниченности мировоззрения, на которую сами себя осудили евреи, отвергнув восполнение Ветхого Завета новым, и о неспособности их возвыситься, при сохранении своей национально-религиозной основы, даже до отвлеченного уразумения еврейского вопроса по его существу. Все те же слезливые или гневные жалобы на оклеветание еврейской невинности, все те же уверения в великодушии, бескорыстии и честности еврейского населения, все те же голословные отрицания несомненных, ведомых всем и бьющих в глаза фактов. Этого приема, впрочем, придерживаются не одни иудеи, но и те из наших публицистов, которые из гуманизма или по другим побуждениям готовы были бы как светлый праздник приветствовать тот день, когда бы на всех местах мировых судей и посредников нашего южного и западного края воссели иудеи судить и рядить христианское население! Такой способ защиты, однако же, никого серьезно не убеждает и не только никому не пользует, но еще пуще вредит и евреям и христианам. Если ему и удастся иногда сбить с толку общественное мнение и убаюкать встревожившуюся было мысль людей, состоящих во власти, то

евреи же первые не замедлят нарушить сызнова общественное и административное самообольщение. И именно потому, что сами-то евреи нисколько не изменяются, да и не видят никакой надобности меняться, рассчитывая на силу своих капиталов, на защиту своих покровителей в администрации и прессе, на неизменную возможность всегда, во всякое время, с немалою для себя выгодой эксплуатировать либеральные наклонности русского общества. И опять повторится все то же! Опять взрыв грубой силы, вторгшейся в status quo еврейского вопроса, – эта ultima ratio, остающаяся бедному христианскому населению, – опровергнет внезапно маниловские мечты наших бюрократов и публицистов о дружном, «в настоящее просвещенное время», сожитии христиан и евреев, а потом либеральная маниловщина снова возьмет свое, правда фактов затянется снова плесенью либеральных общих мест и обмана, и еврейский вопрос опять отложится в архив без разрешения до новых более грозных напоминаний!

Новым интересным образчиком трогательного союза русского либерализма с национально-религиозными задачами евреев (вовсе не либерального свойства) может служить помещенная в том же N названной нами еврейской газеты, где редакция не опровергает, а только бранится по поводу наших статей, – выписка из русской газеты «Екатеринославский Листок». Какой-то местный мыслитель – по всей вероятности русский снедаемый провинциальным честолюбив-

ем блеснуть перед столицами широтою и оригинальностью взглядов, – издевается над столичными писателями, которые, как претенциозно выражается автор, «*nervus vivendi* погромов видят в экономическом гнете и еврейской эксплуатации». Все это, возглашает он, выдумки «иудофобствующих борзописцев», так как погромы чинили «пришлые элементы, или великорусы, местный же элемент только приставал»; поэтому истинная и единственная причина погромов, – уверяет екатеринославский неборзописец, – заключается «в расовых капризах», т. е. в своенравном нерасположении одной расы (в настоящем случае великорусской) к чужой расе, к которой первая не успела присмотреться, но которая бросается в глаза по своей внешности!.. Подумаешь, право, что великорусы только со вчерашнего дня стали посещать Новороссийские губернии и что им у себя дома ни с какими чужими расами сталкиваться не приходилось! Не проявляется же у них никаких капризов при лицезрении немецких колонистов на нашем юге!

Впрочем, участия их в погромах мы нисколько не отрицаем, но признаем его очень естественным, хотя бы и предрасудительным. Великорус и живее, и энергичнее малоруса; при виде еврейского хозяйничанья над русским краем он мог легче, чем местные русские жители, придавленные долголетним гнетом, одушевиться, одушевить и их справедливым негодованием, и от ощущений перейти к действию, – но все же в основании этого действия лежит еврейская эксплу-

атация и возбуждаемое ею негодование. Уж не посоветует ли автор запретить великорусам ходить на заработки в русские южные губернии ради предохранения евреев от великорусского «расового каприза»?.. Мы бы и не остановились на этом курьезном объяснении, если б оно не исходило от местного органа печати, от которого каждый вправе бы ожидать дельного о местных событиях слова, и если б не приводилось нам слышать и в высших столичных кругах рассуждения на весьма схожую тему. «Должно быть, – поясняли нам, – кто-нибудь да растолковал или внушил южнорусским мужикам, что „вот-де евреи вас эксплуатируют“, а без того местные мужики такой эксплуатации бы и не заметили: ведь в прежние годы сидели же они смирно!..»

В прежние годы! Вот в этом и состоит ошибка многих наших государственных людей, что они все поминают прежние годы, не принимая в расчет того нравственного постепенного воздействия на дух народный и тех изменений в общем строе русской жизни, которые произведены переворотом 19 февраля 1861 года. В прежние годы, во времена крепостного права, крестьянин более или менее заслонен был от еврейского экономического ига и произвола авторитетом и властью или, пожалуй, произволом помещика. Последний, если только хотел, всегда имел возможность содержать еврея в некотором страхе или отдалении от крестьян, изгнать его и совсем из села и т. д. Произволу этому настал, да и не мог не настать конец, но вместе с безнравственными и вред-

ными его сторонами утратились для крестьян и практически добрые его последствия. Крестьяне остаются теперь совсем без защиты: мировые судьи лишены всякой административной власти, а на юридической почве не может быть для народа никакой серьезной поддержки против формально-легальных плутней еврейского люда, Этот же люд, в свой черед, с упразднением крепостного права, с понижением общественного значения и главное с обеднением дворянства, пошел сильно в гору, не только в экономическом, но и в социальном отношении. Если бы наши статистики занялись сравнительным исследованием еврейской экономической деятельности до и после эмансипации (перемещения в еврейские руки недвижимой собственности, аренд, подрядов и т. п.), то они, наверное, поразились бы громадным ее развитием, идущим параллельно с обнищанием сельского населения... «Не любви были нам паны», – читали мы в письме одного крестьянина Полтавской губернии, из села, где помещичья земля и усадьба достались по покупке в собственность еврею. «Не любви были нам паны, а теперь куда стало горше, как в паны попали евреи и пан-жид стал пановать над нами!» Итак, что же мы видим теперь на нашем юге и юго-западе? С одной стороны, быстрый рост и непомерно увеличившийся натиск на крестьян еврейской экономической и социальной силы после упразднения крепостного права; с другой стороны, в такой же прогрессивной пропорции совершившаяся в крестьянском населении убыль средств для борьбы и отпо-

ра; другими словами: крестьяне приведены в состояние совершенной беззащитности, предоставлены собственным силам или собственной немощи (мировые суды считать почти нечего). Само собою разумеется, что настоящее взаимное соотношение обеих сторон могло сложиться и выясниться не вдруг, не тотчас после освобождения крестьян, в течение известного времени: вот и причина, почему только несколько лет тому назад начались эти крестьянские незаконные самосуды. Но вместе с тем благодаря уничтожению крепостной зависимости одновременно с увеличением еврейского экономического нажима постепенно развивалось и развивается в крестьянах всей России, как мы уже высказали в прошлом, гражданское если не самосознание, то самочувствие, при котором, конечно, всякий неправый гнет становится для них чувствительнее, обиднее, чем в старину. Может быть, и в самом деле, случайно попавшие за черту еврейской оседлости великорусы (в которых вообще это самочувствие сильнее), слыша жалобы и сетования местного народа, подвиглись сами, подвигли и его к гневной отместке, – но едва ли есть и надобность искать зачинщиков непременно между ними или где-то извне: недавний погром в Новомосковске совершенно просто объясняется тем, что эта местность запорожская и еще хранит предания о запорожских внезапных с евреями расправах...

К чему же, собственно, сводится все адвокатское разглагольствие екатеринославской газеты, все это голое, упря-

мое отрицание еврейского экономического гнета, с такою благодарностью воспроизведенное газетой еврейской? Ни к чему другому, как к поощрению евреев продолжать прежний образ действий, – к предотвращению, по возможности как ненужных, всяких правительственных мер против еврейской эксплуатации. «Не смущайтесь, – так вещает между строк екатеринославский либерал евреям, – продолжайте ваше ростовщичество по-прежнему, опутывайте народ сетью неоплатных долгов по-прежнему, разоряйте и развращайте его, как встарь: над вами бодрствует, вас блюдет либеральная печать и гуманизм просвещеннейших классов российского общества!..» Но разумно ли искушать таким образом народное долготерпение и не гасить, а в сущности только раздувать вражду христиан к евреям, упорно сохраняя и даже лелея все ее причины и поводы?

Мы особенно напирал на обличение лживых или по крайней мере неосмысленных, столь обычных у нашей «интеллигенции» выражений участия к еврейскому племени и столь употребительных у евреев приемов самообороны. Система самовосхваления, практикуемая еврейской прессой, и система отрицания всех невыгодных для евреев разоблачений, практикуемая ею и их защитниками, содействуют только упрочению настоящего status quo, из которого ничего доброго выйти не может. А между тем ненормальное положение евреев в христианских странах и присущее им как нации, как необходимое логическое последствие их национально-рели-

гиозной основы, их национально-религиозных законов, преданий и чаяний, роковое свойство вредоносности для христианского населения – все это ведь действительно может и должно бы возбуждать в нас к евреям сожаление и участие: мы все-таки сильнее их; наш кругозор чище, шире и выше, нам светит «солнце правды». Но это сожаление и участие, если только они искренни, должны бы выразиться не в восхвалениях и отрицаниях, о которых мы говорили выше, а в совокупных усилиях вызвать в самих евреях добросовестную работу самосознания, вразумить их, сдвинуть их с ложного и опасного пути, поискать сообща с ними возможных условий для истинного, а не мнимо безвредного и мирного их, с христианами сожительства. Долго мы обольщались надеждою, что в самой среде еврейской найдется же наконец не то что новый Моисей, который выведет свой народ из этой своего рода египетской тьмы и неволи, т. е. из рабства ветхозаветной букве и талмудическому фарисейству, – но хоть бы горсть молодых людей, которые под воздействием просвещения и цивилизации христианских стран, где они живут, возгорятся иным, не еврейским, а высшим, более широким, более нравственным идеализмом; которые задумаются наконец над упреками во вреде, несущимися к евреям из всех концов мира, устыдятся сами экономического рабства, наложенного евреями на низшие классы народа, и обратятся к своим соплеменникам с страстною проповедью реформаторов... И действительно, вскоре после первых погромов

возникло бы где-то на юге особое общество евреев, которое поставило знаменем своим очищение еврейской религии и всенародно исповедало начало нравственности, несравненно выше, чем у талмудистов, – но этот раскол в еврействе был встречен таким дружным ярим гневом всей русской еврейской печати и так мало встретил поддержки в печати русской, что с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Казалось бы, от кого и ожидать реформаторского движения, как не от евреев, просветившихся высшим образованием? Казалось бы, именно на евреях-писателях и публицистах должна бы лежать обязанность содействовать воспитанию еврейской массы и исправлению национально-религиозных инстинктов, делающих евреев язвою для христианского населения? К несчастью, происходит совершенно иное; именно-то еврейские органы печати (по крайней мере русской), щеголяя «высшим развитием», стараясь явить себя на уровне современной цивилизации, в то же время совершенно воздерживаются от всякого честного слова осуждения своим соплеменникам, не преподают им ни одного полезного совета, тем менее увещания! Происходит ли это из расчетов, по нежеланию лишиться благосклонности даже темного еврейского многолюдия и материальной от него поддержки, или же из рожденного им самим еврейского национально-религиозного инстинкта, только маскированного внешностью европейской культуры, – мы не знаем; но замечательно, что они, по-видимому, нисколько даже и не заботятся о приобре-

тении к себе сочувствия русского общества. С развязностью людей, которые чувствуют себя дома чуть не хозяевами и не сознают за собою пред коренным населением ни малейшей вины, да и никаких, кажется, особенных обязанностей, – они во имя «культуры и цивилизации» встречают резко бранью всякий укор евреям в эксплуататорстве и дерзко отрицают самую неподдельную действительность. Эти две статьи об евреях не вызвали со стороны газеты «Русский еврей» ни одного разумного возражения, а только возгласы в таком роде, что статьи г. Аксакова исполнены «ядовитой злобы» и «фанатической ненависти, для которой не существует ни доводов, ни пределов, которая способна на всякие подвиги, не исключая, по-видимому, и Торквемадовских!» Но особенно заслуживает внимания та статья «Русского еврея», где он, под видом обращения к испанцам и венграм, обращается к современным народам, среди которых обитают евреи и которыми они недовольны (следовательно, и к нам, русским). «Что было бы, – фантазирует газета, – если б к этим народам раздался следующий глас провидения: „Что сделали вы с порученным вашему надзору и попечению маленьким, слабым племенем израилевым? Были ли вы ему братьями, старались ли усладить ему горечь скитальческой, подневольной жизни?.. Нет, вы этого не сделали! Вы не услаждали ему жизни!“» Далее приводятся примеры из средневековой истории Западной Европы, преимущественно Испании, и затем «глас провидения», уже по адресу народов нашего времени, изво-

лит продолжать таким образом: «Вы оторвали его (еврейское племя) от всех производительных, честных и почетных занятий и принуждали его заниматься ростовщичеством и тому подобными унижительными профессиями, и затем были так бессовестны, что сами же обвинили его в алчном стремлении к наживе!..» Вся тирада кончается словами, что «согрешение пред ближним уравнивается только удовлетворением, а удовлетворение до сих пор было поверхностно и легковесно»... Эти ссылки на историю теперь едва ли уместны, и никто, конечно, в наше время не принуждает еврейскую простонародную массу к занятию ростовщичеством и унижительными профессиями. Профессии для необразованных низших классов населения только и могут быть: земледелие, сельские промысла, ремесленный труд, мелкая торговля; промышленять и торговать можно и честно, и бесчестно, смотря по выбору, а выбор зависел ни от кого другого, как от самих евреев. Что же касается земледелия, то все усилия нашего правительства, все щедрые издержки казны, собранной с русского народа, с целью направить евреев к земледелию – остались совершенно безуспешны. Не можем, кстати, не вспомнить записку, поданную лично нам еврейской депутацией в Бессарабии для представления по начальству, тому довольно давно, когда приближалось окончание срока пожалованной еще императором Александром I Бессарабии льготы от рекрутских наборов. Во времена Едеона, Давида, даже Маккавеев, говорилось в записке, мы, евреи, были народом

воинственным и храбрым, но затем владеть оружием разучились, а потому и просим не подвергать нас воинской повинности... От почетного и честного звания воина, по крайней мере у нас в России, никто никогда не отрывал, кажется, евреев; однако же их уклонение от воинской повинности приняло наконец такие размеры, что вынудило недавно правительство издать специальные распоряжения против еврейских обманов. Вообще ничто не может быть характеристичнее приведенной нами тирады: в ней отражается настоящее еврейское миросозерцание. Евреи, очевидно, смотрят на себя и теперь как на народ избранных и Божий, а на все христианские народы, среди коих имеют жительство, как на своих данников, обязанных услаждать им жизнь; народы должны даже почитать себя осчастливленными их присутствием, потому что Господь специально препоручил их попечению израильское племя!

Обвинение же евреев в алчном стремлении к наживе провозглашается бессовестным, и во всех современных грехах евреев виноваты и ответственные сами христиане. Каково положение, например, ну хоть христианского низшего населения Галиции, в которой теперь, по последним известиям, свыше 800 тыс. евреев на 6 миллионов всех жителей, и в которой не только вся торговля и ремесла, но и значительная часть земельной собственности перешли в еврейские руки, – народ же совсем обеднел, и общее экономическое состояние Галиции приходит в совершенный упадок! Галицко-

му народу, по смыслу речей еврейского публициста, следует только радоваться и приговаривать: «Как утешительно мне услаждать своим телом и своею кровью жизнь панам-евреям и разоряться в их пользу: ведь это сам Бог поручил им набезжать ко мне в таком множестве, разорять меня и пановать надо мною, – но прискорбно, что все-таки я доставляю евреям лишь легковесное и поверхностное удовлетворение: порученное самим Богом моему попечению маленькое слабое племя израилево утверждает, что ему этого мало!»

Возложив такие «братские» обязанности на христиан по отношению к еврейскому племени, «Русский еврей», казалось бы, должен был признать таковые же обязанности за евреями по отношению к христианам. Но об обязанностях последней категории газета совсем умалчивает. Можно было бы требовать по крайней мере, чтоб таковое проповедуемое евреями братство вело к теснейшему соединению их с народностями – хоть в государственном отношении. Но «Русский еврей» и вообще еврейские органы печати не даром следят «за прогрессом» и довольно ловко пользуются модной доктриной космополитизма. Она им на руку; во имя либеральных доктрин и гуманизма требуют они для евреев равноправности с господствующим населением государства, не только гражданской, но и политической, а во имя «прогресса» стоят за космополитический принцип, благодаря которому освобождают себя от уважения к принципу национальности, следовательно, и от национальной связи со своей хри-

стианской родиной. «Не должно быть различия между евреем и православным русским: все они едины, все граждане одного государства, только разных вероисповеданий» – вот что слышим мы от евреев и готовы уже согласиться с этим положением, а затем в том же «Русском еврее» читаем о «необходимости всенародного еврейского единения», о благовременности воспитывать в евреях сознание своего собственного национального единства и теснее «смыкаться вокруг „Всемирного Израильского Союза“». Мы, со своей стороны, не бросим в евреев камня за такое стремление, признаем его вполне естественным, но именно потому и не доверяем возможности искреннего национально-государственного единения евреев с коренным русским населением Русского государства...

Еврейская газета мимоходом обвиняет нас в том, что мы пренебрегли еврейскими опровержениями книги «перекрещенца» Брафмана о кагале и снова упорно провозглашаем существование кагала. Прежде всего заметим, что укор, брошенный покойному Брафману в том, что он «перекрещенец», не имеет для нас ровно никакого значения: с нашей точки зрения, еврей, принимающий христианство, не только не изменяет религиозному закону евреев, но лишь исполняет его, лишь повинуется указаниям Библии, – тех книг, которые равно священны для христиан и для евреев, и для христиан еще более, чем для евреев: в глазах последних ведь и апостолы не более как ренегаты! Брафман издал не одни

только официальные документы кагалов, подлинность которых евреями отрицается. В NN 46 и 47 «Руси» 1881 года напечатаны извлечения из его другого обширного труда, где сведения о кагале основаны не на архивных только, а на живых сведениях и личном опыте. Отвергать совершенно существование кагала возможно только в надежде на легковерие тех публицистов, которые не видели евреев иначе как в столицах и не жилали сами в городах и местечках западного края. Евреи в Москве и в Петербурге, и евреи там, в этой русской своей Палестине, где они чувствуют себя дома, — это совершенно разные типы. Здесь, например, переход евреев в христианство не производит никакого видимого для нас волнения в еврейской среде, так что столичный наблюдатель готов будет, пожалуй, прославить евреев за отсутствие религиозного фанатизма; но нам доводилось видеть самим, на юго-западе, бешенство еврейской толпы; мы знаем, чему подвергается, например, еврейка, осмелившаяся оставить веру отцов, как буквально осаждается, с трудом обороняемый полицией, дом священника, принявшего несчастную в лоно православия, как нередки бывают случаи истязаний и даже убийства новообращенных! Факт существования кагалов еще недавно был констатирован судебным процессом во Львове, о чем было даже напечатано во многих газетах; да и отрицать кагал значило бы ведь отрицать всякое внутреннее еврейское самоуправление. Но еврейские публицисты, много шумя и придираясь к какой-либо относительно мелкой

неточности, только отводят глаза от более серьезных разоблачений и уклоняются от прямого ответа на вопросы, прямо поставленные. Пусть же они ответят нам неуклончиво на следующие вопросы:

Существуют ли упоминаемые Брафманом в «Руси» талмудические правила Хескат-Ушуб о власти кагала в его районе, на основании которых та территория, где поселились евреи, со всем входящим в нее имуществом и лицами иноверцев, становится собственностью евреев? Существует ли статья 156 Хошень-Гамишпот, гласящая слово закона, что «имущество иноверца свободно (гефкер) и кто им раньше завладеет, тому оно и принадлежит»? Допускаются ли еврейским национальным или талмудическим законодательством (хотя бы они, по уверению евреев, теперь уже и вышли из практики) гахлаты или такие акты, которыми кагал, за известную сумму денег, продает еврею право меропии или марауфии или же право хазаки? Напомним читателю, что меропией предоставляется купившему ее еврею в исключительную эксплуатацию личность того нееврея, с которым он входит в сношение, так что ни один посторонний еврей уже не имеет права ничем поживиться за счет проданного субъекта; хазака же предоставляет купившему ее еврею в исключительную эксплуатацию не личность, а недвижимое имущество христианина или другого иноверца... Существует ли, наконец, херем – запрет, накладываемый кагалом на того строптивного христианина, который навлек на себя неблаго-

воление кагала и в силу которого ни один еврей не может ничего ни купить у этого христианина, ни продать ему?.. Несколько лет тому назад один юго-западный помещик, подписавший свое имя, напечатал в «Московских ведомостях» рассказ о том, как он попал под херем, как поэтому бедствовал при исключительном экономическом господстве евреев в крае, и как, наконец, вынужден был, по чьему-то совету, обратиться с просьбой о снятии с него херема к какому-то властному еврею в Галиции, который его и помиловал.

Евреи возразят нам, по всей вероятности, что если это и бывало когда-то, то теперь этому уже нет и следа. Мы, конечно, и не ожидаем от них признания, что гахлаты, меропии, хазаки и т. д. существуют, практикуются и теперь; нам нужно только знать: имеются ли указанные нами основания для этой практики в самом Талмуде? Впрочем, мы предугадываем наперед, что евреи вместо ответа придут прежде всего в страшное негодование, как будто мы совершили злостную клевету, а потом, пользуясь неопределенностью нашей ссылки, дадут и ответ самый неопределенный. Ну, так мы предложим им несколько других о Талмуде вопросов, более значительных и с такими точными ссылками, по которым проверка наших указаний вполне удобна и доступна для каждого. Но сначала несколько слов о Талмуде.

Закон Писанный и Устный евреев составляют следующие обязательные и, так сказать, канонические книги: 1) Библия, т. е. Микра (все Священное Писание) и Тора (собственно

закон Моисеев, Пятикнижие); 2) Мишна, т. е. второй закон или сборник преданий, составленный раввином Иудой Святым около 200 лет по Р. Х.; 3) Талмуд Иерусалимский, содержащий Мишну и сверх того Гемару (дополнение) раввина Иоханана, составленный около 230 по Р. Х. и 4) Талмуд Вавилонский, содержащий ту же Мишну и Гемару с новыми дополнениями раввина Аше и других, законченный в V в; по Р. Х.; затем и еще некоторые сборники с дополнительными преданиями и комментариями. Сам Талмуд исполнен свидетельств о своей авторитетности и обязательности для евреев. Так, в статьях г. Александрова (псевдоним А. Н. Аксакова, хорошо знакомого с еврейским языком), в NN 25 и 34 нашей газеты «День» 1862 г., в числе многих цитат приводятся, между прочим, такие: «Виноградная лоза – это люди, знающие Библию»; первые виноградники – люди, знающие Мишну; спелые грозди – люди, знающие Гемару (Eruvin. 22, 2; Sota, 21, 1). «Нет более мира тому, кто от учения Талмуда возвратится к учению Библии» (Chagihā, 10, 1), «Нарушающий слова ученых Израиля повинен смерти, ибо слова их достойнее внимания, чем слова закона Моисеева» (Eruvin. 21, 2) и т. д. Величайший авторитет еврейской учености, Маймопидес (VI века) говорит следующее; «Все, что содержится в Вавилонском Талмуде, обязательно для всех евреев, ибо все учение Талмуда было признано народом израильским и ученые составители его были преемниками предания, которое сохранилось от Моисея и до них» (Yad Chasac предисл.).

Обязательность Талмуда для евреев некараимов или раввинатов до такой степени разумеется сама собою, что она признана и, стараниями самих евреев, даже узаконена нашим правительством. У нас при Министерстве внутренних дел состоит даже на службе «Ученый раввин», официально компетентный советник во всех религиозных еврейских делах и вопросах – без сомнения, со строгой ревностью охраняющий существующее и узаконенное в России здание раввинизма и его интересы. Как в Положении 13 ноября 1844 г., создавшем для евреев особые казенные уездные училища 2-х разрядов и гимназии, так и в новом Положении 24 марта 1873 г., преобразовавшем эти училища и заменившем гимназии специальными еврейскими учительскими институтами, Талмуд в гимназиях и институтах числится обязательным предметом преподавания. По расписанию учебных часов на Талмуд в институтах полагается не менее 10 часов в неделю. Высшая еврейская в России школа без Талмуда – это, с русской административной точки зрения, некоторое беззаконие.

Вот в этом-то вдвойне обязательном для евреев Талмуде находятся, между прочим, такие места, которые разрешают еврею относительно гоев или акумов (язычников и христиан, вообще неиудеев) всякое зло, запрещаемое законом иудейским против брата, ближнего своего и товарища, ибо гой или акум не есть для евреев ни брат, ни ближний, ни товарищ, не достоин никакого снисхождения и милосердия (Bava Metzia 3. 2 Yevamoth, 23. 1). – Запрещается гою давать что-либо без

лихвы (Avoda Zara, Pisl. Thoseph 77. 1 N 1 и пр.). – Разрешается иудею у гоя красть, ибо сказано: не обидишь ближнего и не отымешь, а гой не ближний (Bava Metzia 111, 2). – Свидетельство неиудея да отвергнется без исключения (Schaleh. Agac, Chosham Hammesch. 40. С. 2. N 34, § 19). – Запрещается спасать от смерти акума или неиудея, ибо спасти его – значит увеличить число их; к тому же сказано, да не помилуешь их (Avoda Zara, 26. 1; 20. 1. in Thoseph). – Дозволяется законом убивать всех акумов или гоев, ибо в Писании сказано: не возстанеши на кровь ближнего твоего, а акум или гой – не ближний, и потому, говорит Маймонидес, всякий иудей не убивающий нарушает отрицательную заповедь (Sepher Mitz. fol. 85. С. 2. 3). – Да убиен будет и праведнейший из язычников или неиудеев: он повинен смерти уже тем одним, что неиудей и потому самому уже не может быть чем-либо годным (Yalcout Reoubeni, 93. 1)...

Мы привели только часть выписок из Талмуда, собранных в 25 N «Дня» 1862 г., но и приведенного, полагаем, довольно. Могут ли евреи отрицать существование сделанных нами ссылок? Скажут ли, что они фальшивы и вымышленны? Этого они сделать не могут, а станут, пожалуй, уверять, как г. Жика в журнале «Дело», что Талмуд так себе, книжка вроде «Подражания Христу» Фомы Кемпинского!! Но очевидно, что утверждать нечто подобное могут только: невежество, умственная ограниченность или дерзостная недобросовестность. Во всяком случае подобное утверждение вызы-

вает вопрос чему же, собственно, евреи верят? Нам известно, что евреи делятся на караимов, не признающих Талмуда, и раввинатов, признающих Талмуд: первые – чистые мозаисты, т. е. последователи чистого учения Моисеева, и их считается в мире лишь несколько тысяч; вторые – все те, которых мы зовем евреями и которых считаются миллионы. Если наши евреи не караимы и не талмудисты или раввинаты, то что же они такое? И для чего в Положении о еврейских училищах в России изучение Талмуда поставлено в числе обязательных предметов?.. «Все это так, – возразят нам, пожалуй, евреи и их защитники, – но „указанные выписки из Талмуда вышли из употребления, и если вообще Талмуд изучается, то эти места давно уже утратили свою обязательность“...» Но почему же мы обязаны этому верить? Какое формальное мы имеем к тому основание? Нам, конечно, и на мысль не приходит, что европейски образованный еврей может держаться такой талмудической морали, – но чтобы массы еврейского люда, не получившие европейского образования и руководимые большей частью меламдами и цадиками, признавали эти правила Талмуда вздорными и упраздненными, – это требует еще положительных доказательств, которых наши оппоненты нам представить, конечно, не могут. Да и за исключением статей, оправдывающих даже убийство, разве остальные выписанные нами статьи вовсе не практикуются? Разве все обвинения в обмане, лихве, эксплуатации и т. п., специально падающие на голову евреев во всех странах мира, смуща-

ют религиозную совесть евреев? Обвинения ложны – ответят евреи. Не станем спорить, но спрашиваем: где же еврейская проповедь против обмана, лихвы и эксплуатации неевреев? Если обман гоя или акума не разрешался евреям их религиозной совестью и их ортодоксальным учением, то Маймонидес был бы уже давно в презрении, а не в почете, и против приведенных нами цитат из Талмуда, столь позорящих все еврейство, давно бы возгремели еврейские витии и существовала бы целая полемическая литература!

Но у ученых евреев имеется в запасе еще один аргумент, и как будто довольно сильный: они укажут вам несколько текстов из того же Талмуда в смысле совершенно противоположном. Существования таких текстов мы несколько и не отрицаем: Талмуд исполнен внешних противоречий. Но Талмуд же толкует, что эти противоречия не отвергают истины, а только развивают ее, и что положения, казалось бы, взаимно себе противоречащие, остаются равносильными. «Хотя, говорит Талмуд, один раввин говорит одно, а другой – другое, слова их тем не менее суть слова Божия» (Gittin, 6. 2.). При всем внешнем противоречии есть в них внутреннее единство духа, заключающееся в том, что Израиль – племя избранное, привилегированное, и что неизраильтянин Израилю не брат и не ближний. Во всяком случае последователям Талмуда позволительно выбирать для своего руководства любое: изречения ли в пользу честности и мира, изречения ли в пользу обмана и вражды. К этому выводу приходит и сам Талмуд;

вот его слова: «Не имея основания придавать более значения мнению одной стороны чем другой, я должен сообразоваться с тем решением, которое для меня благоприятнее» (Schulch. Aruc. Choshen Hamischp. 75 et 83 in Comm.). Как же, однако, спрашивается, правительству и обществу знать: кто из евреев каким наставлением руководится, какой у каждого из них кодекс морали?!

Двадцать лет тому назад мы пригласили тех из евреев, которых совесть гнушается вышеприведенными правилами Талмуда, заявить свое отречение от них печатно в нашей газете. Двое евреев, гг. Португалов и Зеленский, последовали нашему призыву и в 32 N «Дня» того же года заявили, что сами они с Талмудом мало знакомы, но если бы действительно «в Талмуде оказались таковые или похожие на них наставления, то – так выразились они – мы торжественно и гласно от них отрекаемся». Само собой разумеется, что такого рода частные отречения в частном издании остаются совершенно частным явлением и не могут иметь цены при законодательном разрешении еврейского вопроса. В настоящее время логически необходимым оказывается иной, следующий способ.

Если евреи действительно и искренно отвращаются бесчестного и вредоносного учения, содержащегося во многих статьях Талмуда (только частью нами приведенных) – или же если и не все, то хоть только в лице своих передовых и наиболее просвещенных людей, – эти последние обязаны

успокоить и правительство и христиан той страны, где живут, и укрепить на твердых, а не на сомнительных заповедях совесть темного, необразованного еврейского люда. В настоящем же случае дело идет, конечно, только об одной России. Не может же русское правительство продолжать ревновать об ортодоксальности еврейской религии и под влиянием казенного «Ученого раввина» считать всякий раскол в еврействе нарушением узаконенного порядка и самочинием нетерпимым. Пусть соберется, по приглашению самого правительства, собор раввинов со всей России, с участием представителей от еврейского народа и, пересмотрев Талмуд, пусть торжественно и всенародно осудит, отвергнет, запретит и похерит все те статьи Талмуда, которые учат евреев вражде и обману и послушание которым не может быть совместимо с мирным и безвредным пребыванием их в христианской стране.

Только тогда, а не прежде, поверим мы искренности еврейских публицистов, прославляющих идеалы еврейской нравственности, – только тогда лишь и настанет время толковать об уничтожении законодательных различий между евреями и христианами и об их безусловной гражданской равноправности...

Воззвание Кремьё, обращенное к евреям от лица «Всемирного Израильского Союза»

Москва, 1 ноября 1883 г.

Если бы мы могли еще сомневаться в верности наших воззрений на еврейство и еврейский вопрос, то теперь, ввиду помещаемых ниже данных, сообщенных нам из Берлина, сомневаться уже непозволительно: дело идет уже не о наших воззрениях. Оказывается, что мы только в точности угадали и воспроизвели собственные взгляды евреев на самих себя и на свое историческое мировое призвание. Мы подлежим упреку разве лишь в том, что сделали это воспроизведение в тоне умеренном, в форме логических выводов аргюи, – тогда как еврейское мирозерцание еще недавно возвестило само себя не только без лишней скромности, но как власть имеющее, торжественным трубным гласом. Мы разумеем воззвание или своего рода манифест, обращенный к Израилю от «Всемирного Израильского Союза» (Alliance Israelite Universelle), в лице его президента Кремьё, при самом основании Союза и с объяснением его сущности и значения. Мы только на днях познакомились с этим замечательным историческим документом, так дословно подтверждающим и подчеркивающим суждения, высказанные нами о

еврействе, и в кратком сжатом объеме определяющим как внутреннее содержание еврейской народности и отношения ее к другим национальностям, так и религиозно-политические мировые идеалы и заветы евреев. «Мы не имеем сограждан, а лишь религиозных последователей, – возглашает президент Союза, – наша национальность – религия отцов наших, другой национальности мы не признаем никакой»... «Вера предков – наш единственный патриотизм». «Мы обитаем в чуждых землях, но, невзирая на эти наши внешние национальности, остаемся и останемся евреями, одним и единым народом»... «Израильтяне, – взывает манифест, – хотя и рассеянные по всем краям земного шара, пребывайте всегда как члены избранного народа!»... «Только еврейство представляет собой религиозную и политическую истину!»... В первый раз еще евреи так гласно возвещают о политической стороне своего вероучения. В чем же заключается этот религиозно-политический идеал, или эта истина, осуществления которой чают евреи в будущем?

«Мы не можем, – говорится далее, – интересоваться переменчивыми интересами чуждых стран, в которых обитаем, пока наши собственные нравственные и материальные интересы будут в опасности»... Кажется бы, такое рассуждение с точки зрения отвлеченной справедливости вполне основательно. Нельзя требовать от людей, преследуемых и гонимых, искреннего участия к интересам гонителей: стало быть, наоборот, с устранением опасности для нравствен-

ных и материальных интересов евреев, например с введением полной равноправности их с христианами, можно и должно ожидать от евреев полной солидарности с интересами жителей тех христианских земель, где они обитают? Казалось бы, так, но президент «Всемирного Израильского Союза», бывший французский министр юстиции Кремьё, не медлит вывести нас из такого логического заблуждения. «Не раньше, – поясняет он, – станет еврей другом христианина и мусульманина, как в то лишь время, когда свет израильской веры будет светиться повсюду... В наступивший к тому день еврейское учение должно наполнить весь мир!»...

Наши иудофилы и так называемые либералы согласятся с нами по крайней мере хоть в том, что срок для полной солидарности нашей с евреями назначен самими последними очень уж отдаленный!.. Что бы мы ни делали, какие бы самые дерзновенные проекты в пользу еврейских прав и привилегий ни приводили в исполнение (не говоря уже о простой равноправности их с нами), хотя бы посадили евреев судьями над всем христианским русским населением, наделили их министерскими портфелями, одним словом, предали бы им беспрекословно в работу весь русский народ, – мы все-таки не добьемся от них даже и такой малой милости: «принимать к сердцу наши переменчивые интересы» и хоть немножко дружить с нами теперь же, ранее наступления той благодатной поры, когда мы все поголовно уверуем именно так, как еврею. Остается только нашим иудофилам и либера-

лам, ради снискания благосклонности еврейской, всеми силами способствовать ускорению этого вожделенного момента, т. е. обращению всех нас в еврейскую веру... Они и способствуют, конечно, пассивно и большею частью сами того не сознавая, способствуют если не обращению христиан в еврейскую религию, то усилению на счет христиан еврейского могущества. Но ошибутся народы, если, польстясь на вышеприведенные еврейские обещания, возмечтают, будто и по принятии ими еврейского исповедания евреи удостоят их равноправностью с собой... Нет! Даже среди всех народов мира, объединившихся в исповедании «еврейского единобожия», Израиль все-таки останется «народом избранным»: ему власть, ему господство, ему одному богатства вселенной... Послушайте конец этого торжественного послания от имени «Всемирного Израильского Союза» к евреям: он таков, что даже ирония, которая невольно напрашивалась под перо в начале наших выписок, невольно стихает и заменяется серьезным раздумьем. Вот он:

«Евреи всего мира, придите и внимлите этот призыв наш, окажите нам ваше содействие, ибо дело велико и свято, а успех обеспечен. Христианская церковь – наш вековой враг – лежит уже, пораженная в голову. Каждый день будет расширяться сеть, распростертая по земному шару Израилем, и священные пророчества наших книг исполнятся: настанет пора, когда Иерусалим сделается домом молитвы для всех народов, когда знамя еврейского единобожия бу-

дет развеяться в отдаленнейших концах земли... Пользуйтесь же всеми обстоятельствами! Наше могущество велико, учитесь же употреблять его в дело! Чего нам страшиться? Недалек день, когда все богатства земли будут исключительно принадлежать евреям!»... (Значит, не всем народам, исповедующим еврейское единобожие, а только Израилю: «*appartiendront exclusivement aux Juifs*»...)

Какое сознание своей силы! Какая страстность чаяния! Какой смелой рукой очерчен этот исполинский еврейский заговор, отмечены достигнутые успехи, указана конечная цель и способы ее достижения! Еврейская сеть раскинута по всему миру и опутывает мало-помалу все народы. Все средства евреям разрешены: всеми обстоятельствами должны они пользоваться – везде, всюду, где только можно, призываются они употреблять в дело свое великое могущество!.. Таково свидетельство евреев о самих себе, данное не в какие-либо Средние века, а во второй половине XIX века, изложенное и формулированное не каким-либо еврейским изувером, религиозным фанатиком или грубым невеждой, а одним из светил французской магистратуры, знаменитым, авторитетным юристом, «передовым человеком» своей эпохи, творцом и борцом революции, одним из правителей республиканской Франции, заведовавшим, вместе с другими «передовыми» французскими вольномыслителями, судьбою французского народа, словом, г-м Кремьё. Это тот самый, на которого так любят указывать представители нашей ин-

теллигенции известного пошиба, приговаривая России в поучение и назидание: «вот-де истинно просвещенная страна – Франция: одна не побоялась вверить французское правосудие просвещенному еврею, ибо в сфере высшей культуры и прогресса идеалы у всех равны!»... Признает ли теперь наша интеллигенция тождественность своих идеалов с еврейскими? Мы говорим: еврейскими, а не идеалами только самого Кремья: ему принадлежит лишь одно изложение – самое же воззвание идет от лица общества, считающего слишком 28 тысяч действительных членов...

Но всего важнее в настоящем случае – это раскрытие самой сущности еврейского религиозного идеала и различия между еврейским и христианским единобожием. Еврейское религиозное мирозерцание явилось здесь во всей своей грубой ограниченности и вещественности. Торжество религиозной истины венчается для евреев не водворением царства духа и правды, не высшим внутренним просветлением нравственного человеческого естества, а созданием могущественного земного царства еврейского, превознесенного над всеми народами, и накоплением всех богатств земли в руках одного привилегированного у Господа племени, «избранного народа Божия»... Вот в какой идеал уперлось еврейское единобожие, поклонившись мертвящей букве «закона» и отрекшись его духа – тоже животворящего духа, которого полным историческим и превечным выражением явилось потом воплощенное Слово – Христос, упразднившее и самый за-

кон полнотой и свободой истины. Отвергшись Христа, не признав Бога в Его лице, еврейское единобожие стало хулою на Бога, ограничив самое представление о Нем атрибутами внешней силы и внешней правды и служение Ему – внешними делами закона, – обездушив, о материализовав истину, низведя бесконечное в конечное и вечное в черту времени. По еврейским понятиям, возглашаемым в упомянутом манифесте, Бог за верность Себе и своему имени имеет со временем расплатиться с еврейским народом не чем иным, как земными благами, серебром и золотом всего мира: «Израильский Всемирный Союз» именно в перспективе такой денежной или вещественной награды усматривает главное побуждение для евреев – соблюдать верность Богу и работать на пользу представляемой еврейством «религиозной и политической истины!.. Если между просвещенными евреями есть люди вполне беспристрастные (а таковых не может не быть), то пусть они по крайней мере открыто признают хоть то различие между еврейским и христианским идеалом, что последний совершенно чужд практического утилитаризма и не дает никакого религиозного освящения инстинктам грубой корысти; что христианство в основу своего учения и своей проповеди полагает, наоборот, совершенное отречение от всяких мирских наград и никаких вещественных богатств не сулит за служение истине. Напротив, оно учит собирать себе сокровища не на земле, а на небесах; не полагать в земных благах своего сердца, а искать прежде всего Царствия Божия

и правды его. Только лишь дьявол, по сказанию Евангелия, пытаясь искусить Христа в пустыни, показал Ему с верха горы все царствия вселенной „в черте времени“, со всей их силой и блеском, и обещал Ему: „Тебе дам власть сию всю и славу их: ты убо аще поклонишься предо мною, будут тебе вся“ ... И посрамленный „отыде“ ...

А еще недавно одна из русских еврейских газет (Еженедельная хроника „Восхода“) проводила мысль, что в нравственной доктрине христианства нет ничего такого, чем бы еврей не обладал уже вполне и давно из пятикнижия Моисея, так что христианство – по смыслу слов еврейской газеты, – не представляя, в области нравственной, ничего нового и оригинального, в сущности есть нечто вовсе ненужное, излишнее, без чего очень легко обойтись, довольствуясь еврейским законом; остается только не совсем понятным, зачем это не обошлась без него всемирная история!.. Лучшего образца близорукости и тесноты еврейского мирозерцания трудно и подыскать.

Не ясно ли теперь, что стремление к наживе стоит у евреев на степени религиозной и политической истины»? Не выступают ли воочию, до полной несомненности и, так сказать, обязательности, те нравственные начала, которые «еврейское могущество» имеет внести в европейскую цивилизацию при содействии всех новейших прогрессивных учений, отрицающих Христа-Бога?

«Нашего великого дела успех обеспечен, – возглашает

„Израильский Всемирный Союз“, – христианская церковь – наш злейший враг – лежит пораженная в голову...» В подлиннике вместо слов «христианская церковь» стоит «католицизм», но не подлежит и спору, что автор манифеста понимает здесь не собственно римско-католическое исповедание, но христианство вообще – в его древней церковной организации, а в этом виде оно знакомо ему только в форме католической церкви – церкви по преимуществу «воинствующей». Не может же он, конечно, признать слишком опасным для еврейства и «злейшим его врагом» протестантизм, ввиду наклонности последнего перейти просто в философское учение, или в этику, и ввиду отсутствия в нем всякой внутренней объединяющей и связующей силы, всякого обязательного авторитета: как известно, в протестантизме каждый член церкви сам себе авторитет, в церкви же православной на Западе, и особенно во Франции, вовсе не имеют понятия или же понимают ее как церковь, лишенную самостоятельности, не способную или не призванную оказывать воздействие на исторические судьбы «культурного мира»!.. Затем, то «поражение католицизма», о котором возвещает г. Кремье (если даже признать факт этого поражения, что еще подлежит большому сомнению), не было только поражением папизма и ложных сторон римско-католической церковной практики: в этом, собственно, еще мало радости для евреев; но оно было вместе с тем и ударом, нанесенным самой вере Христовой в христианских обществах Запада, особенно же во Франции:

этому не могли, конечно, не порадоваться евреи. Можно себе представить, с каким восторгом приветствовали они выбрасывание распятий из народных училищ, изгнание имени Божия и Христа из школьных учебников, из официальных актов и всяких публичных действий, – с каким восхищением приветствуют они и теперь все законодательные меры и все неистовые проявления «прогресса», направленные к искоренению христианской религии! Весь этот бунт культурного человечества против христианской веры и даже против Бога, против учения о бессмертии, о душе, против всякого «мистицизма» – на руку и по вкусу евреям, несмотря на исповедуемое ими единобожие. Он расчищает им почву: «распростирать сеть Израиля» становится при таких условиях день ото дня удобнее. Они совершенно верно признают христианство более злым для себя врагом, чем даже безбожие, чем материализм, доведенный до крайних пределов отрицания. Они твердо убеждены, что на таком голом отрицании человечество удержаться не может, и рассчитывают, что придет время, когда можно будет подsunуть ему принцип «еврейского единобожия»... Таковы религиозные замыслы и мечты евреев, включая сюда и г. Кремьё, – о еврейских же нигилистах (которые, впрочем, редки) поговорим когда-нибудь особо...

Не в том, впрочем, дело – сбыточны ли эти еврейские замыслы или нет, а в том, что христианские общества своим мятежом против христианства сами созидают, себе же на го-

лову, еврейское могущество, сами куют на себя еврейские цепи: это уже сбывается. Замечательно, что враги христианства и даже вообще всякая религия, одним словом, самые отчаянные радикалы, – в то же время самые горячие иудофилы. Если, по их понятиям, культура и прогресс не совместимы с исповеданием Христовым, если открытый исповедник Христа вызывает в них презрение и негодование, то в то же время эта культура и прогресс ведут себя совершенно смиренно относительно исповедания Иеговы, и еврею охотно предоставляется и полная свобода действий, и политическая власть.

Во всяком случае, несомненно, что еврейское могущество в Европе с каждым днем возрастает, что евреи сознают свою власть и уже начинают, можно сказать, являться воинствующим, агрессивным элементом в обществах христианских. В Западной Европе в их руках две державные силы – биржа и пресса. Это такие силы, перед которыми уже почти немощно всякое нееврейское слово, всякое наше обличение или предостережение. Вот почему мы и придаем такое значение выше приведенному нами откровенному слову самих евреев, этому так называемому манифесту, писанному пресловутым Кремьё, бывшим французским министром юстиции, от лица «Всемирного Израильского Союза»... Что скажут об этой еврейской программе наши защитники еврейства *quand meme* и вообще наши глаголемые «либералы» и «гуманисты»?.. Раскроет ли им глаза эта еврейская исповедь, или же

они еще пуще их зажмурят, отвращаясь от острого блеска истины, и не проронят об этом документе ни слова? Вероятно, произойдет последнее, потому что относительно «еврейского вопроса» у них ничего в запасе не имеется, кроме общих избитых мест либеральной доктрины, а «самобытности» в мышлении они у нас по принципу для России не признают, да и не любят, боясь погрешить против шаблонного либерализма и еще более боясь всякого серьезного умственного напряжения... Мы рекомендовали бы прочесть этот документ членам нашей Еврейской комиссии, но эта комиссия чуть ли не принадлежит к числу бюрократических мифов...

Разбор циркулярного воззвания «Еврейского Всемирного Союза»

Москва, 1 декабря 1883 г.

В 21 N «Руси», в статье нашего берлинского корреспондента «Еврейская Интернационалка и борьба с еврейством в Европе» воспроизведено в переводе из французской газеты «L'Antisemetique» циркулярное воззвание «Еврейского Всемирного Союза» (Alliance Israelite Universelle), разосланное при его открытии. Комментированное нами в передовой статье, оно произвело довольно сильное впечатление на русскую публику и вызвало необычайную тревогу в русском еврейском лагере. Органы русско-еврейской печати осыпали нас самой ожесточенной бранью и обвинили в подлоге и клевете или, по крайней мере, в том, что мы сознательно, из ненависти к евреям, дали место в своем издании «гнусной фальсификации», целиком сфабрикованной «ничтожной и презренной французской газеткой». Досталось при этом и «Новому Времени» и даже «С.-Петербургским Ведомостям», перепечатавшим из «Руси» это воззвание. Запальчивым хором (нашедшим себе сочувственный отзыв и в газетах нашего мнимолиберального стана) утверждают еврейские публицисты, что подобного «манифеста» никогда не существовало и существовать не могло как противоречащего будто бы убеждениям, стремлениям и чаяниям еврей-

ского народа или, по крайней мере, образованного его слоя. «Еженедельная Хроника» журнала «Восход» приводит даже с торжеством подлинный французский текст официального циркуляра, изданного «Всемирным Союзом» при его открытии, а также и текст французской речи знаменитого юриста Кремье, произнесенной им при избрании его в председатели «Союза», года через два после открытия. Действительно, в обоих этих документах, рекомендуемых «Хроникой», гораздо более общих либеральных мест о цивилизации и прогрессе человечества, чем характерных национально-еврейских особенностей; однако же самое учреждение «Союза» объясняется не только желанием содействовать, во имя святых принципов великой французской революции, повсеместному уравниванию евреев в гражданских и политических правах с населением тех стран, где они обитают, но также и намерением установить между евреями всего мира теснейшее единство и солидарность... Искренно или неискренно, но еврейская газета «Русский еврей» до того, по-видимому, убеждена в подложном измышлении помещенного в «L'Antisemetique» и перепечатанного у нас «воззвания», что, по ее словам, ее теперь наиболее занимает «психологическая подкладка» нашего поступка, а именно вопрос: в самом ли деле редактор «Руси» так наивен и прост, что способен был поверить существованию подобного документа, или только прикинулся, будто поверил? При этом, разумеется, ответ в обоих случаях выводится для редактора самый язвительный.

Впрочем, употребляется и другой прием, более мягкий и почти сердобольный. Г. Лев Биншток, еврей, в открытом письме к нам, появившемся в 251 N «Русского Курьера», сострадательно скорбит о нашей когда-то доброй, по его словам, репутации, так неосторожно теперь нами скомпрометированной, дивится – как могли мы, основываясь на свидетельстве такого гнусного листка, как упомянутая французская газета, позволить себе «чернить целую нацию, ни в чем не повинную», а вместе и великого «государственного мужа» Кремьё, и в заключение увещевает нас заявить немедленно в «Руси» о нашей невольной ошибке и тем самым уничтожить «в корне тот яд», который благодаря нам «разливается теперь по всем слоям русского общества»...

Во всем этом суетливом гвалте, поднятом русско-еврейской печатью, мы прежде всего с удовольствием отмечаем и принимаем к сведению одно: что евреи не только отвергают подлинность напечатанного у нас воззвания от имени «Всемирного Израильского Союза», но и всячески отрицают выраженные в нем, вслух и въявь, еврейские чаяния и идеалы. Что же касается вопроса о подлинности, то спросим и мы в свою очередь: почему же этот вопрос не поднят был евреями ранее, ни в Германии, ни в самой Франции? Так называемый манифест появился в «Руси» 1 ноября, т. е. месяц спустя после того, как он был напечатан в Берлине в газете «Deutsche Volkszeitung, Organ fur sociale Reform», в N от 11 октября нового стиля, а также в переводе с текста,

помещенного в «L'Antisemetique»! Мало того, он же через несколько дней отпечатан отдельными листами (один из них у нас перед глазами) и раздавался редакцией газеты в аудитории, состоявшей не менее как из 5000 человек и собранной по делу о пожаре синагоги в Ново-Штеттине. Могут возразить, что «Deutsche Volkszeitung» издание Антисемитической лиги. Но что же из этого? С той поры прошло уже теперь целых два месяца (по 1 декабря): почему же в течение этого долгого для газетной публицистики срока во всей западноевропейской печати (а она ли не обилует органами? не еврейями ли издаются и внушаются большинство немецких, пользующихся не малым значением газет?) не появилось до сих пор ни единого протеста, ниже какого-либо сомнения в действительности «воззвания»? Известно, однако, с какой горячностью эта пресса силится опровергнуть все возводимые на еврейство обвинения и подозрения, если только такое опровержение возможно... Мы сами никогда не имели в руках газеты «L'Antisemetique», но знаем, что эта, по словам русской еврейской печати, ничтожная и презренная газетка издается во Франции, в Мондидье, а теперь редакция ее возвещает, что переводит издание в самый Париж, причем благодарит публику за поддержку. Во всяком случае, более чем странно, что эта газета, издающаяся о бок с самим «Всемирным Израильским Союзом» (имеющим пребывание в Париже), не была им тотчас же обличена в подлоге и даже не вызвала никакого гласного отрицания, которое фран-

цузским обществом встречено было бы с тем большим сочувствием, что совместное сожительство 60 тысяч евреев с 30-миллионным французским народом представляет менее неудобство, чем в других странах, гуще заселенных евреями. Тем страннее выходка издающейся в Петербурге на еврейском языке газеты «Гамелиц», которая, называя редакторов «Руси», «Нового Времени» и «Петербургских Ведомостей» «нахальными лжецами», возвещает, будто бы обратилась с просьбой в Париж, к г. Изидору, президенту «Всемирного Союза»: прислать протест через французского министра иностранных дел или русского посла в Париже – для напечатания в «Новом Времени»! Почему же не приглашает «Гамелиц» г. Изидора прислать его прежде всего в Берлин и еще прежде напечатать его во французских газетах?! Приведенный же «Восходом», опубликованный «Союзом» при его открытии и не от имени Кремьё документ также вовсе не может пока служить опровержением, потому что воззвание, о котором идет спор, называется во французской газете тайным или конфиденциальным и разослано, как оказывается при внимательном чтении текста, не при самом открытии, а перед открытием, и от имени Кремьё, который, если не был официальным председателем «Союза» в первые два года; то, несомненно, был его главным и самым авторитетным основателем, а затем – двигателем и душой.

Итак, ни во Франции, родине помещенного у нас «манифеста», ни в Германии, да и нигде в Западной Европе под-

линность его до сих пор никем не оспаривается, несмотря на гласность, приданную ему антисемитическими изданиями, особенно же в Берлине. Впрочем, мы поручили нашему берлинскому корреспонденту постараться разведать обстоятельнее происхождение этого документа. Но что касается самого его содержания, будто бы апокрифического, то в нем, несмотря на все отрицания гг. евреев, нет не только ничего апокрифического, да и ничего нового, ничего такого, чего бы по частям, врозь, не находилось в различных еврейских сказаниях и писаниях. Здесь нова и бьет в глаза лишь конкретная форма возвания, содержание же поддается почти буквально самим вероучением иудеев. Мы и придали значение этому так называемому манифесту только потому, что он, как мы выразились, «дословно подтверждает и подчеркивает суждения о еврействе, высказанные нами самими», и в кратком сжатом образе определяет как внутренние основы еврейской народности и отношения ее к другим национальностям, так и религиозно-политические идеалы и заветы евреев. Все эти идеалы и заветы были и прежде воспроизведены в наших статьях, хотя еще только в форме логических выводов из сущности еврейского вероисповедания, — так что если, по словам г. Бинштока, мы и «очернили ни в чем не повинную еврейскую нацию», то гораздо ранее помещения в «Руси» пресловутого циркуляра. Последний не прибавил ни одной черты, нам неизвестной, и не мы виноваты, если собранные воедино и выставленные на свет Бо-

жий, они, эти черты, устыдили или устрашили самих евреев. Бернее – устрашили. Вовсе не в расчете евреев разоблачать перед иноплеменниками и иноверцами правду их внутреннего мира и утратить право эксплуатировать в свою пользу столь властные над современной общественной совестью принципы: «прогресса», «цивилизации», «гуманизма» и т. п. Прикрываясь ими как плащом, евреи всякое поползновение сорвать этот плащ и сделать явным для общественного сознания то, что так тщательно ими утаивается, оглашают как проявление «религиозной нетерпимости», как преступление против «либерализма», «культуры», – и действительно успевают запугивать наших суеверно робких адептов казенного или шаблонного либерализма! Последние не только не позволяют себе заглядывать еврейству в лицо из-за его либеральной маски, но упорно жмурят глаза перед очевидными фактами жизни и даже научными разоблачениями. Что же касается статей в «Руси», то по поводу их много истрачено было еврейской печатью типографских чернил; но во всем этом борзлом еврейском словоизвержении, исполненном ругательств и издевательств, нет ни одного ответа на поставленные нами вопросы, ни одного серьезного опровержения. Они упорно обходят наши, смеем думать, довольно убедительные доводы и верхом на «прогессе» силятся обвинить нас в ретроградстве, обзывают именами героев испанской инквизиции. Все это только пуще заставляет предполагать с их стороны умышленную, сознательную неискренность, т. е.

неискренность мысли: чистосердечию их досады и гнева мы вполне верим.

Разберем же вышеупомянутый манифест покойного председателя «Всемирного Израильского Союза» Кремьё по пунктам – тот самый манифест, который г. Биншток называет «колоссальной и глубоко-циничной глупостью, способной обесчестить не только Кремьё, но даже какого-нибудь захолустного, во мраке невежества и фанатизма коснеющего цадика», манифест, язык которого, по выражению того же г. Бинштока, есть «язык Шейлока, Разуваева, Колупаева и фанатика Торквемады».

«Союз, – так начинается воззвание, – который мы желаем основать, не есть ни французский, ни английский, ни швейцарский, но израильский всемирный союз»... Тут, кажется, нет ни одного слова неправды и никакой «колоссальной глупости», а только колоссальный факт. Союз основан и существует под именем «Всемирного Израильского Союза» (Alliance Israelite Universelle), с изображением на протоколах земного шара, осененного скрижалями Моисеевыми, и с девизом: «Все евреи за одного и один за всех» (tous les Israelite sont solidaircs les des autres). И не только «Союз» существует, но и опекает собою русских евреев (да иначе он не был бы и всемирным), т. е. вмешивается в отношения этих русских подданных к русскому правительству и государству. Так, например, вмешался он в дело минского еврея Бороды, приговоренного за поджог к смертной казни в 1864 г. (см.

еврейский журнал «Таммагид» N 38 за 1867 г.); в 1868 г. вошел в переписку с русским посланником в Париже по случаю перехода еврейки в православную веру (см. 32 N журнала «LibaНn» за 1868 г.); в 1869 г., по случаю работ еврейской комиссии в Вильне, учинил особый съезд членов «Союза» в Берлине, а в 1874 г. – новый съезд там же по поводу преобразования в России воинской повинности; он же жалуется президенту Северо-Американских Штатов на русское правительство за гонение будто бы на евреев, как это доказывается перепиской бывшего в России дипломатического агента республики Куртина с «Союзом»; он же делает представления по делам евреев русскому министру внутренних дел Тимашеву (и получает от него благосклонные объяснения); он сделал и недавно, в самом начале антиеврейского движения на нашем юге, довольно смелое представление нашему правительству, как это подтверждается энергичной ответной заметкой, помещенной в официозной «Agence Generale Russe». Если понадобится, мы можем представить извлечение из напечатанных протоколов «Союза» обо всем касающемся евреев в России, но, полагаем, достаточно и этих примеров. Он же, «Союз», имеет свои наблюдательные комитеты вдоль нашей западной границы в 40 пунктах, которые мы можем поименовать. Сам же наш ярый противник, «Русский Еврей», в одном из своих NN призывает евреев «группироваться» около «Союза» как около центра. Он и действительно центр, не только духовный или нравственный, но и поли-

тический, для евреев «всего мира»; он есть выражение единства рассеянной по земле всей еврейской нации; он – защитник и оберегатель экономических и гражданских интересов русских подданных, как и подданных других государств еврейского происхождения. Обыкновенно у подданных какого-либо государства только один политический центр и один защитник и оберегатель: подлежащее правительство. Евреи же – о двух центрах, о двух правительствах, равно как и о двух нациях, – следовательно, о двух единствах и о двух патриотизмах? Кажется, этого логического вывода из самого факта учреждения и существования «Всемирного Израильского Союза», провозгласившего единство еврейской нации на всем земном шаре, не может отрицать и г. Биншток, хотя в том же письме к нам ратует за «единение евреев в одну общую семью с коренным русским населением»? Да и что же иное значит девиз «Союза» об еврейской солидарности, которой он таким образом является органом? Этого девиза мы не измышляли, его не имеется на спорном манифесте, он стоит на бесспорных, напечатанных протоколах и гласит: «Все израильтяне за одного и один за всех». Предоставляем нашим противникам самим решить: нормально ли было бы такое положение, если бы, например, магометане всего мира признали себя в той же степени солидарными с нашими татарами Казани или Крыма, или если бы житель Прибалтийского побережья немецкого происхождения захотел состоять в подобной же круговой поруке со всей Германией? Может

быть, это и «глубоко циничная глупость», но она принадлежит самому «Союзу», девиз которого только воспроизведен и развит в манифесте.

Пойдем далее. «Другие народы, – продолжает спорный документ, – распадаются на нации, мы одни не имеем никаких сограждан, а лишь религиозных последователей»... По связи мыслей присоединим сюда и соответственные, помещенные несколько ниже изречения: «Наша национальность есть религия отцов наших, другой мы не признаем никакой»... «Если вы верите, что вы, невзирая на ваши внешние национальности, остаетесь одним и единым народом, то» и т. д.... Этих ли слов ужаснулся г. Биншток, в них ли усмотрел он «колоссальную глупость»?.. Мы видим в этих словах одну строгую и фактическую истину. Евреи не имеют ни общей государственной территории, ни даже общего языка (древний еврейский язык – достояние только ученых); они рассеяны по всей вселенной среди чуждых им государств и народов, а между тем все они сознают и используют свое национальное единство. Где же основа этого единства? Не в чем ином, как в религии. Это уже такая общепризнанная истина, что ее и повторять совестно. Религия – не только основа, но и жизненный нерв, душа и суть еврейской национальности. Все мировое значение еврейского племени в истории человечества зиждется исключительно на религии; вся их собственная история до воплощения на земле Христа, Сына Божия и сына Давидова, есть «священная история» и для

христианства. Евреям, избранному Богом народу, ниспослано было Откровение; им был дарован Завет, именуемый теперь «Ветхим», с обетованием, что воздвигнет Господь из недр еврейского народа Спасителя, или Мессию. Мы, христиане, почитаем это обетование уже исполненным; евреи же продолжают ожидать исполнения; этим ожиданием живут и до сих пор; только в этом ожидании и коренится для них причина их бытия как народа, как нации; только в нем и почерпнули они ту изумительную нравственную силу, с которой перенесли, рассеянные по всему миру, долгий ряд веков – преследований, гонений и мук. Если бы они в течение этого периода времени уступили и отреклись от «религии своих отцов», они бы давно исчезли в массе племен, среди которых теперь обитают. Но эта «религия отцов» для верующего еврея (а неверующий еврей-аномалия) не есть личный мистический союз с Богом, а союз народный. Верующие евреи не могут в прошлом не признавать своего народа «избранным», потому что он таким действительно был – это исповедуют и христиане: разница в том, что евреи продолжают почитать свой народ «избранным» и досель, так как продолжают чаять исполнения обетования, которое, по их представлению, состоит в явлении Мессии как царя Израилева, имеющего восстановить и превознести превыше всех царство Израилево. Поэтому Кремьё совершенно прав, говоря, что в религии отцов заключается еврейская национальность и что согражданство еврейское означает причастность

к общим еврейским религиозно-политическим чаяниям. Он прав, утверждая, что никакой другой истинной национальности для еврея не существует и не может существовать, потому что всякий русский, польский, немецкий еврей – не просто русский, поляк или немец еврейского происхождения или Моисеева закона, но имеет, в силу этого самого закона, свое особое политическое прошлое и политическое будущее, другими словами: состоит в то же время гражданином прошлого национального еврейского и будущего национального же еврейского государства, находясь теперь только на перепутье времен и пространств, в рассеянии, до срока, среди чуждых национальностей. Как бы «лояльно» (по выражению одной русской еврейской газеты) евреи ни выполняли своих обязанностей по отношению к этим чуждым национальностям, все же они, эти национальности, остаются, по меткому выражению Кремья, для евреев «внешними». Той духовной связи, которая дается единством веры, единством религиозных, нравственных, исторических и политических идеалов, не может существовать у еврея с теми нациями, среди которых, по воле случая, ему приходится жить. Если же нам возразят указанием на других инородцев и иноверцев, обитающих в нашем отечестве, то на это мы заметим, что таковые не сознают себя гражданами целой особой нации вне пределов России; не имеют никаких особых чаяний на самостоятельное бытие в будущем, не признают себя политически или граждански солидарными со всеми единоплеменниками

за рубежом русского государства, а потому легче и искреннее, чем евреи, могут приобщиться к политической и исторической судьбе господствующей национальности.

«Рассеянные, – продолжает Кремьё в своем воззвании, – между народами, кои враждебны нашим правам и интересам, мы тем не менее, невзирая ни на что, остаемся евреями...» «Мы евреи и желаем остаться евреями», – говорит и «Русский Еврей» (в 44 N), справедливо поясняя, что «если бы он этого не желал, то все бедствия и страдания еврейского народа были бы в его глазах вопиющей нелепостью» и он должен был бы сказать евреям: «Бросьте свою ношу (т. е. отступитесь от ваших верований и ожиданий) – и вам станет легко», но «мы, – повторяет газета, – желаем остаться евреями». Мы со своей стороны не видим в этих словах «воззвания» ни глупости, ни цинизма, ни фанатизма, хотя и признаем настоящие религиозные чаяния евреев совершенно ложными. Пойдем далее. «Мы обитаем, – гласит манифест, – в чуждых землях, и мы не можем интересоваться переменчивыми интересами этих стран, пока наши собственные нравственные и материальные интересы будут в опасности...» А вот что говорит еврейская газета «Русский Еврей»: «Если что мешает евреям быть образцовыми самоотверженными гражданами обитаемых ими стран, то это – условия, далеко от евреев не зависящие», и вслед за этим газета толкует о необходимости для евреев полной с христианами равноправности, т. е. одинаковости не только гражданских обязанно-

стей, но и прав.

Мудрено, по-видимому, и требовать от людей, пока их нравственные и материальные интересы нисколько не обеспечены законодательством обитаемой ими страны, искреннего участия к ее интересам, со всеми их превратностями. Но если бы даже еврейским интересам и перестала грозить опасность, спрашивается: могут ли они, оставаясь евреями, следовательно, носителями обетования о пришествии Мессии и о блестящей религиозно-политической будущности, ожидающей еврейскую нацию, искренно и серьезно принимать к сердцу... ну хоть тот Kulturkampf, который разделяет теперь мир латинский и протестантский, или хоть историческое призвание России как православно-славянского мира? До сих пор в манифесте нет ни одного слова, от которого бы имели право и повод отказаться евреи. Но посмотрим дальше. «Не раньше, – вещает сей документ, – еврей станет другом христианина и мусульманина, как в то время, когда свет израильской веры, единственной здоровой религии (в немецком переводе правильнее: Vernunftreligion) будет светиться повсюду... В наступивший к тому день еврейское учение должно наполнить весь мир...» В той речи Кремье, которую, оспаривая нас, приводит «Еженедельная Хроника Восхода», – речи подлинной, несомненной, публично произнесенной, – мы читаем, что «единственно правильное, разумное и истинное отношение к Богу дано человечеству скрижалями Завета», что в еврейской религии –

святость и истина. Если таково воззрение, то с ним неразрывно и убеждение, что эта истина со временем восторжествует и покорит себе мир. Не это ли выражается и эмблемой, красующейся на протоколах «Израильского Всемирного Союза»: Моисеевы скрижали, осеняющие земной шар?.. Нужно ли прибавлять, что такая победа «истины» (понимаемой евреями единственно в смысле еврейского религиозного закона) предвозвещена и всеми священными для евреев книгами, равно и Талмудом; что только чаяние этой победы и поддерживает еврейский народ в его настоящем тягостном жребии среди современного торжества иных, нееврейских религиозных учений? Кремьё не взывает и в манифесте ко вражде с христианами и мусульманами, не проповедует нарушения «лояльности» в отправлении гражданских обязанностей к чуждым или внешним для евреев национальностям. Он утверждает только – и с ним нельзя не согласиться, что пока длится преобладание иноверческих учений, до тех пор не может состояться и торжество израильской веры – следовательно, пока не исполнится для евреев это радостное упование, не может еврей содействовать победе ни христианской, ни мусульманской религии, не может доброжелательствовать ни христианству, ни мусульманству или искренно «дружить» не то что с Сидором Петровым или татаринном Абдуллою, а «с христианином и мусульманином» как таковыми, т. е. как с упорными противниками страстно чаемого еврейским народом торжества, исповедниками враж-

дебных ему религий. Ибо в этом обетованном торжестве для евреев вся причина, весь смысл, вся цель их бытия на Земле как народа; ради него они живут и долго терпят, это для них интерес не личный, а национальный; это для них вопрос – быть или не быть. Слова Кремье вытекают логически из самой сущности еврейского религиозного мировоззрения, и мы недоумеваем, какими бы аргументами возможно было их опровергнуть. Разве только отрекшись от еврейских религиозных заветов и идеалов? Точно так же, только под условием отречения от этих заветов и идеалов, может еврей отрицать законность и справедливость следующего призыва Кремье: «Израильтяне! Хотя рассеянные по всем краям земного шара, пребывайте всегда как члены избранного народа. Если вы верите, что вера ваших предков есть единственный патриотизм; если вы верите, что вы, невзирая на ваши внешние национальности, остаетесь одним и единым народом; если вы верите, что только еврейство представляет собой религиозную и политическую истину, – евреи всего мира, придите и внемлите этот призыв наш, окажите нам ваше содействие, ибо дело велико и свято, а успех несомненен»... Сюда же следует присоединить и эти выражения манифеста: «Священные пророчества наших св. книг исполнятся. Настанет пора, когда Иерусалим сделается домом молитвы для всех народов, когда знамя еврейского единобожия будет развеваться в отдаленнейших концах Земли».

Да, религия евреев есть их единственный патриотизм и не

может им не быть, не только потому, что иначе следовало бы в самом деле допустить, будто у каждого еврея два единства и два патриотизма (а это уже совершенная бессмыслица), но и потому, что с религией связано все их упование на свою политическую и национальную будущность. Да, только еврейство, по понятиям еврейским, может представлять истину религиозную и политическую, потому что еврейский религиозный идеал, имеющий стать истиной и на Земле, в то же время идеал политический и народный и вместе с тем обязательный для всего мира. Божественное обетование Мессии понимается ими не иначе как явление царя Израильского, имеющего воздвигнуть царство Израильское не только в блеске, славе и силе, но и в миродержавстве. Покорнейше просим наших оппонентов, не хитря и не лукавя, не уклоняясь вправо и влево, а прямо и без обвиняков отвечать нам на вопрос так ли или нет? таково ли вполне определенное религиозное верование евреев (разумеется, не евреев-нигилистов, а евреев верующих)? Не ограничиваются ли разве и теперь евреи одним богомолением в ожидании – когда возможно станет богослужение, которое по закону должно совершаться не иначе как в храме, т. е. в Иерусалиме, на горе Мория? Не заканчиваются ли разве и теперь их национальные праздники в дни Рош-Гашана и Иом-Кипура трубным гласом и восторженными кликами: «Лемана габаа бирушелаим», т. е. на будущий год – в Иерусалиме?.. Разве когда-то действительно избранный, народ еврейский не про-

должает признавать себя и теперь народом избранным, веруя в то же время во всемирное торжество «еврейского единобожия?» А что может значить теперь признание себя народом избранным? По христианскому учению, с явлением Спасителя на земле в среде еврейской, «под зраком» еврея исполнилось обетование, данное некогда Израилю, упразднилось избранничество еврейского народа – призыванием всех народов. Христианство внесло в мир начало всеобщего равенства и братства о Христе, без всякого различия национальностей. Сувлекшись ветхого человека с деяниями его, облекитесь, проповедует апостол Павел (еврей же), «в нового, обновляемого в разум, по образу создавшего его, идеже несть еллин, ни иудей, обрезание и необрезание, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос». Евреи же, не признав исполнения обетования, отвергнув это обновление и сохранив в себе ветхого человека, удержали идею избранничества, обратив ее в понятие о себе как о племени привилегированном. Какой же смысл этой привилегированности в будущем, когда даже Иерусалим сделается домом молитвы для всех народов? Смысл тот, что господство будет тогда принадлежать евреям и им же, как господам мира, будут принадлежать все блага или богатства земные, ибо царство Мессии представляется евреям не иначе как в земном, вещественном образе. Вполне понятно поэтому и следующее выражение Кремьё в самом конце манифеста: «Недалек тот день, когда все богатства земные будут исключительно принадле-

жать евреям». Это вытекает логически из самого еврейского представления об еврейском избранничестве и о будущем миродержавстве «избранного» народа. Это ведь не христианское понятие о царстве Божием!.. (Впрочем, и вообще у евреев представления о вечности, о загробной жизни самые неопределенные и смутные. Понятие о вечности перенесено у них во протяжении рода, ибо обетование дано роду.). До какой степени грубо и внешне воззрение евреев на торжество и расцвет еврейской религиозной истины в образе царства Израилева, можно судить по следующим словам послания к евреям, помещенного в еврейском журнале «Гашахар» за 1871 г. (стр. 154–156), издававшемся (может быть, и издающемся) на еврейском языке. Обращаясь к евреям, автор, рассуждая о пришествии Мессии, спрашивает их: «Но найдет ли Мессия между вами людей полезных, когда явится, чтобы возобновить нашу жизнь по-прежнему? Из вашей ли среды найдет Он (Мессия) министра финансов, военного, ученых, государственных людей, способных быть представителями при дворах иностранных государств, инженеров, землемеров и т. п. людей, необходимых для Его царства»... Эти мудрые строки принадлежат г. Гордону, бывшему секретарю «Общества распространения просвещения между евреями», которое само не что иное, как отдел «Всемирного Израильского Союза». Смысл увещания тот, что в ожидании наступления царства Мессии евреи должны уже и теперь подготавливаться или практиковаться на всех сих служебных поприщах

– в тех царствах или государствах, где обитают. Подготовка, по крайней мере по части министерства финансов, и у нас в России идет, по-видимому, очень успешно...

Выходит, таким образом, что почтенный г. Биншток позволил себе обозвать «колоссальной и глубоко циничной глупостью», способной обесчестить даже людей закоснелых «во мраке невежества и фанатизма», не что иное, как собственные чаяния, стремления и идеалы евреев. То, что мы читаем в так называемом манифесте, – вовсе не измышления самого г. Кремье, а содержится в самом вероучении еврейском, в сущности самих религиозных воззрений и представлений евреев о призвании и о национальной, политической и экономической будущности еврейского «избранного» или привилегированного народа. Не может же негодование наших оппонентов по поводу манифеста сосредоточиваться на остальных выражениях документа, например, о «католицизме, пораженном в голову» (это теперь на все лады повторяет республиканское правительство Франции). Или же на следующих: «Пользуйтесь всеми обстоятельствами! Наше могущество велико, учитесь же употреблять его в дело! Чего нам страшиться? Каждый день будет расширяться сеть, распростертая по земному шару Израилем»? Все это не отвлеченные суждения, а общеизвестные факты, на которые автор воззвания только указывает для ободрения и поощрения самих евреев. Разве не велико то могущество, которое захватило в свои длани все европейские биржи и едва ли не боль-

шую часть органов печати в просвещеннейших странах мира? Разве не раскидывается все шире и шире сеть, распростертая Израилем на финансовые средства, на экономические силы государств? Кто орудует всемирным подвижным кредитом? Кто ворочает несметным капиталом, заключающимся в процентных бумагах, поднимает и роняет фонды, ставя мир в зависимость от своей спекуляции, разоряя народы и страны, и сам – непреложно обогащаясь? Кто, как не Израиль? Не братья ли Ротшильды, эти цари бирж, восседающие на своих биржевых престолах в трех столицах Европы, с тысячами еврейских же банкиров, рассеянных по земному шару, могут служить уже и теперь прообразом слагающегося еврейского единства и мощи? Конечно, если для еврейского Мессии потребны будут финансисты, то ему же потребуются и финансы, и не для будущего ли обетованного царства евреев мир христианский заранее, постепенно, обращается Израилем в оброчную статью?!

Итак, вопрос о фальсификации манифеста Кремьё представляется совершенно праздным, и вся эта шумиха возбуждена едва ли не с единственной целью – заслонить подлинность содержащихся в нем разоблачений, отвести от них глаза русской публики и запугать дерзновенных противников. Эпитет «циничной глупости», выдвинутый г. Бинштоком, может иметь место по отношению к сему документу лишь в том отношении, что едва ли такой умный еврей, как Кремьё, решился бы в печатном циркуляре обнаружить завет-

ную тайну помыслов и стремлений своего народа. Но, повторяем, по уверению французской газеты, это воззвание было также тайное или конфиденциальное – вот почему оно и оставалось неизвестным для христианского общества чуть ли не 30 лет. Вообще тайна и двусмыслие – типичная черта всех еврейских учреждений с самых дальних времен.

Вместо того чтобы по поводу каждой попытки беспристрастных исследователей подойти ближе к внутреннему миру еврейского народа вопить о фанатизме и поминать инквизицию с Торквемадой, пусть наши оппоненты, если они сколько-нибудь добросовестны, ответят искренно на поставленные нами вопросы. Что-нибудь одно: или они не знакомы вовсе со своим национальным вероучением, или же лицемерят. Если же они станут утверждать, будто религиозные верования, чаяния и идеалы не имеют в наше время никакой власти над еврейским народом, то станут утверждать лишь бессмыслицу, которой мы не поверим. Отвергать то, о чем живет и движется, что обособляет евреев от всех прочих народов, что ставит их в исключительное положение в мире, в чем заключается их значение во вселенской истории, – это было бы только сугубой, нахальной ложью.

Наша задача относительно «еврейского вопроса» в том преимущественно и заключается, чтобы внести побольше света в еврейскую тьму, рассеять туман, застилающий общественное сознание, свести еврейских публицистов с их модных коньков, незаконно ими оседланных: «прогресс»,

«культура», «гуманизм», «цивилизация» и т. д., – доказать самим евреям то логическое непримиримое противоречие, в котором состоят их национальные религиозные и политические верования и идеалы не только с христианской религией, но и со всем нравственным учением христианства, со всеми коренными, существенными основами христианской цивилизации, равно как и с национальными политическими и экономическими интересами государств. Современное еврейство как вероучение – анахронизм; не прогресс, а регресс, отрицание всего исторического духовного движения девятнадцати столетий. Оно – не «гуманизм», а национальный эгоизм, возведенный в божественный культ. Оно – самое энергетическое, в недрах высшей области верующего духа, проявление материализма, от наигрубейших его форм до тончайших... И в то же время какую высоту и силу духа могло бы явить это удивительное, столь богато одаренное племя, если бы оно не загрубело для истины, если бы способно было совлечь с себя ветхого человека и облечься в нового, обновляемого в разум Христов!..

Еще о воззвании «Всемирного Израильского Союза»

Москва, 15 декабря 1883 г.

Точно такого же содержания письмо, в тех же выражениях, за исключением, разумеется, начальных и заключительных строк, получено и газетой «Новости» (N 245), которая, как и следовало ожидать, удостоилась от Комитета благодарности за «красноречивое» будто бы доказательство подложности документа. В ответ на письмо Комитета мы посылаем ему как настоящий N «Руси», так и N 33, в котором если не «красноречиво», то, кажется, довольно убедительно выяснено, что вопрос о подложности напечатанного во французской газете «L'Antisemetique» воззвания не имеет в настоящем случае особенного значения ввиду неподложности высказанных в оном еврейских воззрений и чаяний. Затем нельзя не удивиться, что Комитет довольствуется голословным отрицанием воззвания и выражением лишь презрения к газете «L'Antisemetique», тогда как было бы всего легче притянуть ее к суду и потребовать от нее предъявления доказательств подлинности напечатанного ею документа: это было бы ведь несравненно убедительнее! Из полученного нами N этой французской газеты, где помещен упомянутый документ, оказывается, что ею напечатаны только выдержки (extraits) из мемуара, читанного или предъявленного са-

мим Кремьё своим единовѣрцам (вероятно, в заседании Союза) в апреле 1874 года, когда, по всей вероятности, Союз нуждался в новой поддержке. Выдержки эти сообщены газете каким-то высокопоставленным лицом, имя которого ей известно. В переводе нашего корреспондента, вероятно, по спешности, опущено следующее интересное место: «И зачем бы нам идти навстрѣчу другим, нам, представителям истины и единственной рациональной религии!» Это как раз то же самое, что проповедует в своих органах печати современная еврейская интеллигенция, и вполне сходно с подлинной речью Кремьё, недавно напечатанной в еврейском русском журнале «Восход»!..